

"Пусть любить тебя будет больно"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Ульяна Соболева

1 глава

2 глава

3 глава

4 глава

5 глава

6 глава

7 глава

8 глава

9 глава

10 глава

11 глава

12 глава

13 глава

14 глава

15 глава

16 глава

17 глава

18 глава

19 глава

20 глава

21 глава

22 глава

23 глава

24 глава

notes

1

2

3
4
5
6
7
8
9
10

Ульяна Соболева

Пусть любить тебя будет больно

1 глава

Последний раз, когда я смотрела в окно автомобиля на такие до боли знакомые пейзажи, я даже не думала о том, что покидаю эти места навсегда. Меня пожирала совсем иная тоска. Я потеряла намного больше, чем возможность просто оставаться в родном городе и в родной стране. Гораздо страшнее не чувствовать эту горечь эмигранта, который покидает родину, потому что иная потеря затмевала все эмоции, делая их ничтожными. Какая разница, на каком краю света грызть подушку, выть по ночам? Особенно, если особо и выбора не оставалось.

Сейчас, глядя в окно такси, я снова ловила себя на мысли, что думаю только о том, успею ли я на похороны, и почему Руслан не отвечает мне на звонки. В который раз я набирала его номер и слушала монотонный голос на автоответчике. Еще нет паники, но есть то самое предчувствие, от которого сердце болезненно сжимается и уже не разжимается, а начинает саднить в груди. Я написала несколько сообщений Руслану и закурила, глядя, как проносятся перед глазами деревья, однотипные здания, так сильно отличающиеся от красочных строений Валенсии. Все-таки человек счастлив совсем не там, где его родина, а там, где он чувствует себя, как дома. Для меня дом был рядом с Русланом и детьми. Да, я наивно предполагала, что могу быть уверенной в завтрашнем дне, как и в мужчине, который находился рядом со мной.

...Как трудно рассказывать кому-то о счастье. Вдругловишь себя на мысли, что и говорить особо нечего. Это о горе можно писать целые трактаты, а счастье оно настолько воздушно, невесомо и мимолетно, что о нем лучше молчать, чтобы не спугнуть. Да и зачем разговаривать, если оно настолько оплетает твой мир, что со стороны кажется – ты светишься невидимыми неоновыми вспышками эйфории. Когда просто хочется сжимать ЕГО руку, сплетая пальцы, и смотреть на мир безумными глазами, и беззвучно кричать: «Разве вы не видите, как мне хорошо, как я летаю? Это вам кажется, что я хожу, а на самом деле я лечу. Высоко-высоко».

Первое время боишься этот полет спугнуть, неправильно взмахнуть крыльями или вдруг понять, что просто спишь, и тебе все это снится, а потом привыкаешь парить и взлетаешь все уверенней и уверенней, выше и выше, забывая о набранной высоте и о том, что стихия неба над тобой непредсказуема.

Но как можно о чем-то думать, если слепит солнце и небо кристально чистое?

Я открывала глаза по утрам и еще несколько минут лежала в тишине, вдыхая его запах, слушая биение сердца или рассматривая каждую черточку лица, трогая скулы кончиками пальцев, пока он не открывал глаза и не опрокидывал меня на спину, жадно сминая мою кожу горячими ладонями, накрывая собой и врываясь в мой полет приземленно-прекрасной пошлостью неутомимой молодости. Меня шатало от усталости, я замазывала тональным кремом синяки под глазами и все равно видела в зеркале неприлично счастливую женщину, которую беспощадно имели всю ночь напролет и непременно отымеют в следующую и в ту, что последует за ней.

Иногда я засыпала чуть ли не стоя с Русей на руках или помешивая кашку у плиты, на диване у телевизора, за компьютером в процессе очередной работы над новыми проектами. Руслан открыл для меня компанию по дизайну интерьера, и теперь я целыми днями занималась только фирмой, искала новые кадры, запускала проекты, ездила на объекты. Мама нянчилась с нашими детьми, а сам Руслан вкладывал все силы в свой бизнес по перевозкам, который только начинал набирать обороты в Испании и в России. Он сдержал слово – ничего нелегального. С прошлым покончено. По крайней мере, с тем прошлым, от которого тянутся кровавые следы и тени от решеток на окнах.

Рядом с ним я забывала сколько мне лет, мне казалось, что я моложе, глупее и наивнее школьницы. Все стереотипы были разрушены, сломлены и бесполезным грузом отправлены в чулан к приметам и суевериям. Я забыла о своих страхах насчет нашей разницы в возрасте и о молодых девушках, которые окружали его на работе и плотоядно заглядывали в глаза в надежде заполучить в свою постель перспективного босса. Руслан заставлял меня верить, что для него я единственная и неповторимая. Женщина остается женщиной, пока она желанна. Она остается молодой и красивой, пока рядом есть тот, кто в любом возрасте скажет ей: "я люблю тебя, маленькая". И не просто скажет, а докажет тысячи, сотни тысяч раз: взглядами, яростными толчками внутри её разгоряченного тела, хриплыми стонами и голодным «я хочу тебя сейчас». Везде. В любую секунду. Требовательно и властно без малейшего шанса на сопротивление. Иногда посреди рабочего дня врываясь в дом, сбрасывая на ходу одежду и жадно глядя, как я кормлю Русю грудью, чтобы потом терзать набухшие соски голодным ртом и рычать от наслаждения, когда капли молока будут попадать ему на язык. Иногда присылать за мной машину, чтобы я приехала к нему немедленно и, закрыв кабинет на ключ изнутри, остервенело трахать меня на рабочем столе, расшвыряв папки и ценные бумаги, или, пока в банкетном зале молодого владельца компании ждали партнеры по бизнесу, я, стоя на коленях, ласкала его член ртом. А иногда, зажав сотовый между ухом и плечом, я яростно растирала себя между ног дрожащими пальцами так, как он говорил мне вкрадчивым голосом в трубку, пока я не начинала кричать ему в ухо от беспощадного оргазма и не слышала в ответ его хриплый стон, представляя, как сильные мужские пальцы пачкаются спермой, когда он кончает, едва слышав мои крики. На расстоянии тысяч километров от меня и все же со мной, и мысленно во мне.

Я начала забывать о его прошлом, о том, почему мы живем в Валенсии, и я так ни разу и не съездила на Родину, почему у него новые документы, и почему он целый год прятался вдали от меня и даже не мог сообщить, что он жив. Счастье не любит задавать вопросы, ему не нужны ответы. Оно живет здесь и сейчас, оно живет в завтра и послезавтра, но не в прошлом. Счастье

не любит, чтобы его омрачали, оно слишком эгоистично и слепо. То, что когда-то с Сергеем казалось мне серой рутинной, рядом с Русланом играло какими-то мистическими красками счастья.

Я иногда задумывалась об этом и понимала, что дело не в быте и не в привычке, а дело в выборе. Жить нужно только с тем человеком, с которым хочется по утрам открывать глаза и улыбаться, когда первые мысли, которые приходят в голову, это о его запахе, о том, как забавно он натягивает носки, когда опаздывает в офис и как трогательно целует спящую дочь перед уходом. Как смешно выглядит пена для бритья на его скулах, и как обворожительно на мне смотрится его футболка.

Представлять, каким он будет через десять, двадцать лет, и понимать, что буду любить его любимым. Даже лысым, толстым и старым. И меня не раздражает поднятая крышка унитаза, недоеденный сэндвич, футбольный матч и пустые бутылки из-под пива на журнальном столике.

Ты доедаешь этот самый сэндвич, запивая ЕГО чаем, на ходу засовывая пустые бутылки в мусорный пакет и проверяя в программе передач, когда будет очередной матч, чтобы сказать ему об этом, запастись любимыми острыми чипсами и выучить имена всех игроков сборной, за которую он болеет, а потом засовывать в стиральную машину его рубашки, футболки и сожалеть, что через пару часов они будут пахнуть порошком, а не запахом его тела. Вот из чего состоит счастье.

Кто-то скажет, что, возможно, с Сергеем нам многое не позволяли финансы, тогда как Рус обеспечил нам безбедное существование, но я тысячи раз думала о том, что не будь у меня и копейки, я все равно чувствовала бы то же самое.

Этой ночью я проснулась в постели одна, потянулась и приподнялась, натягивая повыше одеяло и вглядываясь в силуэт Руслана за прозрачными гардинами. Курит на веранде. Бесшумно встала, натянула трусики, халат и босиком пошла к нему, нежно обняла Руслана сзади, запуская руки под его майку, наслаждаясь прикосновением к гладкой, горячей коже:

- Почему не спишь? Еще так рано.

Обхватил мои руки своими и крепко сжал.

- Отец звонил, просил, чтобы я приехал.

- Когда?

Тревожно забило сердце, и я напряглась. Так бывало всегда, когда Руслан должен был уехать. Мне становилось страшно, что Царев-старший снова втянет его в какую-нибудь авантюру, и что там, где нет меня, Руслану обязательно грозит опасность. Это глупое чувство, что пока любимый человек рядом, ты можешь что-то контролировать и предотвратить, а стоит ему отдалиться, и ты уже ничего не контролируешь.

- Как можно быстрее. У него возникли проблемы с предвыборной кампанией.

Руслан вдруг резко развернулся вместе со мной так, что теперь я стояла у перил спиной к нему, а он сзади, опираясь на руки и преграждая все пути к отступлению.

- Что-то случилось? - осторожно спросила я, пытаюсь увернуться от его губ, которые оставили влажную дорожку на моем плече и переместились по шее к затылку.

- Да, - шепнул мне на ухо и провел кончиками пальцев по ключицам, - случилось. Ты вылезла из постели и надела на себя эти тряпки.

Его руки заскользили по моим бедрам, поднимая шелк халата до пояса, но я хотела, чтобы он ответил на мой вопрос, и поэтому сжала его запястья.

- Я серьезно. Ты ездил туда месяц назад и говорил, что теперь отец приедет к нам.

Руслан провел языком по моему затылку по кромке корней волос, пробираясь к мочке уха и, закусив чувствительную кожу, пустил по моим венам заряд электричества.

- Говорил, - ответил хрипло, заставляя покрыться мурашками, когда его язык прошелся по моей шее снова, оставляя влажные следы. Стиснул ладонями ягодицы и прижался к ним пахом, давая почувствовать его возбуждение, - говорил, чтобы спала голая, - схватил за волосы на затылке, погружая в них пальцы, и заставил наклонить голову вперед, продолжая жадно ласкать губами мой затылок, - говорил, чтобы не надевала трусики, - разорвал тонкий шелк и в тот же момент прикусил затылок, заставив охнуть и схватиться за перила, - говорил, что не люблю, когда ты, вместо того, чтобы стонать, много разговариваешь, - раздвинул мне ноги коленом и проник в меня сразу тремя пальцами, вырывая из груди стон, - говорил?

Сильно сжал волосы и потянул на себя, накрывая второй рукой грудь, сжимая сосок сквозь тонкий шелк и заставляя снова застонать ему в губы.

- Говорил? Не слышу!

Погрузил пальцы глубже, выскальзывая наружу и дразня пульсирующий клитор, я начала забывать обо всем, отдаваясь ласке, пока она вдруг не прекратилась, и я жалобно не простонала:

- Говорил...

- Что говорил, сладкая? - сжимает пальцами бугорок плоти и тут же отпускает пальцы, заставляя тереться о них инстинктивно, другой рукой обхватывая за шею.

- Говорил, - насаживаясь на его руку и закатывая в изнеможении глаза, когда пальцы снова находят клитор, - только не останавливайся... пожалуйста.

Чуть позже, когда я лежала опрокинутая навзничь на постели, обессиленная, тяжело дыша и глядя ему в глаза, все еще наполненная им до краев, тихо спросила:

- Почему отец позвал тебя?

- Подписать какие-то бумаги на месте по передаче бизнеса. Это ненадолго. Пару дней максимум.

Но он всегда так говорил, а мог задержаться и на неделю.

Скатился с меня и привлек к себе на грудь.

- Не переживай, я обещал, что с прошлым покончено, значит, ты должна мне верить. Засыпай. До рассвета еще три часа, а Руся не даст тебе поспать.

И я верила. Мне безумно хотелось верить, как любой влюбленной, счастливой женщине,

которая смотрит на мир сквозь призму розовых очков, и не важно, сколько ей лет. Любовь делает идиотами как малолеток, так и стариков, как политиков, так и преступников. Нет никаких законов или критериев. Словно болезнь. Без разбора. Скосить под корень все трезвые мысли и взгляды на реальность, обнажая только эмоции, делая беззащитными.

Я проводила его в аэропорт поздно вечером, долго целовала и ерошила его волосы, поправляла воротник куртки и снова целовала.

- Я позвоню тебе, как только доеду.

Я кивнула и наконец-то разжала пальцы. Где-то там фантомно заболели крылья, словно их слегка надрезали у основания.

Вечером этого же дня в новостях передали, что накануне ночью, в своем автомобиле найдены мертвыми известный бизнесмен Царев Александр Николаевич и его супруга.

Никаких подробностей не сообщалось. Меня трясло, как в лихорадке, целую ночь, я перерыла весь интернет в поисках дополнительной информации, но нашла лишь короткие заметки. Звонила Руслану, но его сотовый был постоянно закрыт. Дождавшись утра, я купила билет и первым же рейсом вылетела из Валенсии.

И сейчас я думала только о том, как там Руслан? Держится ли он после этого страшного известия? Что произошло на самом деле? Мне хотелось быть рядом с ним немедленно, убедиться, что все в порядке, поддержать его своим присутствием. Ведь я ни разу с тех пор, как уехала в Валенсию, не приезжала на Родину. Несколько раз Руслан предлагал съездить, говорил о том, что все страсти давно улеглись, и нам с детьми ничего здесь не грозит, но мне всегда было страшно вернуться, словно заставить себя окунуться в то самое чувство безысходности и сомнений.

Мне было проще оставить прошлое Руслана за тысячи километров от нас, словно в какой-то уверенности, что именно расстояние гарантирует мне уверенность в том, что с этим покончено.

Я ошибалась. Где бы ты ни был, страхи неизменно следуют за тобой. Пусть они блекнут, и ничего о них не напоминает, но это не значит, что их больше нет. Они, как маленькие, кровожадные демоны, дремлют в глубине сознания, истощенные и голодные, ожидая той самой проклятой пищи, от которой начнут увеличиваться в размерах.

Потому что каждый раз, когда Руслану звонили с зарубежных номеров, внутри что-то замирало, и демоны открывали глаза.

Я снова нажала кнопку вызова и снова услышала голос с автоответчика. Растерянно посмотрела на дисплей, словно, в который раз убеждаясь, что номер набираю верно. Никогда раньше не бывало такого, чтобы Руслан не отвечал и не перезванивал. Меня почему-то всегда пугало чье-то исчезновение больше, чем самое страшное известие. Вот эта глухая тишина по всем фронтам, когда мечешься от бессилия и прокручиваешь в голове самое ужасное.

Внезапно таксист повернулся ко мне и спросил:

- Вы уверены, что не ошиблись адресом?

Я посмотрела на мужчину через зеркало заднего обзора:

- Абсолютно уверена. Это верный адрес. Сколько нам еще ехать?

Таксист пожал плечами:

- По идее, мы давно приехали, но, как видите, здесь пустырь и заброшенная стройка. Я сделал несколько кругов по району, но мне кажется, что-то не так с тем адресом, что вы мне дали.

Я посмотрела в окно. Действительно, пустырь. Ни одного жилого дома. Вдалеке виднеется новостройка. Перепроверила адрес - все верно. Руслан давал мне его еще, когда ездил сюда первый раз. Сказал, что купил квартиру в новом районе, и что, если я когда-нибудь решусь приехать в родной город, нам будет где остановиться. Присылал так же фото той квартиры.

- Это верный адрес. Может быть, вы плохо знаете это место. Район-то новый.

- Я хорошо знаю город, кроме того, я еду по навигатору. Улицы, которую вы мне назвали, не существует, но я нашел сам район и кручусь здесь уже несколько минут.

Я набрала Руслана в очередной раз и в отчаянии отключилась, как только снова услышала автоответчик.

Возможно, я, и правда, что-то неверно записала, да и Руслан, скорее всего, сейчас в доме отца.

- Тогда отвезите меня по другому адресу, пожалуйста.

Таксист кивнул, а я опять почувствовала, как сжалось сердце.

2 глава

Услышав новый адрес, таксист как-то сразу подобрался, выпрямился за рулем и поправил воротник рубашки. Я увидела, как он затушил сигарету в пепельнице и сделал тише радио. Невольное дежавю словно отшвырнуло назад, в тот самый день, когда я впервые приехала к Цареву-старшему, и моя жизнь вывернулась наизнанку. Реакция у того таксиста была очень похожа, словно я назвала адрес в резиденцию дьявола. Впрочем, Царев-старший для многих был похлеще этого самого дьявола. Я мало задумывалась об этом раньше, но ведь и меня он пугал, когда я только познакомилась с ним.

- Вы журналистка? - таксист откашлялся и вцепился в руль, вглядываясь вперед. В морось октябрьского дождя, который монотонно бил в стекло мелкими каплями, зачеркивая лето штрих-кодом приближающихся холодов. В воздухе насыщенно пахло осенью, мокрыми опавшими листьями и свежестью, смешанной с запахом костров и сырости. Я невольно поймала себя на мысли, что вдыхаю этот запах полной грудью. Я соскучилась по нему. Есть иногда крохотные мелочи, которые вызывают бурю эмоций и воспоминаний. И если еще полчаса назад я думала о том, что мой дом там, где Руслан и дети, то сейчас я отчетливо поняла, что на самом деле только дом пахнет именно так, что у тебя сводит скулы, и перед глазами проносятся образы из детства, а в груди щемит тоскливое чувство странного удовлетворения и понимания, как сильно мне всего этого не хватало.

- Нет, я разве похожа на журналистку?

- А черт их знает, на кого они похожи. Мы там спокойно не проедем, все дороги перекрыты из-

за этого убийства олигарха. У крутиков свои развлечения. Воюют между собой, отстреливают мозги друг другу, а нам, обычным людям, страдай. Я сегодня утром вообще не мог проехать по тому району. Словно не бизнесмена пристрелили, а самого президента. Бандюки и есть бандюки. Возомнили себя царями.

Прозвучало настолько двусмысленно, что мне стало не по себе. Я судорожно сглотнула.

- А его застрелили? В новостях этого не передавали.

- Кто ж вам такое в новостях передаст? Но такие своей смертью не умирают, притом вместе с супругами. Заказное, видать. Ничего никто не найдет, как всегда. Суета для вида. Потом сами найдут и сами линчуют, а менты им задницы прикроют. Эх. Все продажные. Куда мир катится?

В такие моменты мне хотелось ответить небезызвестной цитатой, автора которой я, к сожалению, не помню, что мир катят те, кому на это хватает ума и сил, а остальные бегут следом и спрашивают, куда же он катится, вместо того чтобы потеть и толкать с остальными. Как быстро мы меняемся под давлением обстоятельств. Где-то полтора года назад я бы с ним согласилась, а сейчас это слишком касалось меня самой, чтобы не почувствовать раздражение за эту тираду, которая была более чем справедливой. Только теперь я тоже относилась к миру «бандюков», как выразился таксист. Точнее, я относилась к любимому мужчине и приняла его мир, а этот проклятый мир, принял меня... Или не принял.

Таксист свернул возле указателя к первым «крутым» постройкам, больше похожим на мини-дворцы, от взгляда на которые почему-то вспоминались нищие кварталы и бомжи под лавками городских парков, контрастом, как плевков в лицо, словно это я и обирала несчастных, отстраивая себе особняки. Рядом с роскошью, как и рядом с убожеством чувствуешь себя уютно.

Таксист сбавил скорость.

- Поедем в объезд. Там менты кругом, а эти твари найдут к чему придраться.

Мне было все равно, как он поедет, мне хотелось, чтобы это было быстрее. Хоть по воздуху. Увидеть Руслана и понять, что с ним все в порядке. От нетерпения я нервно стучала зажигалкой по колену, кусая губы. Таксист покрутился между шикарными постройками и свернул к обочине.

- Дальше не поеду, - назвал сумму за проезд, явно завышая цену, а мне было уже все равно, сколько ему заплатить.

Когда вышла из машины, в лицо подул сильный ветер, и я поежилась от холода, сжала сумочку ледяными пальцами. Таксист выгрузил мой чемодан на дорогу и быстро сдал назад.

Я взялась за ручку чемодана, выдвинула ее вверх и покатила его за собой, вглядываясь в вереницу машин у высокого забора. Словно на охоте, повсюду виднелись репортеры с камерами, нацеленными на окна дома. Полиция обосновалась чуть дальше. Я видела, как они разливают кофе из термоса в пластиковые стаканы. Меня вначале не заметили, да я и привыкла. Никогда не любила бросаться в глаза, и это не изменилось. Я часто поражалась, насколько мы с Русланом разные. Он - в неизменных футболках и рваных джинсах, татуированный, с серьгой в ухе, и я - в элегантных костюмах, блузках, платьях, и поскромнее, понезаметнее. Никогда не понимала стремления к вычурности и яркости. Бывало, одевалась ему под стать, но все же это было не мое.

- Вы к Царевым?

Я резко обернулась и, завидев камеру, тут же отвернулась:

- Да, к Царевым.

Репортер бросил взгляд на мой чемодан и с любопытством осмотрел меня с головы до ног.

- Родственница?

- Можно и так сказать.

- На похороны приехали? Вы опоздали, церемония началась двадцать минут назад.

Я проигнорировала его слова, и так знала, что опоздаю. Направилась к домофону, нажимая знакомую комбинацию цифр. Мне ответили не сразу. Я назвалась и снова обернулась на журналистов, потом на полицейских - первые заинтересованно смотрят на мой чемодан, а вторым вообще фиолетово, кто пришел к дому. Скорее всего, им просто приказано здесь дежурить. Перевела взгляд на домофон, мне все еще не открыли, и я снова нетерпеливо набрала цифры.

- Ожидайте, - немного раздраженно.

Черт бы их всех побрал с этой охраной.

- Руслана Александровича нет дома, он уехал на похороны. Сейчас не лучшее время для визитов, - спустя пару секунд, - вы можете приехать в другой день или передать ему сообщение. Я не могу сейчас его тревожить, а впустить вас в дом без его ведома не положено.

Я нахмурилась. Что, черт возьми, происходит? Получается, в этом доме даже не знают о моем существовании. А как же фотографии, которые Царев-старший увозил с каждой поездки к нам и говорил, что нашими лицами увешан весь его дом? То, что начальник охраны прекрасно видел меня на мониторе, было понятно сразу. Значит, для него моя физиономия чужая.

- Руслан будет очень недоволен, если вы меня не впустите. Я устала с дороги.

- Простите, но мне не велено никого впускать.

Снова отключился, а я от злости выдохнула и снова набрала.

- Женщина, не вынуждайте меня принять меры.

Женщина! Как резануло слух. Звучит, как бабушка. Какое-то очередное напоминание о том, что далеко не девочка. Менталитет нашей страны неискореним. После двадцати уже старая кляча, вышедшая в тираж, и никаких церемоний. В Валенсии я начала забывать об этом. Там никто не смотрит на возраст, классовые различия, и всем совершенно наплевать, во что ты одет и какая у тебя прическа.

- Это вы не вынуждайте меня принять меры, - ответила зло, почти срываясь на крик. Как же я ужасно устала и сейчас близка к истерике, в ярости выпустила ручку чемодана, понимая, что привлекаю внимание журналистов, но мне уже было наплевать. Я провела в дороге слишком много времени, перенервничала так, что сейчас у меня срывало все тормоза, и я хотела поговорить с Русланом. Самое обычное, черт возьми, желание, которое вдруг стало напоминать недостижимую фантазию. Да, и войти в его дом оказалось равносильно попытке проникнуть в

Кремль во времена коммунизма.

В этот момент к дому подъехала машина. Я даже не обратила внимание, а прожигала взглядом домофон. Еще секунда, и я устрою скандал. Плевать, что на меня это не похоже. Мне посигналили, и я резко обернулась – стекло со стороны водителя опустилось, я увидела Серого, он подался вперед:

- Садись в машину, Оксана.

Повернулась к дому и снова перевела взгляд на Серого.

- Оксана, прошу тебя, давай без истерик. Я потом все объясню. Поехали!

Я не успела возразить, а Серый уже грузил мой чемодан в багажник под щелканье фотокамер и любопытные взгляды.

- Что происходит? – спросила я, как только он отъехал от дома, вырывая на дорогу.

- Убили Александра Николаевича и Ирину Максимовну. Руслан на похоронах. Он в ужасном состоянии. Непрекращающиеся вопросы полиции, его осаждают журналисты, кредиторы отца...

- Сергей! Я знаю о гибели отца и матери Руса! Иначе меня бы здесь не было! – я выдохнула и посмотрела на парня, – это я! Оксана! Не какая-то там непонятно кто! Он не отвечал мне на звонки два дня! Два чертовых дня я сходила с ума, пока ехала сюда, оставив детей в Испании. Для чего? Чтобы мне даже не открыли дверь? Охрана меня не узнала!

Серый протянул мне сигарету:

- Покури и успокойся. Руслан прежде всего думает о тебе и о детях. Он не хочет, чтобы ты мелькала перед домом и тебя видели журналисты. Это ради твоей безопасности. Еще неизвестно, кто убил Царя и зачем. Приезд близких может стать еще одним способом достать Руслана, надавить на него.

Я сунула сигарету в рот, и Серый чиркнул зажигалкой. Звучало более чем убедительно. Но по спине пробежал холодок. Я снова окуналась в это болото, где каждый шаг мог быть последним.

- Куда мы едем?

- Я снял квартиру, как только Русу сказали, что ты вышла из самолета.

Черт возьми! Получается, Руслан прекрасно знал, что я приехала! И не отвечал мне? Намеренно?

- А что с его квартирой? – спросила я, нервно постукивая подушечками пальцев по сумочке.

- Какой квартирой?

Серый наконец-то выехал на трассу и прибавил скорости.

- С той, что он купил.

- Не помню, чтобы Бешеный покупал хату. Может, он не сказал мне. Оксан, ты успокойся. Сейчас не самое лучшее время для выяснения отношений. Мы все в шоке, с этим нужно разобраться, и это не произойдет так быстро, как мы хотим! Поверь, на Бешеного столько навалилось, что я еще удивляюсь, как он не сломался и не сидит на водяре с утра до вечера. Я оставлю тебя в квартире и поеду на похороны. Рус вечером придет к тебе. В хате все есть. Я скупился. Но если что-то надо - там наличка в ящике трюмо в спальне.

Мы въехали в новый район, и Серый притормозил.

Через пару минут он уже открывал входную дверь в шикарную квартиру в центре города. Сунул ключи мне в руки и уехал. А я так и осталась стоять посередине комнаты с чемоданом и в полном недоумении, чувствуя, что напряжение не только не отпускает, а начинает набирать обороты.

Я позвонила маме, чтобы немного успокоиться, поговорила с Ваней, который взахлеб рассказывал мне о новой компьютерной игре, и как бабушка разрешает ему играть в нее, в отличие от меня, а Руся требует конфет и мультики. Я слушала рассеянно, постоянно думая о том, что сказал Сергей - об убийстве родителей Руслана, и понимала, что мне страшно. Словно я вдруг выдернула голову из песка, как тот страус, и увидела, что опасность не просто не миновала, а смотрит мне прямо в глаза, заставляя содрогаться от ужаса.

Руслан одернул простынь и сжал челюсти с такой силой, что показалось по зубам пошли трещины. Боль от потери бывает разной, как и реакция на нее, им овладевала ярость. Глухая, черная ярость, она заволакивала сознание, продираясь сквозь слепоту и глухоту шока после страшного известия. Руслан никогда не знал, как мог бы отреагировать на подобное горе, но он и предположить не мог, что вместо саднящего, опустошающего чувства потери, у него возникнет это дьявольское желание убивать. Смотрел на круглое отверстие во лбу отца, переводил взгляд на мать, которая казалась неестественно хрупкой и маленькой под белоснежной простыней, и понимал, что у него крошатся кости и впиваются в мясо от дикого желания найти того, кто это сделал, и выпустить ему кишки в полном смысле этого слова. Взгляд застыл, как стекло... вместо синеватых лиц покойников он видел, как отец что-то кричит ему и указывает пальцем на дверь. До дикости захотелось вернуться в те дни, когда это было возможно. Оказывается, когда человек уходит навсегда, начинаешь тосковать даже по скандалам, даже по самым болезненным словам, но только бы этот человек говорил, ходил, дышал, жил. Все кажется таким мелким, незначительным, пустым в сравнении с пониманием, что больше никогда не услышишь даже слова или собственного имени.

- Вы уверены, что не хотите провести вскрытие, при насильственной смерти...

Руслан резко посмотрел на следователя. Ленивая, тупая задница с наглухо отмороженным взглядом и прилизанными к полулысому черепу волосками серо-буро-поцарапанного цвета. Понимает, что ни хрена не сделает и создаёт видимость работы, оправдывая жирный конвертик, полученный несколькими часами ранее у себя в кабинете, чтоб сильно не дергался и не усердствовал свыше меры, где не надо.

- Более чем уверен. Вам это ничего не даст, как и мне, прекратите ломать здесь комедию. Займитесь видимостью работы и не путайтесь под ногами.

Хотел добавить, что ему достаточно за это платят, но не стал. Руслан вышел из комнаты для

опознания и почувствовал, как предательски саднит в груди, как першит в горле и хочется послать всех на хрен, чтобы позволить отчаянно рвануть наружу.

У него было чувство, что его швырнули в холодную воду, под лед, и заставили плыть со связанными руками, он, бл**ь, нахлебался и идет ко дну. Притом идет ко дну не сейчас, а уже давно. А сейчас страховку подрезали, и он прекрасно понимает, что барахтаться бесполезно, все равно утянет, на ногах уже свинцовые гири в виде Оксаны и детей, драгоценные гири, которые не скинуть и скидывать не хочется, лучше сдохнуть. Не будь этих гирь, взял бы ствол и всех порешил. Виноватых, не виноватых. На том свете разберутся кого, куда и за что и никакого правосудия. Только высшая мера.

А так - на шее гребаная удавка, он ее тянет за середину, пытаюсь вздохнуть, а она, сука, захлестывает все туже. Сплошная ложь, как болото.

Сто раз смотрел на входящие от Оксаны и не знал, что ответить. Как ей объяснить, что они, мать его, по уши в дерьме. Точнее он, и притом давно. Откладывал разговор, трусливо, с жалкой надеждой, что проблема рассосется.

Серый вбил последний гвоздь в крышку его гроба намертво, когда сообщил, что Оксана вышла из самолета и взяла такси. Приехала, а он, идиот, мог бы и предвидеть, что она так поступит, но его парализовало после того, как увидел трупы отца и матери, мозг атрофировался наглухо. Внутри росло непонятное чувство вины, словно это он сам спустил курок.

Твою ж мать! Руслан несколько раз врезал по рулю так, что пальцы свело и суставы захрустели. Ну куда ее принесло? В самое пекло. Его самого перемальвает, как в жерновах, а теперь и ее начнет ломать. Вопрос времени - когда?

Приказал Серому снять ей квартиру и резко выдохнул, когда пальцы стиснули смартфон, погладили дисплей после ее смски.

Дрожат руки. Суки. Предательски, как у пацана. Дрожат, потому что страшно. Потому что терять не хочется, до боли, до тошноты не хочется. Уже потерял. Детские игры окончились, империя Царева рухнула ему на голову, как проклятая египетская пирамида, вместе с мумиями и крысами. Придавило костями и золотом. Это не тачки угонять и не стволом на рынке размахивать. Это взвалить на себя все дело отца и попытаться сделать вид, что у него не рвутся связки и пупок не развязывается, а заодно внимательно смотреть по сторонам, потому что кто-то обязательно захочет отыметь неоперенного Царева-младшего во все отверстия, стоит только прогнуться под тяжестью груза.

Втянул носом воздух и скривился, сплевывая в окно. Сотовый снова зазвонил и Бешеный ответил, сунув в рот сигарету:

- Да!

- Знаю, что тебе сейчас не до этого, Руслан, но нам нужно все обсудить. Дела не терпят отлагательств. Люди уходят, а проблемы остаются, и кому-то их нужно решать.

Усмехнулся криво, зло и затянулся сигаретой. Люди уходят. Да, бл**дь, родные люди! Его, Руса, семья! И не уходят, а их отстреливают, как скот, безнаказанно отстреливают и продолжают жить и дышать после этого. А Руслану кажется, что он поджаривается на углях собственного бессилия и ничтожности.

- Решим, Дмитрий Олегович, - стараясь держать себя в руках... в тех самых руках, которые ходуном ходят от желания пристрелить падлу на том конце линии.

- Кредиторы телефоны обрывают.

- Вызовите техника - починят.

- Что?

- Ничего. Говорю, что порешаем проблемы, отца с матерью дайте похоронить и порешаем, может, на кладбище папочки разложите?

- Ты не кипятись, Рус. Я добра тебе желаю. Поди не чужие.

«Да, с такими близкими чужие сиаемскими близнецами покажутся».

- Встретимся на кладбище. Надеюсь, ты со своей любовницей разберешься, и она не устроит нам неприятности?

Руслан стиснул смартфон с такой силой, что еще секунда - и по дисплею расползется паутина трещин. Мать его, держит Руса за яйца и прекрасно об этом знает.

- Вас это не касается. Не лезьте не в свое дело.

- Касается! Еще как касается. Там журналистов будет, как собак нерезаных, и все они жаждут сенсаций, я не хотел бы огорчать...

- Все! Хватит! Займитесь кредиторами и бумагами. После похорон я буду занят, а завтра поговорим.

- Надо бы сегодня.

- У меня, блядь, траур. Подождете!

Отключил звонок и сжал переносицу двумя пальцами.

«Что ж ты, папа, так меня подставил!? И ничего... не сказал?!»

3 глава

Я не заметила, как уснула, вот так, в одежде, на диване, под тиканье настенных часов, в гробовой тишине ожидания. Когда ждешь, время вдруг становится словно бесконечной бездной океана, это как видеть берег в момент отлива, плыть изо всех сил и не приблизиться ни на миллиметр. От пребывания в воде ноги сводит судорогами, и, хватая воздух, понимаешь, что легкие наполняются водяными секундами, минутами, запаса кислорода катастрофически не хватает. Обратный отсчет покалывает в висках, саднит в груди, а легкие разрываются от естественного желания вздохнуть. Тот, кто хоть раз в жизни тонул, знает, что будет дальше - паника. Она заставит лихорадочно молотить руками по безжалостной глади времени и идти ко дну все быстрее, следя остекленевшим взглядом за секундными стрелками, которые упорно показывают все тот же берег во время отлива. Берег, к которому ты так и не можешь доплыть, а ведь вчера еще твердо стояла на нем обеими ногами и смотрела на время-океан, как просто

на красивую стихию.

Я проснулась от прикосновения. Очень осторожного, по щеке, вдоль скулы кончиками пальцев. Распахнула глаза и несколько секунд смотрела в темно-карие омуты, на дне которых плавился мой личный бесконечный запас кислорода. Слегка подернуты дымкой, под нахмуренными бровями, на осунувшемся небритом лице. А вот и он, берег! Всклинула, рывком обняла Руслана за шею, прижалась всем телом и сделала первый вздох, мучительно болезненный все еще с отголосками паники. Наслаждение на пару минут, пока его горячие ладони гладят мою спину, волосы, а потом пришла ярость. Оттолкнула его от себя:

- Три чертовых дня! ТРИ! Ни ответа, ни звонка!

Перехватил мои руки, притягивая к себе, а я уперлась ладонями ему в грудь, все еще пожирая тот самый кислород в его наглых глазах, которые так хочется одновременно и выцарапать, и целовать до изнеможения: веки, ресницы, захлебываясь от идиотской нежности на грани с безумием. Проклятый мальчишка. Самоуверенный, бескомпромиссный, упрямый. Тянет к себе, игнорируя сопротивление.

- Нет! – отталкивая, уворачиваясь от голодных поцелуев и пальцев, лихорадочно скользящих по моему телу, - просто скажи – почему? Какого черта молчал? Я же с ума сходила!

Сжал мои плечи до хруста в костях, набрасываясь на мой рот горячими губами, а я верчу головой, впиваясь ногтями в его запястья, не позволяя утянуть в безумие.

- Лжец! Никакой квартиры нет! Ты мне врал!

Обхватил мое лицо ладонями и, сильно сжимая скулы, посмотрел в глаза.

- Врал.

- Почему?

Прозвучало жалобно, и я себя возненавидела за то, что почувствовала, как внутри ярость сменяет восторг ощущать его так близко, вдыхать запах сигарет, одеколона и его тела.

- Так было нужно, - смотрит на губы и водит по нижней большим пальцем, словно в прострации, словно сам себе, и взгляд потерянный, отрешенный.

Я даже не представляла себе, сколько раз потом я услышу от него это проклятое «так было нужно».

- Кому?

- Мне! И тебе! НАМ! – посмотрел в глаза и дернул блузку за воротник, отрывая все пуговицы, которые как горошины покатались в ковер, - просто запомни, Оксана, все, что я делал, делаю или сделаю, прежде всего нужно НАМ.

Разве можно устоять, когда мужчина говорит это слово «НАМ»? Почему-то женский идиотизм заключается именно в способности заикливаться на том, что мы хотим услышать. Еще одна попытка вырваться, а губы уже сами ищут его рот, чтобы проглотить это «нам», ощутить, как оно растекается по телу электрическим током возбуждения, как от голода начинает сосать под ложечкой, сводить скулы, и нестерпимая боль ломит все тело. Боль от жажды убедиться, что он рядом каждой клеточкой внутри и снаружи.

- Ты не отвечал на звонки, - прямо в его губы, постанывая, чувствуя, как большими пальцами гладит соски, стянув лифчик на пояс.

- Не мог, - скользит по шее приоткрытым ртом, задирая юбку, раздвигая мне ноги коленом, спускаясь губами к напряженным соскам, дразня их кончиком языка.

- Просто, черт тебя раздери, сказать, что ты в порядке? Не мог? - всхлипнула от резкого проникновения пальцев внутрь моего разгоряченного тела.

- Да..., - выскользнул наружу и снова вошел, давая прочувствовать каждую фалангу, пожирая меня горящим взглядом черных глаз, - не мог!

- Ты исчез, - выгибаясь и всхлипывая, пытаюсь то ли вырваться, то ли впустить глубже наглые пальцы, - ненавижу, когда исчезают! Слышишь? Я ненавижу, когда исчезают!

Перехватила его руку за запястье, сжимая, мешая ласке.

- Мне становится страшно!

- Я бы никогда не исчез, - ускоряя толчки пальцами, закрывая мне рот жадными поцелуями, - я не мог!

Устал от моего сопротивления, перевернул на живот, подминая под себя, стягивая блузку, срывая лифчик и сминая ладонями спину, прошелся языком вдоль позвоночника, заставляя все волоски на теле стать дыбом. Быстрыми поцелуями до затылка, прикусывая нежно кожу, накрывая ладонями грудь, дразня большими пальцами соски и потираясь членом о мои ягодицы.

- Запомни - я исчезну, только если сдохну. В остальных случаях - я просто не мог. Хотел..., - скрип расстегиваемой ширинки, и его плоть скользит по моим ягодицам, заставляя прикусить губы в предвкушении, но в тот же момент, упираться, сжимая ноги. - Хотел зверски, разламывался на части и, блядь, не мог.

Сильно сжал соски, погружаясь в меня на миллиметры, заставляя закричать, изнемогая от нетерпения, но все же отстраниться.

- Оксанааа! - выдохнул мне в затылок, сильно сжимая бедра пальцами, - как смог - приехал.

Удерживать у самого края, не давая проникнуть и доводя до безумия и его, и себя. Скользнул пальцами между моих ног, отыскивая клитор, сжимая слегка....

- Ну же! - хрипло на ухо, - впустиии. Сейчас!

- Нет!

А сама прогнулась, запрокинув голову, он словно только этого и ждал, ворвался резким толчком каменной плоти, до упора, выбивая протяжный стон и первые судороги наслаждения, погружая пальцы мне в рот.

- Какое сладкое «нет», ты покричишь его для меня снова?

Кивнуть и закусить пальцы при первом долгожданном толчке под его стон и шумное дыхание, обжигающее затылок.

- Давай еще раз - «НЕТ» и громче.

- Нет, - всхлипнула и обхватила пальцы губами, закатывая глаза.

- Что «нет»? Отпустить?

- Нет, - выгибаясь, срываясь на крики, чувствуя, как уносит, как плавится и горит сознание, я уже не иду ко дну, а взорвалась там, внизу, на миллиарды звезд наслаждения, агонизирую, содрогаюсь в конвульсиях счастья и похоти, затмевающей и рассудок, и логику. Где есть любовь, логика отсутствует напрочь. Только голые эмоции и дикое желание не ошибиться, верить, не соскочить с крючка, а намертво на нем повиснуть, забывая о том, что еще ни один улов не остался на удочке, как, впрочем, и не остался в живых...

Пускает кольца дыма в потолок, прижимая меня одной рукой к себе, а я смотрю на его профиль, и чувство тревоги внутри не проходит. Злость витает в воздухе запахом секса и адреналина, оставляя после себя только горечь и понимание, насколько он истощен за эти дни. Как будто повзрослел на несколько лет. Куда-то отходит обида, за черту, где сердце сжимается, потому что начинаешь ощущать его боль, спрятанную за какой-то каменной стеной сдержанности. Провела пальцами по его щеке.

- Я хотела быть рядом.

Повернулся ко мне и поцеловал в глаза.

- Я знаю. Прости.

И все равно не со мной, где-то там далеко в своих мыслях. Прижимаюсь сильнее, чтобы почувствовал - насколько я рядом. Не физически, а эмоционально.

- Что теперь будет?

Нахмурился и молчит, а мне страшно еще что-то спрашивать, потому что ответы могут по камню воздвигнуть стену между нами.

- Отца и мать убили. Их застрелил какой-то ублюдок за считанные часы до моего прилета. Приедь я на сутки раньше...

Теперь молчу я... тот самый момент, когда интуиция подсказывает, что пока он говорит, надо слушать... Та самая тонкая ниточка близости, умение держать паузу, где иногда соло все равно продолжает оставаться дуэтом, потому что даже тот, кто молчит, участвует не меньше того, кто говорит.

- Кто и почему, не знаю. Пока не знаю. Я должен в этом разобраться. Отец оставил много нерешенных вопросов, непогашенных кредитов.

И мы оба понимали, что он сейчас говорит лишь о вершине айсберга.

- Он знал, что ты отошел от дел, - тихо напомнила я.

- Я не могу отойти от дел, Оксана. Это не просто - взять и уволиться с опостылевшей работы.

Напряглась, чувствуя, как быстрее начинает биться сердце.

- А что это, Руслан?

- Это империя Царева, которая теперь принадлежит мне целиком и полностью со всем легальным и нелегальным бизнесом. - ответил Руслан. Спокойно, но пальцы сжали мои голые плечи сильнее.

- Ты говорил, что все это тебя не интересует, что ты далек от этого с того момента, как я появилась в твоей жизни. Ты... обещал мне, Руслан.

Затянулся сигаретой, все так же глядя в потолок.

- Есть обещания, которые невозможно сдержать, и не потому, что не хочешь, а потому что они обесцениваются, Оксана.

- Обещания, данные мне и детям, обесценились? Обещания, от которых зависит наша жизнь и твоя?

Освободилась от его рук и села на постели, потянулась сама за сигаретой, чувствуя, как меня начинает знобить. Уже не предчувствие, а понимание того, что ничего не осталось в прошлом, даже хуже: прошлое - сказка, по сравнению с тем, что надвигается на меня. На нас.

- Именно потому, что от этих обещаний зависит ваша жизнь.

Я нервно усмехнулась. Наша жизнь была бы в безопасности, если бы Руслан никогда больше не возвращался сюда и окончательно отошел от криминального мира, в котором увяз его отец по горло. Не может быть, чтобы он этого не понимал.

- Я должен во всем разобраться, найти ту тварь, что убила отца и мать. Это мое единственное желание на данный момент, и твое присутствие здесь может помешать мне.

- Найдешь, а дальше, Руслан? Спустишь курок? Как на той парковке полтора года назад? - от его слов, что мое присутствие только помеха, в горле запершило. - Или это все же твое давнее желание прийти к власти наравне с отцом? Извечная конкуренция, в которой раньше ты был просто сыном Царя, а теперь сам стал Царем?

После этих слов повисла тишина. Бывают фразы, сказав которые, сразу же жалеешь о том, что они вырвались, но уже поздно. То самое оружие, которое люди дают нам сами, доверяя свои эмоции, не предполагая, что мы используем их в тот момент, когда они меньше всего этого ожидают. Пощечина звонко рассыпалась резонансом по комнате. Моя пощечина ему. Скрипнула кровать, и я скорее поняла, чем услышала, что он встал.

- Это мое желание разобраться в том, кто убил моих родителей, мое желание оградить вас от последствий этого убийства и, да, мое желание продолжить дело отца, а не трусливо отойти в сторону. Ты или не понимаешь этого, или упорно не хочешь понимать, устраивая истерику.

Обернулась к нему, натягивая на себя одеяло.

- Трусливо? А как же мы, Руслан? Мне теперь бояться каждого шороха? Ты приставишь ко мне охрану, к Ване и Русе? Чего ожидать мне? Я надеялась...

Он резко дернул воротник рубашки, поправляя его и начиная застегивать пуговицы. Такой

родной и в тоже время сильно изменившийся за эти дни, словно даже немного чужой.

- На что ты надеялась? Это был твой выбор. Добровольный. Я не тянул тебя за собой насильно, я предоставил тебе право выбора. Ты знала кто я, чем дышу, чем живу.

- Нет, - я отрицательно качала головой, чувствуя, как глаза наполняются слезами от бессилия, - ты не оставлял мне выбора. Это был твой...

Противно. Самой. Скатиться в упреки, кто и кого выбирал. Осеклась на полуслове. Руслан вдруг подошел ко мне и рывком поднял с кровати.

- Посмотри на меня, Оксана. Я не могу сейчас поступить иначе, не смогу поступить иначе и завтра, и через год. Это больше не зависит только от меня. И от отца уже тоже не зависит, - его голос слегка дрогнул, - но я смогу позаботиться о нас, доверься мне. Ты же моя женщина. Я не мог в тебе ошибаться. Ты доверяешь мне?

А в глазах тоска и отрешенность. Ни слова о том, как ему больно после смерти родителей, а я снова чувствую, как саднят надрезанные крылья и как сильно натянута невидимая нить между нами. Выдохнула и прижалась к Руслану, пряча лицо у него на груди.

- Да, я доверяю тебе.

И в эту секунду я действительно ему доверяла, очень хотела доверять.

- Оставайся в этой квартире до завтра. На тумбочке новый сотовый, в нем три номера в памяти - мой, Серого и Валенсии. Звони по нему. Свой отключи.

Я кивнула и судорожно выдохнула.

- Если что, Серый на связи всегда. Лучше бы ты не приезжала, Оксана.

Долго смотрел мне в глаза.

- Завтра вечером я отвезу тебя в аэропорт. Так будет намного спокойней.

Ему, но не мне!

- Я приехала не для того, чтобы завтра уехать.

- Ты уедешь, Оксана. Уедешь именно завтра.

Металлические нотки в голосе, и, подняв голову, я вдруг вижу совсем другого Руслана, его уже нельзя назвать мальчишкой, и Бешеным уже тоже не назовешь.

Он вдруг зарылся пальцами в мои волосы, сжимая мне виски:

- Уедешь и будешь ждать меня дома вместе с детьми. Пока ты здесь, я, блядь, ничем спокойно не смогу заниматься, - потом быстро поцеловал в губы, - мне сейчас нужно уйти решить несколько вопросов, я позвоню тебе сам.

Он ушел, а я захлопнула за ним дверь и подошла к окну, увидела, как сел за руль БМВ и сорвался с места.... заскрипели покрышки, а я невольно усмехнулась - все же машину он по-прежнему водит как Бешеный.

Я подобрала свои разбросанные вещи с пола, кинула в кресло и, завернувшись в одеяло, вышла в гостиную. Автоматически, как дома, нажала на пульт от телевизора, намереваясь пойти на кухню и сделать себе кофе, но так и застыла, глядя на экран, потому что с плоского, жидкокристаллического монитора на меня смотрело лицо Руслана. Потеки дождя на кожаном плаще, морось по черному капрону зонта и судорожно сжатые челюсти Руса крупным планом.

Кадры сменились, и теперь я увидела его уже возле вереницы машин, он придерживал зонт над головой молодой женщины во всем черном, которая садилась в автомобиль, а внизу бегущая строка: «Новый владелец многомиллионного бизнеса по транзитным перевозкам. Сын кандидата в депутаты Александра Николаевича Царева, убитого двумя днями ранее вместе с женой на углу улицы.... покинул кладбище сразу после церемонии вместе с молодой супругой. На вопросы журналистов Руслан Александрович отвечать не пожелал, а вот Лариса Дмитриевна охотно поведала, что в ближайшие дни, её муж, Царев-младший, намерен огласить свое решение о продаже компании...».

Я почувствовала, что оседаю на пол... словно сквозь вату услышала стук пульта о паркет, проследила остекленевшим взглядом, как медленно он раскололся на две части, и крышка вместе с батарейками покатались по ковру.

4 глава

Руслан зашел в дом и швырнул куртку в кресло, взъерошил волосы, а от рук Оксаниным шампунем пахнет, как и от рубашки. Навязчиво пахнет, так, что начинает ломать и хочется обратно мчать, без тормозов, по встречной, чтобы убедиться – он все там же, этот оригинал ядовитого запаха счастья. Все вдруг стало казаться зыбким, как замки из песка. Проходящим сквозь пальцы.

Подошел к бару распахнул дверцы, достал рюмку и графин с водкой, плеснул до краев, залпом выпил и даже не скривился, только глаза прищурил, медленно выдыхая ядерное испарение алкоголя. Дежавю... словно это и не он вовсе, а сам Царев-старший. На этом же месте с этим же графином. Потянулся за сигаретами, бросив взгляд на часы. Олегович, падла, припрется четко по времени. Никогда, тварь, не опаздывает. Пунктуальная, скользкая сволочь. Руслан ненавидел этот тип людей, они напоминали ему психически больных ублюдков, которые наводят стерильность вокруг себя и поднимают кончиками пальцев волоски с ковра, но запросто могут расчленив кого-то в своей ванной, аккуратно разложив потом кусочки в полиэтиленовые пакеты, и, самое интересное, не забрызгать кровью ни миллиметр вокруг себя. Отец был знаком с Олеговичем еще с далеких девяностых, особо не посвящал Руса в историю этой дружбы, троицы, которая подмяла под себя все столичные районы. Царь, Ворон и Леший. Рус знал, что они поддерживают связь на протяжении всех этих лет, но особо не вникал в дела отца. Бывали встречи в доме Царя, но чаще на нейтральной территории. Все уже давно имели солидные должности, политическую карьеру, а прошлое осталось в прошлом. По крайней мере так говорилось в их биографиях для широкой общественности.

А сам Рус их не изучал, и напрасно, но кто тогда думал о биографиях корешей Царя, если жизнь малиной сказочной казалась. Секс, бабки, стволы. Власть немереная, собственное дело маячило. Сейчас ему казалось, что тогда это была не жизнь, а какой-то марафон в погоне за сукой-удачей. Поймать, отыметь во все дыры, поднять руки повыше и заорать триумфально – я оттрахал эту шлюху первым, а она юбку одернула и помахала ручкой. Потом на могилы отца с матерью смотрел и понимал, что продажная тварь отворачивается даже от тех, кто исправно

платит ей проценты кровью и золотом. Свалила, словно проститутка, которая нашла себе сутенера покрупче. Например, такого, как Лешаков Дмитрий Олегович народный депутат автономного округа Н, будущий мэр города. Тесть Руслана, чёрт его подери!

В кабинете скрипнула дверь, но Руслан даже не обернулся, он узнал ее по терпкому запаху духов и шагам. Раздраженно повел плечом.

- Мило, - голос томный, низкий, - изволил и дома появиться.

Плеснул еще водки и снова залпом. Напиться не получалось вот уже несколько дней. Иногда стресс выбивает любое восприятие к алкоголю, и чем больше хочется упиться в хлам, тем недостижимей эта идиотская, но такая необходимая цель.

- С утра пораньше Ван Гога стаканами.

- Предлагаешь кокса?

Усмехнулся, зная, что она сейчас зажала переносицу двумя пальцами и задумалась о том, видно ли по ее зрачкам, что уже с утра успела «заправиться топливом для богатых». А ему, Русу, и смотреть ей в глаза не нужно, чтобы почуять смрад разлагающейся сердцевины.

И дело не в наркоте, нет, Ларка умная сучка, она, если и нюхает, то редко, бережет себя, любимую. Но такие всегда отдают мертвечиной, как в морге, а запах ее духов напоминал стойкий и едкий запах формалина.

- Я тебе уже давно ничего не предлагаю.

- А что ты можешь предложить интересного? - ухмыльнулся и посмотрел на нее через стекло: кутается в халат. Красивая, как картинка глянцевая, и такая же неживая. Таких «копи пейстов», словно на одной фабрике наштампованных, в богемной столице пачками.

- Можно подумать, тебя хоть что-то интересует, Бешеный.

- В тебе? Нет. Невкусно, пресно, серо.

- Я по делу.

- Естественно.

Усмехнулся и по-прежнему продолжал смотреть в окно на проезжающие автомобили и грязь, брызгающую из-под колес. Чем мощнее и шикарнее тачка, тем больший столп вязкой черной жижи разлетается от покрышек. На людей похоже. Чем выше забрались, тем больше вокруг них брызг показушного дерьма и сильнее резонанс от звона пустоты внутри. Ему самому казалось, что его заляпало дерьмом по уши.

- Слышала, твоя приехала.

- Правильно слышала, - постучал сигаретой по подоконнику и сунул в рот. Поднес зажигалку.

Лариса не торопилась уходить, а ему хотелось, чтоб свалила и дверь за собой прикрыла поплотнее.

- И что теперь?

- А что теперь?

Поморщился болезненно, скривился, как от зубной боли, сильно затянулся сигаретой, пуская дым на запотевшее стекло.

- Она все узнает, естественно, - сказала Лариса и приблизилась на пару шагов.

- Не узнает. Завтра домой поедет.

- Так и будет продолжаться? Ты туда жить свалишь снова, а сюда раз в три месяца приезжать?

Резко обернулся и наконец-то посмотрел на молодую женщину. Очень худая с длинными белыми волосами, блестящими, как у куклы. Похожа на одну из супермоделей страдающих латентной анорексией. Дань моде - тарактеть костями и выглядеть как при последней стадии туберкулеза, но сиськи силиконовые, чтоб весили больше, чем она вся вместе взятая.

- Когда ты и твой папаша повесили на меня этот брак, вы прекрасно знали, что мне на хрен не нужны: ни ты, ни эта долбаная игра, которую вы затеяли с моим отцом.

- А секс со мной тоже мой отец тебе навязал?

Бешеный криво усмехнулся.

- С таким же успехом у тебя был секс со всеми, кто ошивался в радиусе пары метров, имел связи, бабки и перспективное будущее, пока не появился я - более перспективный для Лешего, чем все остальные кандидаты.

- Никого не было, кроме тебя, - Бешеный засмеялся. В лучших традициях классики жанра.

- Еще скажи, что целкой была и свою невинность мне подарила... Счастливая или несчастливая случайность, когда дочка Лешакова решила скрасить отравленное алкогольными парами одиночество Царева-младшего и забраться к нему в штаны как раз в тот момент, когда ее папе потребовалась поддержка в предвыборной кампании и огромный кредит за бугром.

Снова отвернулся. Санта Барбара, блядь, в стиле мыльных опер.

- Когда отец прикрывал твой зад и вытаскивал тебя из дерьма, а ты отлеживался у нас дома, как на курорте, эта случайность показалась тебе счастливой, разве нет?

- Скорее удобной, Лариса. Для него и для тебя. Ты раздвигала ноги, отсасывала и давала мне во все отверстия вовсе не из великой любви ко мне, а с определенной целью, которую твой отец озвучил ровно после пары месяцев моего пребывания на его даче и в твоей постели.

- Что ты знаешь о любви? - вдруг взвизгнула она. - Ты приезжал раз в полгода, когда отсиживался после очередных тупых косяков и раньше, потрахивал меня периодически, а потом сваливал. Это тоже было удобно. Я, может, ждала тебя!

- Лариинисааа, я трахал тогда все, что шевелится, носит юбку и имеет дырку между ног, - сделал шаг к ней и схватил за худое плечо, - девочка, не парь мне мозги. Драли тебя все, кто хотели. А ты давала или из любви к искусству, или под парами своего сраного кокаина, потом решила завязывать со всем этим дерьмом, и на мне круг замкнулся...

- Скотина, - прошипела ему в лицо.

- Блядь, - спокойно парировал он.
- И тем не менее твоя жена, - прищурившись процедила Лара и повела плечом.
- Ненадолго.
- Настолько, насколько будет нужно мне.
- Точнее, настолько, насколько это будет нужно мне, милая.

Она отвернулась и нахмурила тонкие брови. Холеная стерва, чистенькая, ухоженная и умная. Заработали шестеренки. Боится, что Бешеный не блефует. Правильно боится. Планы поменялись. Никакой продажи компании не будет. Ему, Русу, нужна крыша и поддержка, и скоро он ее получит.

- Задумалась?

- Да, задумалась, - повернулась и посмотрела на Руса своими светло-голубыми, миндалевидными глазами, - а что скажет твоя Оксана, когда я ей отправлю наше свадебное фото? Что скажет твоя старая кляча, на которую ты молишься, как на святую? Думаешь, если мужу рога наставила, тебе не наставит? Не боишься возле нее держать молодых охранников, вдруг ей наскучит, и она переключится на кого-то помоложе?

Руслан вдруг сильно сжал тонкую шею женщины. Еще секунда, и он мог бы сломать ей шейные позвонки.

- Ты ничего ей не отправишь. Или это будет последнее, что ты сделаешь в своей жизни. И язык прикуси. Еще раз заговоришь о ней в таком тоне - вырву на хрен.

Лариса перехватила его руку за запястье.

- Кишка тонка, Бешеный. Никто ты и звать тебя никак. Пыф! - она сделала жест руками, напоминающий лопающиеся мыльные пузыри, - пустое место, нолик без палочки. И без Царя ты вообще просто быдло.

Руслан сжал пальцы сильнее, с удовольствием наблюдая, как расширились ее глаза:

- Ты ведь не дура, Лара, не зли меня, а то руки марать об тебя раньше не хотелось, - Рус демонстративно вытер пальцы о ее тонкий халат. - Запомни, милая, говорю последний раз - мне срать на твоего папу, на тебя. Мне по хрен, какие дела имел мой отец с твоим. Лариса, - он приставил к ее лбу указательный палец, имитируя дуло пистолета, - будешь мне угрожать или мешать, я отстрелю тебе башку. Твои розовые, гламурные мозги будут гармонично смотреться с итальянскими бордовыми обоями. Поняла меня? Я не Царь. Церемониться не умею и не стану.

Она кивнула и судорожно сглотнула, дыхание участилось. Боится. Бешеный перевел взгляд на ее тонкую шею и подумал о том, что напрасно не свернул её год назад, когда обнаружил эту сучку в своей постели, стоящую над ним, пьяным вдрызг, на коленях и усердно поднимающую его член силиконовыми губами.

- А теперь пошла отсюда. Твой папа приехал, видно, с быдлом договор заключать. Ты лучше съезди к маме, Лар, так нам с тобой спокойнее будет.

Она скрылась за дверь, а Рус стиснул кулаки и выматерился сквозь зубы. Тварь тупая. Дернуло его отыметь ее пару раз, пока отлеживался у Лешакова на даче, раны зализывал и обрастал новым мясом, пока Леший с Царем алиби ему состряпывали и откупы платили кому надо. Пока думал, что Оксана к мужу вернулась... Пока, блядь, не узнал о том, что Руся родилась. Только к тому времени Лариса уже окопалась в его постели.

Отец тогда сам приехал к Русу поговорить, сказал, что надо грешки прикрывать и знать, в кого членом тыкать. Трахать дочку народного депутата, а заодно и лучшего друга отца, безнаказанно не получится. Кроме того, им очень выгодно дружить с Лешаковым. Тридцать процентов акций у Лешего, и связи в верхушке ментовской. Руса и отмажет, и прикроет, и кого надо там прикормит, чтоб про Азиата да составы с цистернами забыли. Списали на террористический акт, повесили на «Аль Каиду» и дело с концами. Рус должен думать не только тем, что болтается между ног, но и мозгами.

Какими, на хрен, мозгами если у него крышу снесло от боли и от алкоголя? Он вообще амебой был пару месяцев, потом ползал, согнувшись, по даче в поисках пошла, когда с утра выворачивало, корежило от ломки, и не от водки, а от тоски по Оксане. Отец нарочно ничего о ней не говорил, а Рус уже видел перед глазами картинки, в которых Оксана вернулась домой и забыла о нем, как о страшном сне.

Разве нужен ей такой, как Руслан? И тут Ларка, сучка, смотрит как на Бога, чуть что, на острые коленки падает и за ширинку тянет, на все готовая подстилка с точеным телом. Ну вставил ей пару раз, чтоб забыться, и то Оксаной каждый раз называл, а та бесилась, но терпела.

Потом Серый сказал, что Ксюха никуда не вернулась, а у матери с Ваней живет. Только пасут ее узкоглазые постоянно, ведут плотным хвостом, видать, Бешеного отследить хотят, а не отследят, могут и Оксану прихватить снова, чтоб Рус с подполья вылез. Страшно стало, позвал отца и поставил условие – Оксану в безопасное место, а он, так и быть, женится на Лариске.

Тогда казалось, что это верный выход из положения. Лешаков не только отмазал Руса, но и полностью прикрыл дело. После выборов об инциденте было забыто, потом разборки между братками и невзначай с десятком узкоглазых на встречу с Аллахом отправили. Про Азиата и цистерны больше никто не вспоминал.

- Руслан.

Бешеный обернулся – тесть с улыбочкой чеширского кота вошел в кабинет и прикрыл дверь. Одет с иголки, в элегантном костюме, с папочкой под мышкой.

- Ну как? Все дела порешал, сынок?

От его «сынок» передернуло и захотелось всадить Лешакову всю обойму «макарова», лежащего в первом ящике отцовского стола, промеж глаз.

- Порешал.

- Все, кроме нашего и самого важного, - сказал Олегович и уселся за стол, надел очки и открыл одну из папок.

- Я документы на подпись принес. Подпишешь в двух местах, и компания будет продана. Больше никакого головняка. Ее правильные люди выкупят и на ноги поставят.

- А что, сейчас компания не на ногах? - спросил Рус, внимательно наблюдая за Лешаковым, который что-то усердно перечитывал в папке.

- Мы с твоим отцом обсуждали это дело. Он хотел избавиться от компании. Зачем ему проблемы, если доходы приносит и игорный бизнес, и горючее? Кроме того, отец твой отказывал важным людям в перевозках, а теперь никакой ответственности - продадим и пусть возят, что хотят. Одними врагами меньше.

- Про продажу компании отец мне ничего не говорил.

- Конечно, не говорил, мы не так давно пришли к такому решению. Компания не приносит прибыль, стоит на месте. Конкуренция бешеная. Не нужна она нам, сынок, а сейчас так тем более, когда управлять некому. Ты своим бизнесом занят в Испании по европейским линиям, а восточные все равно простаивать будут.

Руслан медленно сел в кресло и придвинул к себе бумаги. Вертел шариковую ручку и поглядывал на Лешего - нервничает. Правильно нервничаешь, мудака, видать бабла тебе за эти подписи пообещали немерено. Только прокололся ты, Леший, ох, как прокололся. Отец-то весь контрольный пакет акций мне отдал и бизнес мне завещал. А вот ты об этом точно не знаешь. Потому что не хотел отец, чтоб ты его бизнес просрал.

Руслан перевел взгляд на тестя, положил ручку на стол, и та медленно покатила в сторону Лешакова. Олегович поднял голову и поймал ручку у самого края.

- Я не буду ничего подписывать - компания не продается. Она теперь принадлежит мне, и я ее возглавлю.

5 глава

- Даже так? Я не ослышался?

Дмитрий Олегович поджал губы и прищурился. Руслан откинулся на спинку стула, наслаждаясь этим явным недоумением. Давно он хотел увидеть именно такое выражение, как после удара под дых. Есть люди, которые внушают неприязнь. Лешаков не нравился Руслану всегда. Вот с первого взгляда. Казался ему кем-то вроде шакала лизоблюда, который знал - чьи задницы надо лизать, как лизать, и только за счет этого умения поднялся столь высоко. Очень захотелось окунуть его мордой в дерьмо или в грязь и смотреть, как по очкам стекает жижа. Как он брезгливо морщится. Лешаков был похож на толстого паука, который плетет свою паутину везде, куда дотягиваются его непропорционально длинные по сравнению с туловищем ручонки. Лешаков имел привычку перебирать пальцами, пока говорил с собеседником, чем усиливал это мерзкое сходство. У Бешеного всегда возникало желание перебить эти пальцы.

- Не ослышались. Я передумал продавать компанию.

Скривился? Не вкусно, кисло, совсем не те сливки, которые ты ожидал получить, верно?

- И можно узнать - почему вдруг? - занервничал - быстрее перебирает пальцами.

- Потому что я хочу продолжить дело отца, и после его смерти мне это кажется более, чем логичным.

- То есть ты прекрасно понимаешь, что бизнес убыточен, но хочешь все равно этим заниматься?

- Бизнес не убыточен, и мы с вами это прекрасно знаем, Дмитрий Олегович. Бизнес настолько не убыточен, что его готовы выдрать с мясом, - Руслан подался вперед, - более того, именно поэтому вы его и продаете за баснословную цену, из которой озвучиваете мне лишь четверть стоимости, верно?

- Я имею полное право, твой отец...

- Переписал весь бизнес на меня, и вам сей факт хорошо известен, но это не должно было быть известно мне, верно?

Лешаков дернул узел галстука. «А вот теперь уже не кисло, а душно. Окошко открыть?»

- Ты к чему клонишь, Руслан?

- К тому, что компания принадлежит мне, и я ничего не подпишу. Так и передайте вашим друзьям, которым срочно понадобился мой бизнес.

Лешаков со всей силы ударил кулаком по столу, а Руслан даже не вздрогнул, лишь закинул ногу за ногу и покрутился в кресле.

- Щенок. Я хотел говорить по-хорошему. Я надеялся, что ты поумнел за это время. Но неет. Как был глупым и самоуверенным сопляком, так и остался. На хрена тебе компания? Есть люди, которым она нужнее, и они готовы заплатить.

Руслан ухмыльнулся, достал сигарету, закурил, подвинул к себе пепельницу, глядя на покрасневшее лицо тестя.

- Возить дурь? Как же! Я хорошо помню. Но ни один пакетик герыча не въедет на территорию этой страны в моих контейнерах. Я не играю в эти игры, как и мой отец.

Лешаков резко наклонился к Руслану.

- Ты понимаешь, что это война, Руслан? Им нужны эти гребаные цистерны, вагоны, и они их получают, но не мирно, а иными путями. Я пытаюсь разрулить эту ситуацию с наибольшей выгодой. Ты мой зять и...

Руслан резко отодвинул пепельницу, и та издала скрипящий звук, скользя по столешнице. Лешаков осекся.

- Ненадолго. Я разведусь с вашей дочерью в ближайшее время и компанию не продам. Я даже решил расширить сферу деятельности.

Лешаков демонстративно расхохотался. Нервно и злобно, фальшиво.

- А кто твои долги погасит, а, сынок? Кто все то дерьмо, что навертел твой отец, расхлёбывать будет? Тебя кредиторы на счетчик поставят. По миру пустят. Давай, Руслан, начистоту? Что за принципы? Какая на хрен разница кто? Не мы, так другие. Наркота сюда рекой льется. Ты ничего не изменишь своим отказом. Если бы ты согласился, то и продавать ничего не надо. Нужные люди долги ваши закроют, и все в шоколаде, Руслан. Подумай сам, какими деньгами можно вертеть с твоими цистернами, вагонами, фурами? У меня менты и пограничники

прикормлены с ручки.

- Я. Не. Продам. Компанию.

Встал из-за стола и задвинул стул. Его начинал раздражать этот разговор.

- Документы о разводе получите в ближайшее время, Дмитрий Олегович. Мне больше не интересно ни наше сотрудничество, ни этот идиотский брак.

- Значит так, Руслан. Ты не горячись, а мозги включи.

Бешеный обернулся к Лешакову.

- Включил. Дальше что? Не будет сделки.

Лешаков начинал терять терпение, поправил очки, придавив к переносице.

- Я ведь попросил по-хорошему, могу и по-плохому.

Руслан резко обернулся и усмехнулся. Его явно забавляла эта ситуация.

- О, даже угрозы? И чем вы хотите меня напугать? Долгами?

- Я по миру тебя пушу, оберу до нитки, и мне в этом помогут.

- Не сомневаюсь, что у вас много помощников. Рискните.

- Борзый ты, Бешеный, но запомни хорошо - ты представляешь для меня интерес по двум причинам: моя дочь тебя любит, и мне нужна компания. Если двух этих факторов не станет, ты перестанешь представлять из себя ценность, и я избавлюсь от тебя. Бабу твою навестят... тогда ты иначе заговоришь! Вот так.

Лешаков щелкнул пальцами, и в этот же момент Руслан схватил его за шиворот и впечатал в стену.

- А теперь ты слушай меня внимательно, Ле-ший. Забудь все свои правила игры - я играю без правил. Без снайперов, кредиторов и политики. Приблизись к Оксане - я просто растворю тебя в серной кислоте. Живьем. Однажды ночью ты проснешься в вонючем подвале, привязанным к экскаватору, который аккуратно опустит тебя в чан. Ты будешь подыхать очень медленно. Поэтому молись, чтоб с сегодняшнего дня она не упала, не подвернула ногу и даже не заболела гриппом. Потому что все, что с ней произойдет, я буду считать твоей провокацией.

Лешаков побледнел до синевы, над верхней губой выступили капли пота.

- Руки убери, сопляк. Совсем охренел!

Руслан медленно разжал пальцы.

- Пошел вон из моего дома и дочь свою шлюшку-наркоманку прихвати.

- Ты очень сильно об этом пожалеешь, Бешеный. - сказал Леший и поправил пиджак, подхватил со стола папку. - Очень сильно.

Когда он вышел, зазвонил сотовый, и Руслан, схватив аппарат, рывкнул:

- Да!

- У нас неприятности!

- Неужели? Что еще на хрен случилось?

- Оксана твоя съехала с квартиры час назад.

Твою ж мать! Руслан грязно выругался.

- Куда?

- Ищем. Она выкинула телефон, и мы теперь не можем отследить. Думаю, она уже знает о том, что ты немного женат. Вчера несколько коммерческих каналов транслировали похороны Царева, и тебя с Ларисой там показали несколько раз.

- Бл**дь! Только этого мне сейчас... Чтоб через полчаса сказал мне, где она. Обзвони гостиницы. Она въехала под своим именем и фамилией.

- И еще. Сараевских положили. Всех.

- Кто?

- Вороны. Метку кинули, как они это любят.

- Ясно. Пухом земля Сараевским. Довыезживались.

- Говорят, отец твой дружен был с Вороном.

- Говорят. Ты Оксану найди, Серый. Насчет Ворона потом поговорим.

Руслан накинул куртку, хлебнул еще виски и закурил на ходу, спускаясь в машину.

Проклятье, как же некстати сейчас все это. Черт, он должен был отправить Оксану раньше. Не давать ни одного дня, не рисковать. Представил себе, как она сейчас, наверное, с ума сходит, и сжал челюсти до скрежета. Надо было ей раньше сказать. Самому. А он трусил. Просто элементарно трусил. Думал, что вот еще немного, еще чуть-чуть и все решится. Насчет долгов Леший загнул, конечно, либо не знал обо всех счетах Царя. Нужно перевести деньги и покрыть кредиты хоть частично. Провернуть несколько операций по перевозкам. Снова зазвонил сотовый.

- Да! Ну, что там?

- Есть, Бешеный. Пиши адрес.

- Купи билеты, Серый. Я сейчас не могу. Первый же рейс на Валенсию.

Я пребывала в странном состоянии. Я не плакала, не била посуду. Я просто медленно встала с пола и на каком-то автомате собрала пульт от телевизора. Вставила батарейки, закрыла крышку, положила его на стол. Прошлась по гостиной. Ни одной мысли в голове, только картинка на паузе – Руслан и эта девочка. Именно девочка, по сравнению со мной. Я одевалась

и думала о том, что внутри какая-то дикая тишина. Ни крика, ни рыдания. Ничего. Какое-то глухое злорадство и ненависть. К себе. Жалкая идиотка, а ведь мне удалось убедить себя, что все будет не так, как у других. Не так, как в тех статьях о неравных отношениях, где мужчина всенепременно находил себе другую женщину помладше. Но ведь всегда есть неискоренимое «со мной этого не произойдет. Он меня любит. Он не такой, как все». Какая глупость. Наивная и жалкая глупость, опускающая меня на уровень безмозглой курицы, которая слишком самоуверенна и не видит дальше своего носа. Ведь всё говорило об этом. Кричало. Взрывалось. А я не видела в упор. Отъезды, звонки за закрытой дверью, код на смартфоне, стертые смски, исчезновения.

Остановилась посреди комнаты, застегивая пуговицы на кофточке, и расхохоталась. Все это время у Руслана была жена. Не девка, не любовница, а законная жена. С которой он просыпался в постели, как и со мной, говорил по утрам за чашкой кофе, звонил ей. Я не чувствовала боли. Нет. Ни грамма боли. Я погрузилась в болото злорадной ненависти к себе. Презрения на грани.

Подошла к ноутбуку, нашла номер телефона гостиницы, заказала себе номер. Для начала съехать и побыть наедине с собой. Мне нужно время пережить этот удар. Я не могу такая вернуться к детям. Мне нужны дни и ночи в полной тишине для принятия решения. Я знала, что взрыв будет, и меня еще разорвет от боли. На ошметки. Пока что я в каком-то трезвом шоке, который вынуждает лихорадочно собирать вещи, вызвать такси, отключить телефон.

Я вышла из квартиры и швырнула ключи от нее так далеко, как только видела сама. Подумала несколько секунд, достав сотовый из кармана, а потом зашвырнула его туда же. Села в такси, не обращая внимание на вытянувшееся лицо таксиста. Назвала адрес и, откинувшись на спинку сидения, закрыла глаза. Такие, как Руслан, не меняются. Бабники не становятся святыми, как бы мы в это ни хотели верить. И это не просто измена. Нет. Это высший уровень лжи, высший пилотаж, виртуозный обман. Самое ужасное, что я его не осуждала. Я понимала, что это верный поступок. Он должен думать о себе, прежде всего, а не обо мне. О женщине, с которой лет через десять будет стыдно выйти на улицу.

Я настолько погрузилась в свои мысли, что даже не увидела, что за мной следят. Это потом я пойму, что слишком наивно было предположить, что все, что меня связывает с Русланом - это сим-карточка в новом телефоне. Такие, как он, контролируют намного больше, чем кажется на первый взгляд.

Я поднялась в номер, сбросив пальто, села на пол у стены, не раздеваясь. Где-то глубоко в душе я понимала, что ожидала этого. Чего-нибудь - подвоха, обмана. Я так и не поверила в это счастье до конца. Потому что какая-то часть меня шептала внутри: «А ведь ты знала, что так может быть. Ты знала, на что он способен, знала, что сказок не бывает, и повелась. Как дура. Как идиотка. Ну, как тебе сейчас? Ты живая? Сдохнуть не хочешь?».

Нет, сдохнуть не хочу. У меня есть дети. Я просто права не имею сдыхать. Я даже не имею права приехать к ним в том состоянии, в котором нахожусь сейчас. А потом? Что я скажу им потом? А маме?

Я должна буду вернуться и, забрав детей, уйти от Руслана. Возможно, даже приехать сюда. У мамы осталась квартира, жить есть где, да и у меня кое-какие сбережения.

В такой момент вся жизнь вдруг кажется бесполезной. Словно обманула сама себя, и все, что сделала, вдруг обнулилось. Развод, нервы, эмиграция, отправка Вани к Сереже раз в

месяц. Все эти фитнес-клубы, маски для лица, визажисты. Стремление выглядеть младше. Смешно до истерики.

Говорят, в каждой отношениях кто-то из двоих любит больше. Это закон жизни. Какой бы ни была безумной любовью, всегда есть тот, кто после неё соберется, будет жить дальше, а есть тот, от кого останется только пепел. Или тот, кто через время начнет остывать, а другой все еще полыхает, как факел, и холодность второго - как ожоги азотом. Или тот, кому станет скучно, и он захочет новых свершений, горизонтов, сексуального разнообразия, а другой рефлексировать на месте. Заиклен на своей любви и не замечает, что чувств - то по сути уже и не осталось. Все двигается по инерции и скоро встанет, как часы, в которых села батарейка.

Я не изменилась, я уже в том возрасте, когда не меняются внутренне, только внешне. Я останусь сама собой. А он меняется. И этого следовало ожидать от разницы в десять лет.

Отставила тарелку в сторону, потянулась за сигаретами дрожащими пальцами.

Одного только не понимаю - зачем мы нужны ему? Жил бы себе с женой. Зачем было играть эти ненужные роли? Так отвратительно лгать.

В дверь номера постучали, я поднялась с пола и пошла к двери, открыла и, тяжело вздохнув, посмотрела на Руслана. Этого следовало ожидать. Пропустила его в номер и закрыла дверь. Сегодня или через неделю. Нам бы пришлось поговорить. Пусть будет сегодня. Так даже лучше. ...А вот смотреть на него больно. Смотреть и думать о том, как давно прикасался к ней. Что говорил? Когда ушел от неё и пришел ко мне? Именно поэтому не остался со мной вчера на ночь?

Руслан осмотрел номер, потом поднял с пола мое пальто и протянул мне.

- Почему не заказала номер покруче этого гадюшника? Кредитку потеряла? Одевайся - мы уходим. Я уже за все заплатил.

Я усмехнулась, не обращая внимания на его протянутую ко мне руку.

- Уходим? Неужели?

Отошла к столу, откупорила бутылку с вином, налила себе в бокал, но Руслан отобрал и выпил сам залпом, глядя мне в глаза. Иногда за какие-то часы человек вдруг становится совсем не близким. Вот так по щелчку пальцев внутри что-то перегорает. Между нами выстроились слои отчуждения, как стены. Вот еще вчера я могла протянуть руку и погладить его по щеке, а уже сегодня я не могу даже прикоснуться к нему. Разочарование. Даже хуже, чем ревность и боль. Разочарование не в нем, а в себе. В том, что ошиблась.

- Мне все равно, что ты сейчас думаешь, Оксана. Для тебя же лучше поехать со мной. Завтра ты улетаешь в Валенсию.

Я расхохоталась ему в лицо. Какая самоуверенность.

- Конечно, тебе все равно. Я в этом даже не сомневалась. Ты ведь ТАК решил. Только я не твоя девочка-жена, которая заглядывает тебе в рот. Понятно? Дальше сидеть одной задницей на двух стульях не выйдет.

- Значит сделала свои выводы?

- Никаких выводов, любимый. Зачем? Все и так понятно. Удивляюсь только твоей виртуозности. А она про нас знает?

Руслан смотрел мне в глаза долго, молча, и я чувствовала, что рванет очень скоро. Внутри уже нарастает шквальный ветер.

- Знает с самого начала.

- Как удобно, не правда ли? Есть такие женщины, которые ради тебя готовы мириться с другой. Только почему ты решил, что и я такая же? Давай, скажи мне: «она ничего для меня не значит, это чисто бизнес, она хуже, чем ты». Давай.

Схватил меня под локоть и дернул к себе.

- Именно так, Оксана. Ничего не значит. Вообще ничего. Именно бизнес. Не хуже, а вообще никак. Не женился бы - не приехал бы к тебе, а отматывал десяточку в «строгаче».

- И я должна это проглотить?

- Не должна, но проглотишь, потому что тебе нельзя здесь оставаться. Ты обязана уехать!

- Аааа, - протянула я и выдернула руку, захотелось вцепиться ему в лицо. Захотелось что-то разбить, ударить. Причинить боль, - конечно, нельзя. Я мешаю тебе, да? Твоя жена нервничает, Руслан? Или все же она не знает обо мне? Не переживай - не узнает. Я не пойду к ней. Это слишком унижительно.

- Не усложняй сейчас. Все и так хреново, Оксана. Просто поверь и все. Это не лучшее время, и тебе надо уехать отсюда.

- А когда будет лучшее? Руслан? Когда ты приедешь к нам через пару месяцев? Когда порешаешь тут дела и натрахнешься со своей женой? Тогда будет лучшее время?

Я вцепилась в воротник его куртки и сильно тряхнула:

- Не переживай, я уеду. Только прилетать к нам не надо и выяснять ничего не надо. Все и так ясно! Настолько ясно, что ослепнуть можно. Это конец, Руслан. Безо всяких выяснений. Конец! Я ясно выражаюсь?

Отпустила и подошла к столу, демонстративно взяла бутылку с вином и отпила из горла. Руслан выхватил ее и швырнул о стену, красные потеки растеклись по кремовым обоям, и осколки засверкали на полу.

- Какой, на хрен, конец? Это ты так сейчас решила? Сегодня?

Его глаза загорелись безумным блеском, но я была сейчас не в том состоянии, чтобы бояться.

Я пожала плечами и отошла к окну, доставая еще одну сигарету.

- Ничего пока не решила, кроме того, что никуда с тобой не поеду. А в Валенсию я сама вылечу, но лишь за тем, чтобы забрать детей.

- Забрать у кого, Оксана? У меня? То есть вот так все просто? Узнала, решила, забрала, ушла?

Я резко повернулась к нему:

- Не просто, Руслан! Это у тебя все просто: жена, любовница, две семьи, бизнес. А у меня все сложно! У меня двое детей и полная неизвестность завтра. Но лучше неизвестность без тебя, чем быть для тебя запасным аэродромом.

- Как легко у тебя получается уходить от мужиков. Во второй раз легче, да?

Я сама не поняла, как замахнулась, но он перехватил мою руку за запястье:

- Я никогда не думала, что пожалею о первом разе.

Стало больно. Обоим. Я даже увидела, как он поморщился и стиснул челюсти.

- Жалеешь, да? О чем ты еще жалеешь, а? О том, что живешь в Валенсии, а не где-то в зачуханной хрущевке? Или что ни в чем себе не отказываешь? О чем еще ты жалеешь? Соскучилась по нему? Нашла повод?

Руслан вдруг сгреб меня за шиворот и рванул к себе, сильно сжимая за плечи.

- Не от всех можно уйти, Оксана. Жаль, ты этого не поняла раньше, да? Так вот - сейчас ты поедешь вместе со мной, и мне насрать, хочешь ты этого или нет. Ты вылетишь в Валенсию завтра утром и никого, и никуда не заберёшь. Ты будешь сидеть дома! Да! - процедил сквозь зубы. - В НАШЕМ доме, Оксана! И ждать, черт тебя раздери, пока я решу все проблемы и приеду к вам. И мы поговорим. Обо всем поговорим. Я расскажу тебе всё, но не здесь и не сейчас!

- Ты меня не удержишь насильно, - вцепилась в его руки, чувствуя, как внутри нарастает рев безумной ярости и слезы вот-вот хлынут из глаз, от его пальцев наверняка останутся синяки, - я не боюсь тебя и никогда не боялась.

Руслан наклонился к моему лицу и прорычал:

- И слава Богу, Оксана. Слава Богу, что не боялась. Не заставляй меня сделать так, чтобы ты испугалась.

6 глава

Лешакову всегда нравилось контролировать каждую секунду своей жизни. Он любил расписывать наперед все свои планы, просчитывать шаги и точно знать, на какую почву ступает. Его пугала неизвестность. Он должен быть уверен в завтрашнем дне. Проклятый бешеный ублюдок спутал ему все карты. Не так должен был реагировать, по его мнению, Руслан. Леший недаром учился на психиатра в свое время, чтобы так ошибиться. Но разве не отошел он от дел, разве не завис со своей сучкой в Валенсии? Царь убеждал Лешакова в том, что Руслан больше не вмешивается в дела компании, даже жаловался, что по сути и оставить то империю некому. Царев потерял хватку после перестрелки на вокзале, когда испугался за сына и понял, что ввязался в войну с кланом Нармузиновых. Ахмед и Камран очень опасные противники с иным менталитетом и моральными ценностями, понять логику их действий довольно проблематично. Лешаков решил эту проблему иначе, он работал на два фронта - и вашим, и нашим. Быть хорошим для всех - это всегда выгодно. При заварушке он якобы не при делах, но всегда прикроет любую из сторон, собирая вокруг себя своеобразных должников.

Люди любят, когда кто-то живо принимает участие в их проблемах. Запутываются в благодарности, как в паутине, а Лешаков любил эту паутину вить. Как удобно было потом наказывать того, кто не оправдал ожидания Димы, не оценил его таланты, не отблагодарил должным образом, и наказывать руками более благодарного. Всего лишь жалобно понуть начальнику популярной газеты, дочь которого недавно отмазал от скандала с продажей наркотиков: «Вы знаете, я столько сделал для господина Н, а он не оценил, я так уважал его, со всей душой, вот, как к вам, а он... тварь неблагодарная, меня так и сжак, и пересжак... Да, очень опасный человек, очень. От него можно ожидать чего угодно. Надо наказать зазвездившегося. У нас свобода слова». И вот уже местные СМИ вовсю льют грязь на обидчика, а Лешаков с попкорном на диванчике наблюдает сам спектакль. Вроде и не при делах, и дерьма ушат вылил. А еще высший пилотаж – это обос***ому господину Н позвонить и искренне посочувствовать. Правда, есть риск, что господин Н вернет с три короба. Когда-то такое тоже было – отдача отшвырнула Димочку на обочину жизни, поперли его как-то с госслужбы, да еще и с позором, еле оклемался и сопли подтер, правда, быстро устроился в другое место, не менее тепленькое, а потом и свое дело открыл, а связи везде остались.

Правда, здесь все совсем иначе, и Азиаты были ему нужны самому позарез. Выход на рынок, который он обеспечивал им и получал сам, не шел ни в какое сравнение с доходами от компании Царева, где тот отдавал партнеру всего лишь тридцать процентов прибыли. А ведь не честно так, вдвоем бизнес поднимали. Не додал Царь Лешакову по заслугам, зазнался и взлетел слишком высоко, не оценил всего, что Леший сделал для бизнеса и для семьи Царева. Бескорыстно, так сказать, от всей души. Правда, Олегович не брал в учет, что бескорыстие не ждет отдачи. Всё, что требует возврата, уже коммерция в чистом виде. Ты мне – я тебе, и если ты мне – мало, по моим понятиям и ожиданиям, то я тебе – пулю между глаз или нож в спину. Вот и все бескорыстие. Лешаков ведь не последний человек, чтобы ему куски мяса с барского стола подкидывать. Разве он не старался помочь другу в течение всех этих лет? И ожидал, что будет сидеть за барским столом рядом, а не бегать в шестерках. Задницу Царю лизал и подставлялся. Прикрывал, если надо. Недаром должность такая – с ментурой связан. Крыша, взятки, откупы. Зато с Вороном Царь, как с братом родным. Какого хера, не понятно. Подфартило Лешакову не сразу, но все же подфартило. Сынка Царева отмазал, на дочке потом женил. Царев в благодарность доверенность написал генеральную. Вроде все на мази, вот он – барский стол, накрыт скатертью-самобранкой, и Леший уже приготовился сливки собирать. В этот момент Ахмед и надавил с перевозками. Еще один друг, мать его... Но пообещал такие бабки, которые Лешакову и не снились в ближайшее время даже от Царева. Лариска и Эдик, сученыши, все попускали, долги со всех сторон. Не отвертеться, не спрятаться. Машину кредиторы недавно спалили, Ларка, зараза, с наркоты никак не слезет, а Эдик только и тянет бабло на телок да на казино.

Лешаков по-хорошему хотел, думал Царев согласится компанию продать, но тот заартачился, и они повздорили. Сильно. Царев вышвырнул Лешего с дачи и сказал, чтоб ноги его ни здесь, ни в компании не было. Пронюхал про дела с Ахмедом и психанул. Олегович почувял, что Царев, может доверенность переделать, и тогда сделка с Нармузиновым лопнет, как мыльный пузырь, а Лешаков уже аванс взял, дыры свои позакрывал, сынку круглую сумму перечислил, жене новую тачку купил, а любовнице квартиру подарил. Ахмед пострашнее Царева будет, не простит кидка. У Лешакова вскипели мозги. Цифры там, в голове одна за одну цеплялись и выстраивались в какой-то забор с колючкой, в тюрьму и вышки с автоматчиками, и у каждого рожа Нармузинова. Оставался только один выход, и он им воспользовался. Думал, что потом Руса легко уломает. Так нет, и этот уперся, словно чует, сученок проклятый, как это важно Лешему, и назло делает. Если б не Ларка, давно б замочил, но эта дура сказала, руки на себя наложит, если отец Руслана тронет. Все ему прощает, идиотка бесхребетная, на коленях ползает, а тот ноги об нее вытрет и к своей в Валенсию скачет. Недавно Ларку еле после

передоза откачали после того, как этот ублюдок сказал ей о разводе и из дома выгнал.

Зазвонил сотовый, и Лешаков схватил аппарат, глянул на дисплей и слегка побледнел.

- Да, Ахмед, дорогой.

- Это ты становишься очень дорогим, Леший. Настолько дорогим, что скоро я тебя в золото закатаю и как статую у себя во дворе поставлю. Что с перевозкой? У меня горит! Мне вчера еще надо было, а ты канитель тянешь, Леший. Что там у тебя не срывается, мать твою? И не заливай мне, что справляешься.

- Бешеный, сука, заартачился. Не хочет компанию продавать. В последний момент отказался.

Лешаков дернул воротник рубашки и распахнул настежь окно.

- Так надави, Леший. За яйца прижми. Мозгами думай, а не задницей. Или я твоей заднице сделаю очень-очень больно, и мозги тут же заработают. У каждого есть болевые точки, Леший! У твоего зятя они тоже имеются. И одна из этих точек сейчас здесь, остальные две в Валенсии. Начинай шевелиться. Ручки марать придется снова, Дима. Поздно задний ход давать. Ты уже в деле. Если помощь с болевыми точками Царева-младшего нужна – говори. Я их быстро превращу в пробелы.

Ахмед отключился, а Лешаков швырнул сотовый на стол и несколько секунд смотрел в никуда. Не любил он методы такие, до сих пор трясло после того, как Царя слил. Боялся, Руслан узнает и на ленточки порежет живьем. Но Ахмед прав, отступить некуда, надо что-то менять, иначе он так и будет не у дел. Схватил сотовый и набрал чей-то номер.

- Новикову скажи, пусть ко мне заедет. Немедленно. Разговор есть. Лично привези. Дело его ко мне перешли и подумай, как поощрить и поднять можем. Давай, да, побыстрее. Не тяни. Чтоб через полчаса у меня были.

Отключился и сел в кресло, хлебнул холодный кофе.

«Трусливый ты, Леший, и яйца у тебя голубиные, все боишься, что прищемят их. Не лезь туда, где звери за кусок дерутся, там чуют слабаков и башку тебе отгрызут в два счета. Довольствуйся тем, что имеешь. А я твой зад трусливый прикрою, если надо».

Ворон - смертельно опасная тварь, никогда его близко не подпускал к серьезным делам. Не доверял, сволочь, до конца, как, впрочем, и Царев. Трусливый, говорите? Он вам устроит трусливый. Надо будет, и Ворона сольет с сынком его. Уверенности добавляла сомнительная дружба с Ахмедом. Нет, Лешаков не был идиотом и понимал, насколько опасен Нармузинов, но если правильно себя вести с Шер Ханом, то Табаки останется и сыт, и жив, не так ли? Олеговичу это по жизни всегда помогало. Он не гнушался грязными делишками и подлостями. Зачем марать руки самому, если можно сделать так, что враги сами друг друга поубивают?

Итак, что он имеет – Новиков Сергей Васильевич. Разработчик проектов зданий. Под началом Кускова. Взял его на работу год назад. Тогда еще искал ниточки, за которые можно будет Царева-младшего подергать, и об Оксане справки наводил, когда тот в Валенсию укатил, а Ларка от депрессии загибалась.

Новикова нашел сам, пригласил на встречу и, как только увидел, сразу понял – такого на крючок посадить неимоверно легко. Длительный запой, алкогольная ломка, работу потерял.

Квартиру вот-вот пропьет, а бывшей жене алименты все равно платит, чтоб не думала, что так скатился, и концы с сыном не обрезала. Лешаков вывел Новикова из запоя, причесал, прилизал и к себе на работу взял. С условием, будет бухать - вылетит ко всем чертям, а так - перспективы. Глядишь, Бешеному Оксана надоест, и будет ей куда вернуться. В общем, прикормил мужа бывшего. Авось, понадобится. И правильно сделал - вот и настал момент, когда пригодился.

Лешаков открыл дело Новикова на ноутбуке и просмотрел все фотографии, биографию. Счастливая семья была у этого Новикова, и как он так жену профукал, непонятно. Вообще точку пересечения Оксаны и Бешеного даже сам Лешаков не прослеживал, но жизнь та еще сука. Нагадит в самое неподходящее время в самом неподходящем месте. Новикову просто не повезло, а баба его - шлюха. Мишуру деньжат увидела и ноги раздвинула перед козлом молодым. Променяла хрен на хрен. Сергей лохом оказался, отпустил её и сына отдал. Хотя... сам Лешаков тоже пинка б под зад отвесил, если б Светка его с кем-то шашни закрутила. Но Светик не такая, хоть и потрахивает он молоденьких любовниц, но Светка - это Светка. Она - жена. Этим все сказано. Светке дорогие шмотки, заграничные поездки, тачки и все самое лучшее. Светку Леший любит. Годами обхаживал, пока заполучить удалось и жениться. До сих пор смотрит на нее, и сердце колотится от радости, что она его.

Новиков вошел в кабинет и прикрыл за собой дверь. Дмитрий Олегович пристально на него посмотрел, оценивая шансы. Несомненно, от того полубомжа - забулдыги, которого взял на работу год назад, Новиков отличался и очень сильно, но нет в нем какого-то лоска, шарма, на который бабы западают. Скучный этот Новиков, на корпоративы не ходит, с девками из отдела не крутит шашни, правильный какой-то, спокойный. Явно проигрывает Бешеному по всем параметрам. Но работник он более чем толковый. Все проекты шикарные, занимают первые места среди строительных компаний вот уже третий квартал, благодаря Новикову.

- Дмитрий Олегович, вызывали? - поправил пиджак, замялся на пороге.

- Вызывал. Садись, Новиков. Кофе будешь?

- Нет, спасибо...

- Новиков, когда тебе что-то предлагают - бери. Второй раз вряд ли предлагать будут. Так и в жизни - не отказывайся от подарков. Неудобно спать на потолке, Новиков. Остальное удобно, если тебе это нравится и приносит удовольствие. Так что - кофе будешь?

Сергей снова поправил ворот пиджака и кивнул.

- Да, черный. Две ложки кофе и одну сахара.

Лешаков нажал кнопку селектора:

- Аллочка, два кофе - мне как обычно, а Сергею Васильевичу две ложки кофе и одну сахара.

Поднял голову и посмотрел на Новикова снова - костюм дешевый, несмотря на хорошую зарплату, и какой-то безвкусный. Надо ему любовницу оформить, чтоб взбодрила и уверенности в себе придала. Пусть потрахается от души и воспрянет наконец-то. А потом можно и в дело вводить. Пусть бывшей своей займется. Если хочет, конечно... это надо прощупать. Но Лешаков редко в людях ошибался - Сергей хочет свою бывшую до нервного тика, бухает до сих пор именно из-за нее и мастурбирует в ванной на ее фотки каждый вечер, оплакивая, как мог бы трахать, но смелости не хватило, а у выроodka Бешеного получилось. Ненавидит Руса, только сделать ничего не может и не умеет. Вот Леший и научит.

- Сергей Васильевич, я слышал, что все три ваших проекта заняли первое место. Вы знаете, я тут подумал и решил, что вас нужно повысить в должности. Собираюсь отдать в ваше распоряжение весь отдел. Назначить вас директором. Кусков на пенсию выходит с завтрашнего дня. Будете отвечать за все проекты корпорации, набирать штат дизайнеров, которые будут эти проекты осуществлять.

Новиков выпрямился на стуле, явно пребывая в состоянии шока. Зашла Алла с подносом поставила чашки на стол, улыбнулась Лешакову, и тот подумал, что после рабочего дня поставит ее на колени и, пока та будет работать ртом, даст ей задание соблазнить Новикова. Расслабить парня.

- Вы не рады?

- Рад, конечно... но это такая ответственность.

Лешаков усмехнулся:

- Опять отказываетесь от шансов, Новиков? Скажите, я слышал вы женаты и у вас маленький сын?

Сергей резко отпил горячий кофе с маленькой чашечки и поморщился.

- Нет. Мы в разводе. Сын с бывшей женой и её новым мужем в Валенсии живут.

- Ясно.

Лешаков прикидывал, как преподнести этому неудачнику новость о том, что Руслан женат на дочери Лешакова, а не на Оксане Новиковой.

- Значит, вы думаете, что бывшая жена снова вышла замуж. А с сыном вы видите?

- Да. То есть нет... Я стараюсь раз в месяц. Он прилетает ко мне, и мы проводим время вместе. Не всегда получается и...

- Потому что вы пьете, Новиков, поэтому не получается.

- Я давно уже... нет. С тех пор, как у вас работать начал.

Лешаков взял фото в рамке, стоящее напротив него на письменном столе. Фото со свадьбы Ларисы. Где они все вместе: дочь, зять и сам Лешаков. Повернул фотографию и подтолкнул к Новикову.

- Посмотрите.

Тот отставил чашку и взял фото в руку.

- Узнаете?

Сергей медленно поставил фото на стол и посмотрел на Лешакова.

- Что это значит?

- Это значит, что Руслан Царев, с которым живет ваша бывшая жена, женат на моей дочери Ларисе.

Воцарилась тишина. Новиков смотрел на чашку и помешивал в ней давно растворившийся сахар, поднимая зерна наверх. Лешаков наслаждался моментом. Неприятно быть лохом вдвойне, да, Новиков? Мало того, что тебе рога наставили, сына лишили, так еще и на женатого променяли. Настолько ты был паршивым мужем.

- Вы ее всё ещё любите, Новиков?

Мужчина не ответил, отвернулся к окну. Сжал челюсти с такой силой, что заскрипели зубы, и Лешаков довольно усмехнулся.

- Это личное.

- Как видите, не такое уж личное, Сергей. Моя дочь тоже любит своего мужа, который живет на две семьи. И с этим надо что-то делать, Новиков. Вы так не считаете?

- А что можно с этим сделать, Дмитрий Олегович? Оксана свой выбор сделала и ушла от меня к этому...

Он ткнул пальцем в фото, и оно проехалось по столешнице. Лешаков хлопнул по снимку ладонью останавливая.

- Когда она делала свой выбор, то не знала, что он женат. Не знала целый год, Сергей Васильевич... и вот недавно узнала. Как вы думаете, не пришло ли время возобновить ваше общение? Ей сейчас плохо, она страдает, может, ей даже некуда пойти. Вы в курсе, что она здесь, а не в Валенсии?

Сергей резко посмотрел на Лешакова.

- Не в курсе.

- Вы позвоните ей, пообщайтесь... может, это ваш шанс.

- А зачем все это вам? Только из-за дочери?

- Конечно. Если ваша Оксана вернется к вам, то Руслан вернется к моей дочери, и всем будет счастье. Вы так не считаете? Я ведь могу вам помочь в этом нелегком деле, Новиков. Мне нужно понять, как далеко вы готовы зайти в своем желании вернуть бывшую жену.

- Так далеко, как только можно, - глухо ответил Сергей и наконец-то посмотрел в глаза Лешакову, и тому стало не по себе. Он даже поежился. Некоторые бабы делают из мужиков психов, а Оксана с виду не была похожа на ту, из-за кого сносит крышу... но сейчас Леший понимал, что реально упустил что-то важное в этой маленькой женщине с неброской внешностью.

- Тогда мы с вами поладим, Сергей Васильевич.

Протянул Новикову руку, и тот пожал его ладонь очень крепко. «Херовый из тебя психиатр, Лешаков, и мент ты был херовый. Вот политик из тебя выйдет, что надо. Марионеточный и коррумпированный. То, что доктор прописал». Слова Царева прозвучали в ушах и резанули по нервам. «А ты мертвый политик, потому что много из себя строил». Когда Сергей вышел из кабинета Лешего тот вызвал Аллочку, и пока та, стоя на коленях, делала ему минет, а он, откинувшись на спинку кресла, смотрел на мозаику выложенную на потолке и говорил, срываясь на стоны:

- Ты завтра Новикову сама позвони или... ох да, детка, соси сильнее... или оттрахай этого в туалете у нас... чтоб искры из глаз...

После того как кончил, сунул секретарше деньги в лифчик и щелкнул пальцем по курносому носу.

- Не строй из себя обиженную, девочка. Я ведь и сам обидеться могу и найти на твое место более сговорчивую. Все поняла?

Та кивнула и, достав деньги, нагло пересчитала при Лешакове, потом приподняла одну бровь и тот, усмехнувшись, добавил еще пару купюр.

- За усердие.

7 глава

Запись № 7

- Именно это тебя беспокоит? Эти странные сны?

- Нет. Меня беспокоят не сны, а реальность.

- У тебя были проблемы с наркотиками?

- Я курила только травку один раз. Разве вы считаете это проблемой, доктор?

- Нет, я не считаю это проблемой. Мы сейчас говорим о том, что именно считаешь проблемой ты.

Резкий звук и потом тишина... голос слышен издали.

- Проблема в том, что он приходит ко мне не только во сне. Проблема в том, что я вижу его наяву. Он играет со мной... Вы понимаете? Он со мной играет в кошки-мышки. Я больше так не могу.

- Успокойся. Сядь. Вот - выпей воды. Значит, ты считаешь, что некий мужчина, приходит к тебе по ночам и издевается над тобой?

- Я так не считаю... это вы считаете меня сумасшедшей. Вы и моя сестра хотите запереть меня в психушку, вы...

- Анита, никто не желает тебе зла. Никто не хочет тебя куда-то запереть, мы хотим тебе помочь. У тебя проблемы с полицией. Четыре ареста за проникновение на чужую территорию. Твоя сестра беспокоится о тебе, но сначала мы должны понять, что происходит на самом деле. Зачем ты пришла к дому господина Данте? Зачем изрисовала ограду пиктограммами?

- Потому что он сводит меня с ума... приходит, а потом исчезает. Манит и отталкивает. Бьет и ласкает. Режет и кромсает меня... вам не понять. Вы мне не верите. Смотрите. Вот что он со мной делает.

Шум... всхлипывания, помехи.

- Твоя сестра говорила, об этих порезах. Чем они нанесены?

- Лезвием стилета. Итальянского. Данте всегда носит его с собой. Когда мы занимаемся сексом, он режет мою кожу и слизывает кровь...его глаза, они становятся черными, его ноздри трепещут и...

- Анна, а ожоги? Как появляются ожоги?

- Горячий воск...

- Все происходит по обоюдному согласию?

- Да, но...он крадет мою душу. Вы не понимаете, что он убивает меня? Вы так ничего и не поняли? Этот мужчина - дьявол. Он играет с вами в свои игры, пока вы не умрете. Пока жизнь не начнет казаться вам мучительней смерти, пока вы не почувствуете себя грязью.

- Анна, мы во всем разберемся, я тебе обещаю. Наша следующая встреча состоится в пятницу утром.

Пока что попробуй спать в другой комнате, гулять несколько часов перед сном, и...ты умеешь рисовать, верно? Нарисуй мне до пятницы что-нибудь. Нарисуй мне свою мечту, хорошо?

- Вы поможете мне? Вы сможете мне помочь? Я хочу забыть о нем... пожалуйста, помогите мне. Я задыхаюсь. Мне страшно...

- Конечно, я тебе помогу. Обязательно. И ты должна снова вернуться к учебе. Твои друзья скучают по тебе. Подожди меня, я сейчас вернусь, хорошо?

Шаги, звук открывающейся и закрывающейся двери. Шум. Помехи. Тихий шепот. Снова помехи.

- Я принесла тебе и себе «пепси». Хочешь трубочку или одноразовый стакан?

- Я не пью «пепси», я пью только воду. Как вы можете мне помочь, если ничего обо мне не знаете?

- Я узнаю тебя. Ты все мне расскажешь, если захочешь, и мы поможем тебе вместе, хорошо?

- Хорошо. Я вам верю. У вас очень красивые и светлые глаза. Когда я смотрю в них - я вам верю.

«Анна Серова. Девятнадцать лет. Наносит себе увечья лезвием бритвы, прижигает кожу сигаретами, страдает депрессией и галлюцинациями. Склонна к мазохизму. Увлекается тяжелой музыкой, замкнутая, недружелюбная...»

Я выключила и отложила диктофон, закрыла глаза, постукивая шариковой ручкой по столу. Потом перевела взгляд на монитор ноутбука, прокрутила страницы файла вниз и быстро напечатала:

«Закрыто. Смерть пациента. Суицид»

Зацепила файл «Анна Серова» курсором и перетащила в отдельную папку без названия.

Я должна была понять, почувствовать, а я не поняла. Мой проигрыш, и цена слишком высокая.

Еще несколько секунд смотрела на картинку рабочего стола – зимний пейзаж. Потом открыла поисковик и медленно вбила имя: «Данте Лукас Марини». Моментально появились результаты поиска.

Я прокрутила их вниз, вверх. Потом нажала ссылку на "Википедию" и внимательно посмотрела на фотографию мужчины. Красивый. Брутальный, я бы сказала. Старший сын итальянского судовладельца и дочери русской актрисы-иммигрантки. Пятеро братьев Марини, наследники игорного бизнеса, нескольких сетей итальянских ресторанов и недвижимости в России. Все имеют двойное гражданство. Меня интересовал сам Данте. Тридцать пять лет. Тот возраст, когда женщины тратят деньги на пластические операции, а мужчины только начинают чувствовать вкус жизни, собственной власти и опыта. Что могло связывать девочку из среднестатистической семьи русских эмигрантов, живущую в нашем захолустном квартале и этого богатого прожигателя жизни? Где они могли пересекаться? Абсурд.

Зазвонил сотовый, и я ответила, даже не взглянув на экран дисплея.

- Мне нужно поговорить с вами, я просто обязана с вами поговорить.

Болезненно поморщилась, нащупала пачку сигарет и закурила.

- Конечно, Юлия, мы обязательно поговорим. Я назначу вам встречу.

- Мне нужно сегодня, сегодня...

Я выдохнула и отшвырнула зажигалку подальше. Да, большинство моих пациентов русскоговорящие. Они идут ко мне, потому что я работаю с ними на их родном языке.

- Вам сегодня нужно отдохнуть, прийти в себя. Мы поговорим в другой день.

- В полиции сказали, что она... она была под действием наркотика, когда порезала вены. Я не верю. Она не могла. Вы же говорили с ней. Вы заверили меня, что это возрастное, что это пройдет и что при правильном курсе лечения... Аня не принимала наркотики. Никогда и она... она так любила жить. Когда вернулась от вас, она хотела снова начать рисовать...Я...

- Юлия, я знаю, что вам сейчас очень тяжело. Я все понимаю. Я искренне вам соболезную.

- Мне кажется, в полиции что-то скрывают. Мы говорили с Аней вечером, я уехала и ... она пропала. Они искали ее четыре дня. Четыре. Зачем было уходить, она могла это сделать дома, я не понимаю... ничего не понимаю.

Я судорожно сглотнула, на душе возникло неприятное чувство, словно меня в чем-то обвиняют.

- Я встречаюсь с вами завтра, хорошо? Завтра после обеда и мы все обсудим. Обязательно. Договорились? Мой секретарь свяжется с вами и назначит время.

Закрыла сотовый и выдохнула, сжала виски пальцами. Мне срочно нужен отдых, хотя бы на неделю.

«Я ненавидела это место, я ненавидела свою жизнь, которая напоминала мне тягучую и вязкую рутину.

Но больше всего я ненавидела то, что я не такая, как все, но я им этого никогда не покажу, лучше перегрызу себе вены зубами. Кому-то моя депрессия покажется бешенством с жиру, но тогда это было катастрофой. В пятнадцать лет, когда жизнь и так кажется полной дрянью, тебя вырывают из привычной среды и швыряют в чужой мир, где ты учишься плавать и тыкаешься, как слепой котенок, из стороны в сторону. По началу, когда родители сказали мне, что мы переезжаем, я обрадовалась. Я даже гордилась, что вырвусь из этой рутин, буду слать своим друзьям фотки через интернет и ходить по лазурному пляжу полному смуглых парней. Я сама себе завидовала, особенно глядя, как гордится отец своим новым назначением, а мать и сестры лихорадочно собирают сумки, раздаривают свои вещи и предвкушают переезд.

Эйфория длилась ровно несколько дней – пока я не поняла, что они меня ненавидят. Ненавидят во мне всё. Боже, какой душой я была. Моя жизнь была просто раем до встречи с ним. Хотя, я уже не знаю, где рай, а где ад. Вы когда-нибудь видели зверя в человеческом облики? Нет, без мистической дряни, которую смотрят мои друзья. Настоящего зверя, в котором нет ничего человеческого, кроме внешности. Я видела, чувствовала, познала в полной мере. Это – не человек. Он пожирает вашу волю, связывает ментально, ставит на колени всех, кто приближается к нему. Покрывает вас грязью, раздирает до крови ваше сердце. Это Дьявол. Вам не поможет ни одна молитва...и самое страшное, я безумно люблю его»

Захлопнула дневник Аниты и посмотрела в окно. Я её понимала. Это мерзкое чувство, когда ты отличаешься от всех: цветом волос, глаз, кожи, менталитетом, дурацким русским именем. Да всем. Белая ворона в полном смысле этого слова. Я тоже это проходила, не так остро, конечно, но проходила, а потом привыкла. Я выкрашивала свои светлые волосы в черный цвет, так, как темные девочки со смуглой кожей были в моде, я загорала до волдырей и мечтала носить коричневые линзы. Я не хотела быть русской, но всё равно всегда ею была и от этого никуда не деться. Меня называли «матрешкой» за светлую кожу, румянец и округлость. В колледже я была пышкой, и я себя ненавидела...

«- Ты ведешь дневник?

- Иногда записываю свои мысли.

- Тебе это помогает?

Она засмеялась, и я увидела, как Ани поправила прядь светлых волос за ухо. Ее светло-карие глаза улыбка не тронула.

- Меня это отвлекает, а помочь мне никто не сможет, даже вы, Кэтрин».

Она никогда не называла меня Катей и редко говорила со мной по-русски. Хотя это помогло бы раскрыться больше. Просто она, как и многие дети-иммигранты, пыталась слиться с массой, не отличаться от них, отрицая свою этническую принадлежность.

«- Я очень стараюсь, и вместе у нас получится. Вот увидишь. Иногда случается, что юные

девушки увлекаются парнями постарше, актерами, знаменитостями, фантазируют и их чувства не взаимны, но это не трагедия, Ани, это опыт.

Она снова усмехнулась.

- Вы считаете, что это мои фантазии, да?

- Твоя сестра читала дневник? Ты ей показывала?

- Зачем? Я его спрятала. Она никогда его ТАМ не найдет».

А я нашла... Случайно. В её комнате, в которую после похорон меня провела Юлия. Я помню, как распахнула окно, задыхаясь от нахлынувшей тоски. Чужое горе иногда давит сильнее собственного. Эти рыдания, шепот, поминки, тихие шаги за дверью и комната, в которой всё осталось так, как и в последний раз, когда Ани вышла отсюда, чтобы больше не вернуться. Она спрятала дневник в проеме между оконными рамами, в своеобразном углублении. Я так и представляла себе, как Ани сидит на подоконнике, свесив ноги на улицу, и пишет. Она рассказывала мне об этом.

Сигарета тлела в пепельнице, а я смотрела в окно на темное небо. Мне не давало покоя, что её нет. Меня это убивало. Ли говорила, что так бывает у всех с первым личным покойником, потом, со временем, перестаешь принимать близко к сердцу. Я не хирург и даже не медсестра, я – школьный психолог, у меня не должно быть личных мертвецов. Ко мне не привозят искалеченных пациентов, истекающих кровью, я латаю дыры в душе подростков и всегда делаю это удачно.

Отложила тонкую тетрадь и шумно выдохнула. Несколько дней назад ко мне приходили из полиции, задали пару стандартных вопросов и ушли. Никто из них не спросил о Данте.

Я наклонилась к ноутбуку и пошевелила мышкой, экран осветил полутемный кабинет.

Данте Лукас Марини... Вспомнилась «Божественная комедия». На весь экран его лицо. В который раз за эту неделю. Порочная красота. Та, от которой над верхней губой проступают капельки пота, а ладонки невольно потеют от осознания собственного убожества. Властный взгляд голубых глаз, слегка исподлобья, самоуверенный и ироничный. Циничный, красивый сукин сын, который считает, что трахнул весь мир и поставил фортуна раком и имеет её как дешевую портовую шляху вот уже несколько лет.

Пролиставала еще несколько светских сплетен. Тот тип мужчин, который возомнил себя полубогом. С красивой физиономией, бабками, девками, нюхающий кокаиновые дорожки и запивающий их мохито. Скандал на скандале. Вереница брошенных любовниц.

Фото с самыми популярными звездами, громкие романы, грязные подробности личной жизни. Я изучала Данте неделю. С утра до вечера. Часами вычитывала информацию и искала. Мне кажется, я могла нарисовать его лицо и голливудскую белозубую улыбку с закрытыми глазами. Не знаю, что я хотела найти, хоть намек на пристрастие к «Теме», нечто компрометирующее. К вечеру снова разболелась голова, и я проглотила две таблетки аспирина.

Открыла новую страницу браузера и потянулась за сигаретой, разглядывая шикарный пятиэтажный особняк.

«Данте Лукас Марини сегодня отметил своё тридцатипятилетие. Вечеринка ничем не уступала

Дню Независимости. Собрались...»

Я посмотрела на дату: «13 ноября...». Скорпион. Усмехнулась и откинулась на спинку дивана, подтянула ноги под себя. Что их могло связывать? Что? Где он и где она? Разница в возрасте, социальный статус и вообще.

Вчера я была в Вудсайде, проехала возле его особняка. Наматывала круги и лихорадочно думала о том, что Аня, Анита...никогда бы не попала в этот дворец, так же, как и я. Это всё её фантазии. Одно не давало покоя – фантазировать можно об актере, певце, модели, спортсмене, в конце концов, но о бизнесмене, эдак на семнадцать лет старше её, чьи фото красовались на страницах «Форбс», а не в молодежных журналах... Единственная нестыковка. Впрочем, может она придумала себе фантазию о богатом принце на белом коне и, увидев фотографии в интернете или в газетах, сделала эту мечту более реальной? Но неужели Анита вместо журнала «COOL» просматривает именно «Форбс»? Да, именно, Анита, девочка с ногтями, выкрашенными в черный лак, с темно-синей подводкой на огромных глазах, слушающая Мерлина Мэнсона, именно тот типаж, который смотрит бизнес-журнал... Я криво усмехнулась...или я ничемный психолог, который так и не понял юную пациентку.

Ли позвонила мне днем, точнее она трезвонила безостановочно, и я, после дозы снотворного, с тяжелой головой, с трудом могла поднять руку, не то что стащить себя с постели, но эдак с двадцатого звонка я все же ей ответила.

- Катька, хорош спать, матрешка, давай просыпайся у меня для тебя просто офигенная новость, - меня всегда смешило то, как она произносила моё имя, с характерной для иностранцев мягкостью.

Мы дружим ещё с колледжа, странно, что жизнь не расшвыряла нас в разные стороны, но в целом это заслуга Ли, не моя. Она цеплялась за нашу дружбу как за спасательный круг. Ли – итальянка, и, на самом деле, и не Ли вовсе, а Анна Лиза, и только она могла безнаказанно называть меня матрешкой.

- Лииниии, я уснула в пять утра, сегодня у меня выходной,...

- Знаю, и почему не спала, тоже знаю.

Я с трудом содрала себя с постели и босиком пошлепала на кухню, зажимая телефонную трубку между плечом и ухом, включила электрочайник и открыла холодильник.

- Давай, говори, я слушаю.

Головная боль набирала новые обороты. Проклятая жара, от духоты всегда начинается мигрень. Не помогает даже кондиционер.

- Я сегодня вытащу тебя из твоего склепа. Такую вечеринку ты не можешь пропустить.

Я тихо застонала, наклонившись за молоком.

- Ли, у меня голова раскалывается, какая к черту вечеринка?

- Мы заключили сделку, невероятную сумасшедшую сделку и нас пригласили в закрытый клуб. Ты даже не представляешь, какие люди туда приедут. Давай, ну, не будь занудой. Ты уже год

никуда не ходишь. Забудь своего русского ублюдка копа Алекса и начинай жить сначала. Твои чокнутые малолетки тоже обождут.

Поморщилась, как от зубной боли. Напомнила. Какого черта - не понятно. Я и так его забыла.

- Я подумаю, хорошо?

- Нечего думать. Мы едем туда вместе и точка. В отрыв. Да. Ты и я. Как когда-то давно, когда ты не была занудой. Помнишь? Мы пьяные, полумертвые от выпитой русской водки, идем босиком по трассе и орем твою «Катюшу».

Я невольно усмехнулась. Помню, конечно. Полицейский участок тоже помню.

- Матрешка! Я обижусь и внесу тебя в черный список, где только можно, я не приду на твой день рождения, я не буду будить тебя по понедельникам и вообще, я перестану называть тебя матрешкой. Ты больше не прочтешь ни одного моего статуса в Фейсбуке. И не узнаешь о моем новом бойфренде. Невероятно сексуальном бойфренде.

Я засмеялась. Страшная угроза. На самом деле Ли была единственной, без кого я не представляла себе завтрашний день. Она всегда была рядом. Черт, если говорить людям, сколько лет мы дружим - они легко вычислят наш возраст.

- Хорошо. Я точно помру без твоих статусов, без подробностей о твоей сексуальной жизни и поэтому я поеду на эту дурацкую вечеринку.

Она засмеялась.

- Ты не пожалеешь. Кстати, вчера звонила твоя мама.

Я кивнула и плеснула молоко в кофе.

- Сказала, что не дозвонилась к тебе.

Я снова кивнула сама себе. Естественно не дозвонилась, я же с ней не разговариваю уже несколько лет и Ли прекрасно об этом знает.

Я вернулась к дивану и бросила взгляд на тетрадь, такая обычная школьная тетрадь, слегка потрепанная с помятыми краями, светло-голубая, в разводах, и в ней чья-то жизнь. Чужая.

8 глава

Данте сидел, откинувшись на бордовую, кожаную спинку узкого дивана и медленно затягивался сигаретой, кольца дыма поднимались к высокому потолку с мелкими красными неоновыми лампочками, сигаретный смог смешивался с искусственной цветной дымкой. В полумраке не было видно его лица, только короткие темные волосы, щетину на широких скулах и очертания губ.

Его торс оставался в тени, и медленно вращающиеся лампочки освещали лишь темно-серые

элегантные брюки, начищенные до зеркального блеска туфли и светлое пятно рубашки с аккуратно завязанным галстуком. Когда он подносил сигарету ко рту, на пальце сверкала массивная печатка, а на манжетах платиновые запонки.

На круглой маленькой сцене с шестом извивалась стриптизерша, стройная, гибкая, как сиамская кошка. Ослепительно сверкали стразы ее своеобразного костюма, не оставлявшего простора для воображения, а длинные черные волосы рассыпались по блестящей сцене, когда она запрыгивала на шест и эротично соскальзывала с него вниз головой.

В этот момент в ВИП-комнату двое мужчин втащили яростно сопротивляющегося парня и швырнули к ногам Данте. Тот жалобно всхлипывал по-итальянски:

- Я ничего не говорил, ничего. Это Фрэнк. Данте, ты же меня знаешь. Я бы не стал болтать о Чико. Никогда не стал бы...

Данте резко наступил на голову мужчины и вдавил её в пол каблуком туфли, несчастный взвыл от боли, скорчился, тяжело дыша и срываясь на хрипы.

- Фрэнк?

Стриптизерша ойкнула и сделала шаг к ступеньке, но, тут же услышав властное «продолжай» уже по-английски, снова начала извиваться в танце, стараясь не смотреть в сторону скрюченного на полу мужчины и двух других, которые заломили ему руки за спину.

- Я повторяю свой вопрос, Чиро, это был Фрэнк? У тебя есть шанс сказать правду, ты же знаешь, как я ненавижу ложь.

Мужчина заскулил и простонал.

- Да... Это Фрэнк. Это он, ублюдочный сукин сын.

Данте подался вперед:

- Ублюдочный сукин сын уже двадцать четыре часа остывает в морге с круглой дыркой между глаз.

Мирини кивнул парням и те за волосы приподняли Чиро с пола, удерживая его дергающееся тело. Данте медленно достал из внутреннего кармана пиджака стилет, покрутил в пальцах, трогая лезвие.

- Я говорил, что ненавижу ложь, Чиро. Говорил?

Мужчина трясся от страха, по щекам текли слезы.

- Данте, не убивай, Данте я виноват, но меня заставили, я...

Марини резко подался вперед и надавил на подбородок несчастного.

- Хочешь жить, Чиро?

Тот закивал, зажмурился, и под коленями по зеркальному полу растеклась светлая лужица.

- Вытащи язык.

- Дантеееее!

- Я сказал - вытащи язык. Выбирай: или язык, или я перережу твоё горло.

Стриптизерша остановилась, и её зрачки расширились от ужаса. Она видела, как беспомощно дергается стоящий на коленях мужчина и закрыла глаза, когда Данте взмахнул рукой. Двинулась со сцены, под дикие крики, заглушаемые музыкой, и снова услышала по-английски:

- Танцуй, сука!

Вернулась обратно, стараясь не смотреть на двух парней, которые тащат за волосы по полу третьего, как тряпку, выжатую, грязную, мелко подрагивающую тряпку. Хотелось зажать уши руками, чтобы не слышать, как тот гортанно хрипит, словно что-то булькает у него в горле и мешает кричать.

Она продолжала танцевать и молиться Богу, чтобы забыть об увиденном.

Данте аккуратно вытер руки, затем лезвие стилета и снова откинулся на спинку дивана. Он поманил её пальцем, и девушка подошла, вилля бедрами, остановилась, расставив длинные ноги. Ей было страшно. Она слышала, что о нём шёпотом говорили другие девочки - он безжалостное чудовище, жуткое подобие человека. Равнодушный сукин сын, безумно красивый чокнутый, извращенный ублюдок. Никто не рассказывал подробностей после приватного танца с хозяином заведения, все боялись, но никто и никогда не смел отказать, когда Данте кивал на одну из них и уводил за собой, но они все его хотели, Сара видела этот лихорадочный болезненный блеск в их глазах, когда произносили его имя вслух.

- Тебе достаточно платят, Сара? - голос вкрадчивый, хрипловатый. Девушка кивает и медленно спускает лямки бюстгалтера с округлых плеч.

- Я просил раздеваться?

Замерла и судорожно сглотнула, встретившись с ним взглядом.

- Стань на колени.

Медленно опустила и прикрыла глаза. Данте коснулся её щеки холодным лезвием стилета, и она судорожно сглотнула.

- Ты ведь понимаешь по-итальянски, да? Ты у нас новенькая. Выучила правила, девочка?

Кивнула и сильнее зажмурилась. Внезапно он схватил её за волосы и притянул к себе.

- Ты уже знаешь, что происходит с теми, кто много разговаривает, да? Смотри на меня. Знаешь?

Сара открыла глаза и тихо прошептала:

- Да.

Её завораживал его взгляд, светло-голубые глаза с ледяным блеском, слишком светлые для смуглой кожи и черных волос. От страха напряглись все мышцы на теле. Лезвие стилета прошлось по её шее, а он продолжал удерживать её взгляд.

- Боишься меня?

Она не просто боялась, а впала в протрацию. Девочки говорили, что иногда он приезжает и берёт одну из них, а то и несколько, но Сара устроилась на работу всего пару недель назад и хозяина ни разу не видела. Для девочек хозяином был Мэт, управляющий «Домино». Жестокий, но справедливый подонок, умеющий выжимать из них последние соки.

- Расстегни.

Сара послушно дернула змейку на его ширинке и почувствовала, как его пальцы сильнее сжали её волосы на затылке. Стиллет все еще был прижат к её горлу.

Он шумно дышал пока она делала ему минет, захлебываясь, стараясь захватить мощную плоть поглубже, чувствуя, как он безжалостно нанизывает её на член, удерживая за волосы. Сара терпела, молча стараясь доставить максимум удовольствия, ни на секунду не забывая о лезвии в его длинных смуглых пальцах.

Он кончил и оттолкнул её от себя. Через несколько секунд тихо спросил.

- Ты поняла, для чего предназначен твой рот?

Кивнула и снова зажмурилась, услышала шелест купюр, потом почувствовала, как он засунул ей за резинку трусиков деньги. Встал с дивана и направился к двери.

Сара заплакала, когда он вышел, достала деньги из трусиков, несколько секунд смотрела на стодолларовые банкноты, а потом ее глаза снова расширились от ужаса - в нескольких шагах от неё валялось нечто, очень напоминающее человеческий язык.

Уважение не сравнить со страхом. Да, это чертовски круто, когда тебя уважают, но это не мешает уродам вонзить тебе нож в спину и несколько раз его там прокрутить.

А вот страх заставляет их самих каждую секунду ожидать удара, ворочаться, истекая вонючим, липким потом, на мокрых простынях и ежесекундно проверять, не включен ли газ в квартире, не подсыпали ли яда в чашку с кофе, думать каждую секунду не растворят ли драгоценную супругу, детей и даже собаку с кошкой в серной кислоте. Вот что заставляет людей быть верными и держать язык за зубами - ужас. Он же становится решающим, когда нужно выбирать.

Данте знал это с детства. Нет ничего мощнее страха. Когда-то в давно они возвращались из Нью-Йорка домой, и отец сбил на дороге бродячую собаку. Данте было лет семь, он плакал и умолял отца отвезти псину к ветеринару, но отец говорил, что она не выживет и лучше пристрелить ее прямо сейчас. Он подал Данте свой пистолет и вместе с ним навел дуло на голову несчастного животного. Данте отказался стрелять и тогда отец нацелился на их Лотти, бультерьера, с которым Данте никогда не расставался. Выбор был сделан - Данте выстрелил, а потом похоронил бродячего пса на обочине. Он усвоил урок. Всегда выбираешь, то, что ближе к телу и дороже, а ещё Данте боялся отца. До дрожи в коленях.

Франко Марини говорил, что нет ничего дороже семьи. Они одно целое. Данте ему верил.

Верил даже тогда, когда мать наглоталась транквилизаторов и умерла во сне, сразу после рождения Альдо.

Через десять лет Данте уехал учиться, и когда вернулся – отец представил им всем новую жену, ровесницу Данте. Молодую, красивую сучку, которая держала отца за яйца покрепче, чем тот свою империю и сыновей. Спустя год родился их младший брат Чико, отец не дожидаясь его рождения ровно четыре дня – его застрелили, продырявили прямо в центре Чикаго точным выстрелом в сердце.

Копы нашли обглоданные трупы подозреваемых в убийстве Франко Марини на ферме за двести километров от Чикаго. Всех троих живьем сожрали свиньи. И ни одной улики.

9 глава

Утро было жарким, духота витала в воздухе как растворенная бесцветная патока. В сентябре обычно уже не бывает так жарко. Особенно в конце. Миссис Ирэн Спектор не спалось именно от духоты. Кондиционер не включался никогда – это разносчик страшных вирусов. Она бросила взгляд на светящийся циферблат часов и встала с постели, привычно почистила зубы, тщательно прошлась по ним «ниткой», умылась, намазала своё веснушчатое лицо увлажняющим кремом и долго расчёсывала непослушные рыжие волосы, собирая их в конский хвост. До работы оставалось еще три часа. Она вполне успеет на утреннюю пробежку, затем выпьет чашку эспрессо и отправится в метро на Манхэттен. Сегодня не будет много клиентов. Такие «лысые» дни Ирэн всегда чувствовала.

Она могла бы поехать на своем новеньком «пежо», но миссис Спектор ненавидела пробки. Они ее раздражали. Тем более, она привыкла вот уже в течении десяти лет ездить в свою небольшую контору в здании небоскрёба именно на метро. Ирэн не изменяла этой привычке.

Она надела через голову майку, затем повязку на голову, поправила узкие шорты, завязала шнурки на старых кроссовках и спустилась на лифте вниз. Консьержка её не заметила, впрочем, как и никого здесь. Ирэн это раздражало – им достаточно платят, чтобы они не сидели для мебели и удосужились здороваться с жильцами. Бескультурщина.

В парке мимо неё пробежал парень в наушниках, в черной футболке с длинными рукавами и спортивных синих штанах, с белыми тройными лампасами по бокам. Прямо как во времена её молодости.

Ирэн не понимала, зачем бегать и слушать музыку, когда можно наслаждаться утренней тишиной. Пением первых птиц. Можно думать, мечтать, следить за правильным дыханием. Ровно полчаса она будет идти спокойным шагом, а потом побежит до круга с фонтанами, там она выпьет минеральной воды из бутылки и снова еще двадцать минут бега, потом вернется домой, примет душ и поедет на работу. По дороге зайдет в булочную и купит черный хлеб грубого помола к обеду.

Как же душно сегодня. Тело стало липким и казалось на кожу садится пыль. Ирэн смотрела только вперед, ничего не замечая, только прислушиваясь к журчанию фонтана – через пять минут она поравняется с ним и сделает ровно пять глотков воды.

В нескольких шагах от неё кто-то лежал на скамейке. Ирэн старалась не смотреть. Это отвлекало, а она любила бегать в полном одиночестве. Она специально выбирала именно этот парк. Здесь всегда тихо.

Взгляд все равно невольно возвращался к чернеющему силуэту.

Ирэн поправила очки кончиком пальца. Какое ей дело до того, кто там лежит? Может это бомж или наркоман, может даже стоит свернуть и сменить маршрут. Но ведь это неправильно. Нельзя нарушать ритуал, повторяющийся изо дня в день в течение нескольких лет. Так говорит ее психолог, после развода нужно упорядочить свою жизнь и распределить ее по часам, чтобы время ценно использовалось. До сих пор миссис Спектор это помогало не думать о бывшем муже и его новой жене, которая моложе самой Ирэн лет на пятнадцать. Остаться одной в сорок пять лет, без детей и даже без собаки – это довольно паршиво, и Ирэн вот уже несколько лет сидела на антидепрессантах.

На скамейке, кажется, лежит женщина и это странно, но Ирэн нет до этого дела, она пробежит мимо, как всегда, чтобы ровно в 7:00 быть у фонтана. Женщина не двигалась, и теперь Ирэн видела светлые длинные волосы, неестественно вытянутые босые ноги, свисающую со скамейки тонкую руку, которая задевала пальцами газон, в них что-то поблёскивало. Черт, очки запотели.

Миссис Спектор сняла их и на ходу протёрла низом майки, поравнялась со скамейкой и остановилась. Ей стало не по себе. По спине поползли мурашки, а сердце тревожно забилось в горле. Где-то вверху громко закаркали вороны, и Ирэн овладела паника.

Она еще не поняла почему, а когда подошла ближе, к горлу подступила тошнота, и ее вырвало прямо на газон. Ирэн никогда не видела труп так близко, а то, что это труп, не вызывало никаких сомнений, потому что под скамейкой растеклась темная лужа крови, она образовалась под посиневшими пальцами, которые судорожно сжимали сверкающее в утренних лучах солнца лезвие стилета.

Несколько секунд, согнувшись пополам, миссис Спектор смотрела на эту руку, а потом перевела взгляд на лицо девушки и громко закричала.

- Ты не можешь поехать туда в ЭТОМ, Матрешка. Ты хоть в зеркале себя видела? Открывай шкаф, будем искать что-то посексуальнее, чем джинсы и твоя подростковая футболка. Это тебе не школьная дискотека. Ты правда решила поехать на самую крутую вечеринку в джинсах и сандалиях, с дурацким хвостом на макушке? Ты хоть знаешь кто там будет?

Я пожала плечами. Да мне как-то фиолетово, кто там будет. Никогда не бывала на закрытых вечеринках. Самое большее, где меня носило – это клубы, и то несколько лет назад. Алекс не жаловал тусовки, а если мы куда-то и выбирались, то чаще в бильярдную с его друзьями или в ресторан. Это бывало не часто. Алекс – коп, у него никогда нет свободного времени. Возможно – это была основная причина, по которой мы расстались. Точнее, я ушла от него. Два года назад.

- Ты сказала, будем отрываться, и я решила, что мы едем в обычный клуб, у меня всё в этом стиле.

Ли нахмурилась и посмотрела на дисплей смартфона.

- Мы опоздаем, и нас не пустят. Переодевайся. Черт, ну неужели у тебя нет платья, туфель на шпильке...не знаю, ну уж точно не твое тряпье в стиле «хиппи»?

- Может, все же поедешь без меня?

Я затаилась в надежде, но Ли фыркнула и развернула меня к себе, окинула скептическим взглядом и по-хозяйски влезла в мой шкаф. Несколько секунд она ворчала по поводу моего ужасного вкуса, а я смотрела на ее ярко-красное платье, лаковые туфли и маленькую сумочку на тонкой цепочке и думала о том, что сама никогда такое не надевала.

- Вот... Примерь. И давай побыстрее, Матрешка.

Швырнула мне черное платье в мелких блестках, и я искренне удивилась его существованию, видно, валяется со времен моих свиданий с Алексом. Не помню, чтоб я его надевала. Даже бирка с магазина до сих пор не оторвана.

- Так, теперь обувь. Это не то и это не то. Вот... нормальная обувь. Каблук конечно не ахти, но все же сойдёт.

Повернулась ко мне, а я как раз натянула платье через голову.

- Ну вот. Совсем другое дело. Матрешка ты же красавица, в колледже все мальчишки с ума от тебя сходили. Бэби фэйс. Помнишь, как тебя называли?

- Матрешкой называли, - проворчала я и сунула ноги в туфли. Поморщилась, представляя, как намучаюсь с ними.

Ли подошла ко мне вплотную, распустила мои волосы, взбила их руками, несколько секунд смотрела на меня, и я отражалась в ее светло-карих глазах.

- Ты красавица. И ты дура, что не воспользовалась тогда предложением мистера Стенли из агентства. Ты бы сейчас украшала обложки журналов и подиумы. Была бы покруче Милы Йовович и Саши Пивоваровой. Это я тебе точно говорю, поверь моему опыту.

Я вспомнила, как мать таскала меня по модельным агентствам, как орала на меня, чтоб я не ела на ночь, называла «жирной короной», накручивала мои волосы на бигуди каждый вечер и мазала меня всякими вонючими отварами. Она хотела, чтоб я стала звездой. Продать меня подороже. Чтоб больше не мыть полы в ресторанах, чужих квартирах и не спать с каждым встречным «папой» за сотню баксов, а иногда и того меньше. Приводила в дом своих любовников в ничтожной надежде, что кто-то из них задержится дольше, чем на пару месяцев. Пока я не выросла и не уехала учиться, мать ваяла из меня некое подобие того, чего сама не добилась. Я, как сейчас, помню ее перекошенное от злости лицо и неизменную сигарету в руках.

«Ты - ничтожество, Кэт. Ты просто идиотка. Мистер Стенли хочет сделать из тебя звезду, а ты...

- Мистер Стенли уродливый жирный педофил, который хочет меня трахать и платить тебе за это деньги, понятно? Я уезжаю учиться и жить нормальной жизнью. НОРМАЛЬНОЙ.

- Нормальной? А что ты называешь нормальной жизнью, Кэт? Мыть полы? Стать посудомойкой? Официанткой? У меня нет денег оплачивать тебе университеты. У меня нет ничего, Кэт. Твой ублюдочный отец оставил меня с кучей долгов, двумя детьми и свалил в неизвестном направлении. Когда Питер умер, у нас ничего не осталось. Все ушло на лечение. Я смогла дать тебе только внешность. Пользуйся ею. Продай подороже. Кэт! Ты не посмеешь

так со мной поступить...Кэт, я подписала контракт с мистером Стенли!

-Пусть он засунет его себе в задницу, а деньги на обучение я заработаю».

Звонкая пощечина, взгляды, полные обоюдной ненависти и я с рюкзаком, бегущая по лестнице вниз, а вдогонку истеричный голос матери:

- Ты не оставишь меня, Ты не смеешь вот так уезжать. Кэт!!! Катя!

Если бы ты не была такой эгоисткой, такой жадной...отец бы не бросил тебя».

Я снова сфокусировалась на Ли, та продолжала смотреть мне в глаза:

- Ты такая красивая, Матрешка. Если бы ты знала, какая ты красивая. Тебе даже краситься не нужно.

Я кивнула и обняла ее. В вашей жизни есть люди, которые вас согревают. Их ничтожно мало, возможно, единицы, а возможно их и вовсе нет, но они дают тепло...уверенность в завтрашнем дне, своё плечо, и как бы низко вы не упали - они протянут вам руку, чтобы поднять вас. Мне повезло - у меня есть Ли.

- Ли, я так соскучилась по тебе.

Ли не замолкала, у неё была совершенно невыносимая привычка болтать без умолку.

Она вела свой старый «шевроле» по улицам Нью Йорка, окутанным знойным маревом, испаряющимся от раскалённого за день асфальта, врубив музыку и заодно перекрикивала басы и поглядывала на меня из-под изогнутых, тщательно покрашенных ресниц. Я конечно ужасно по ней скучала, но сейчас мои мозги окончательно расплавились от июльской жары и от собственных мыслей.

- Матрешка!

Я повернулась к ней и натянуто улыбнулась.

- Просто устала за последние дни. Ужасно.

Ли надула губы и прикрутила слегка музыку.

- Ты вообще представляешь куда мы едем? Ты никогда в своей жизни не бывала и не побываешь на такой вечеринке, Катя. Никогда. Я сама чудом получила приглашение и для тебя одно выдрала. Ричард жуткий скот и жадина, но я, мать его, заслужила и он об этом прекрасно знает.

Ричард - начальник Ли, тварь еще та, притом неблагодарная. Я была с ним знакома. Из тех ублюдков, которые считают работников рабами и своей собственностью и выжимают из них последние соки. По принципу «незаменимых нет, но если ты хочешь отпуск, то ты единственный и неповторимый». Впрочем, Ли умудрялась из него вытаскивать все, что ей

причитается. Мы, иммигранты, хорошо изучаем права и законы той страны, в которой живём, потому что «отыметь» пытается каждый работодатель. Мне повезло, я работаю в муниципальном учреждении, где с правами работников носятся как с писаной торбой, Ли повезло намного меньше в этом плане, но она своего не упустит.

Я бросила взгляд в боковое окно – мы как раз проезжали мимо Центрального Парка ...Тело Аниты нашли именно здесь, она словно и не пряталась, как будто специально пришла и ждала, что кто-то её остановит, помешает.

Я словно видела её хрупкую фигуру вдалеке между деревьями, как она ходит там с плеером в ушах в чёрной длинной юбке и свободной блузке. Ветер треплет её светлые, длинные волосы. На неё никто не обращает внимание, а ведь она сжимает в пальцах стилет...и с него капает кровь. Медленно. Капля за каплей.

- Ты меня совсем не слушаешь!

Я вздрогнула и повернулась к Ли.

- Что происходит с тобой? Это всё эта пациентка, да? Которая порезала вены?

Я выдохнула и откинулась на спинку сидения.

- Да.

- Тебе нужен отпуск. Обязательно. Ты должна отдохнуть от этих неменяемых деток и их родителей. Хочешь уедем вместе. Куда угодно. Давай к тебе на Родину. А? Когда ты там была в последний раз?

Я усмехнулась. Родина. Как пафосно звучит. Я даже не помню, как выглядят улицы в моем родном городе, но помню запах сирени и цветущих каштанов. Помню двор с покосившейся берёзой и скамейкой, выкрашенной в синий цвет. Помню окна нашей квартиры...но...меня туда не тянет. Совсем. В отличии от моей матери, которая чуть ли не каждый день причитала о том, как ей хочется вернуться и при этом даже не звонила своим подругам и нашим родственникам. «Они попросят денег, Катя. Обязательно попросят, а я не смогу отказать. Все думают, что мы тут в золоте купаемся». Я так и не поняла – она хотела, чтобы они так думали или злилась на них за это?

- Куда мы едем? – я решила сменить тему.

- Наконец-то. Я уже думала, ты никогда не спросишь. В Вудсайд. В шикарный особняк на закрытую вечеринку. Ты даже не представляешь, с кем мы заключили сделку. Имя Данте Марини тебе ни о чем не говорит?

Я резко повернула голову и уставилась на Ли.

- Да, ты не ослышалась. Марини заключил с нами сделку еще несколько месяцев назад. Слышала рекламу: «Ола ...ола...если он привел вас в «Домино» вы обязательно поиграете этой ночью, но совсем в другие игры...».

Смутно припоминала. Реклама сети ресторанов, которая совершенно не походила на рекламу, а скорее на трейлер к эротическому триллеру с высоким рейтингом.

- Да, это моя работа. Моя идея.

Я снова кивнула и от неожиданности судорожно сглотнула.

- И...какой он? Данте Марини...

Имя отскочило от языка, завибрировало, почему-то заставило сердце биться на пару ударов быстрее.

- Я с ним почти не общалась. Видела один раз. Он невероятный. Опасный, красивый, наглый и неприлично богатый сукин сын. О таких мечтают по ночам, закрыв глаза, ритмично двигая рукой у себя между ног.

- Ли!

Она расхохоталась и снова врубила музыку погромче.

- Сексуальный, умопомрачительный итальянский жеребец, который покрывает только самых дорогих кобылок. Эх... почему я не звезда экрана... Надеюсь, он сегодня будет на этой вечеринке, потому что я планирую подобраться к нему поближе.

Ли плотоядно облизалась и посмотрела на меня.

- А как же новый бойфренд?

- Никак. Сексуальные только его фантазии, которые пока что он пишет мне в личку на Фейсбуке. Мы ещё не встречались, а мне нужно тело. Молодое, сильное, голодное тело. Хотя этому телу вряд ли понравится моё, но попробовать стоит. О...мы почти приехали.

Я нервничала. Не просто нервничала, а у меня даже руки подрагивали. Я несколько недель думаю об этом человеке, не зная, как к нему подобраться и сейчас вот так запросто еду на закрытую вечеринку в его особняк? Мне повезло? Или это совпадение?

10 глава

Он смотрел на ее профиль, на тонкие руки, сжимающие сумочку, сжатые челюсти и контур скул, по которым так недавно проводил пальцами, и крепче в руль вцепился, чтоб не дотронуться. До ломки захотелось, до дрожи. Расстояние преодолеть вот это гребаное в несколько сантиметров, а такое впечатление, что она на другом краю вселенной сейчас. Её собственной, где приговор ему вынесла и сидит думает, как привести в исполнение. Внутри Руслана происходил поворот, взрыв противоречий и дикая ярость на себя, на ситуацию и страх. Паршивый, мерзкий страх, что все, что она говорила, было долбаной правдой. Неужели жалеет? Вот так просто не верит ему? Ни единому слову. Да, блядь, он женился, у него выбора не было, его к стенке прижали и дуло между глаз поставили. Но не между его глаз, а между ее. Между ее любимых глаз нарисовалась маленькая мишень. И одним выстрелом всех сразу. Не нужно убивать каждого по отдельности.

- Тебя так волнует эта печать в моем паспорте? - наконец-то спросил он, чувствуя, как это тяжелое молчание выводит его из себя, и он готов сорваться. Именно потому, что она молчит. Как изваяние, как камень бездушный. Пока вещи собирала молчала, пока в лифте спускались,

и он ее чемодан в багажник укладывал. Руки чесались схватить за плечи и тряхнуть. Так тряхнуть, чтоб вытрясти из нее все до последнего слова. Все, о чем думает и как давно, мать ее, жалеет обо всем, но не тронул и пальцем. Сдержался. Не смог.

- Это то, что имеет значение для тебя, Оксана? – настойчиво спросил еще раз, бросая быстрый взгляд снова на ее руки, как будто в них заключались истинные эмоции. Не в глазах, не в поджатых губах и напряженной позе, а именно в руках, которые слегка подрагивали, выдавая волнение.

- Для тебя же это имело значение, когда я была замужем? – очень спокойно ответила она, глядя в окно, только пальцы сильнее сжали ручки сумочки так, что костяшки побелели.

- Это другое, – Руслан закурил и сбросил скорость. Посмотрел в зеркало дальнего обзора – их ведут, или ему кажется?

- Верно, другое. Это ты, а это я. Тебе же все можно. Ты так решил. Решил, что я проглочу, переварю и смирюсь. Куда она денется? Разве ты так не думал, Руслан? А когда ездил к ней, вы о звездах разговаривали? Или сделку какую-то обсуждали? В её постели после нашей. Ты имена наши не путал, Руслан?

Он ударил ладонями по рулю и грязно выругался сквозь зубы:

- Оксана, я никак не думал. Никак, понимаешь? Я думал о том, что тебя ведут ежедневно, думал о том, что сижу, как идиот, черт знает где и носа высунуть не могу. Что охотятся на меня все кому не лень, и женщину свою защитить не могу. Я был должен согласиться на этот брак! Должен! Понимаешь, иногда выбора не бывает?

- Выбор есть всегда! Ты мог рассказать мне. У тебя было тысячи шансов поговорить со мной обо всем. Но ты просто так решил. Или это было удобно на тот момент.

- Выбор? Да, у меня был выбор – шесть лет на десять или потерять тебя. Я выбрал третье.

- Сидеть на обоих стульях и не потерять ни одну из нас?

Оксана расхохоталась, она смеялась, подняв голову вверх, глядя на обшивку машины. Смеялась, как ненормальная, а Руслан чувствовал, что этот разговор заводит их все дальше в тупик, и он приходит в бешенство. Всё, пусть улетает. Иначе он сорвется. Ему так легче будет все решить и к ней приехать потом. Они оба остынут, и к тому времени он от Ларисы развод получит, и будет легче с Оксаной договориться. Им просто нужно время. Ей принять правду, а ему разрулить все это дерьмо.

Снова бросил взгляд в зеркало – белый «фольксваген» продолжал ехать следом уже за чертой города. Руслан набрал Серого, но у того был отключен аппарат. Мать его. Вечно, когда надо, его нет. Номера бы пробил для Руса по их каналам.

Руслан свернул с прямой дороги на проселочную, проверяя, поедет ли «фольксваген» за ними.

- Передумал в аэропорт? – издевательски спросила Оксана и достала из сумочки сигарету. Прикурила и сунула зажигалку в карман.

- Не передумал, – Руслан еще раз свернул с дороги и поехал уже через лесопосадку. Автоматически проверил, на месте ли ствол, и снова набрал Сергея. Сукин сын! Ну где же ты, мать твою? Да, их ведут. Теперь не осталось сомнений. Нужно выезжать на трассу и пытаться

оторваться. Вжал педаль газа, и в этот момент машину резко повело вправо. Так резко, что запищали покрышки, высекая искры.

- Твою мать, Оксана, пригнись! Пригнись, я сказал!

Руслан сразу понял, что колесо прострелено, выжимая тормоз, выкрутил руль на кустарники, чувствуя, что еще немного, и они перевернутся в кювет. Бешеный разблокировал дверь и силой вытолкнул Оксану из машины.

- Не вставать! – заорал в открытое окно и упал на передние сидения, когда машина въехала в кусты и остановилась.

Автоматная очередь прорешетила стекла, задевая обшивку, на земле взметнулся вихрь грязи. Взревев, «фольксваген» пронесся мимо, и Руслан, приподняв голову, посмотрел ему вслед, потом выбежал из машины и, вскинув руку со стволом, выстрелил вслед. Понимал, что напрасно, но выпустил всю обойму, не мог остановиться. Его трясло как в лихорадке. Обернулся назад.

- Оксана!

Она не отзывалась, он побежал быстро, пряча ствол на ходу за пояс.

- Оксана!

Женщина лежала на траве, закрыв голову руками и вздрагивала, Руслан упал на колени, резко приподнял, ощупывая всю, задыхаясь от ужаса, что её могло зацепить, а потом рывком прижал к себе, понимая, что у Оксаны шок.

- Тише... тише, родная. Все в порядке. Все хорошо. Он уехал. Все в порядке.

- Ничего не в порядке, - тихо сказала и вдруг резко оттолкнула его от себя, а потом вцепилась в воротник его рубашки дрожащими пальцами, - ничего не в порядке, Руслан! В нас стреляли - это твой порядок? Или то, что не попали, это порядок? Где здесь порядок, черт возьми... О, Господи!

- Они и не думали попасть, Ксан. Не думали. Это как предупредительный в воздух.

Он хаотично гладил ее волосы, заглядывал в глаза, расширенные от ужаса.

- А мне что с этого? Что мне с этого, Руслан? Я не хочу так жить, понимаешь? В страхе, в постоянной панике, во лжи! В бесконечной лжи! Мне кажется, она от меня комьями отваливается. Я в грязи и в крови вся. И это моя кровь! Моя!

Он оторвал ее от себя, вглядываясь в бледное лицо, понимая, что у нее истерика, и чувствуя, как сердце колотится о ребра и в горле дерет.

- А чего ты хочешь? Спокойствия? Деревню с домиком и корову? Пенсию?

- Пенсию, - засмеялась как-то обреченно, - да, вот про нее ты кстати вспомнил.

- Да какая, на хрен, разница, о чем я вспомнил, Оксана? Чего ты хочешь? От зарплаты до зарплаты жить?

- Но жить, - всхлипнула она, - жить, а не трястись от ужаса. Я с тобой как на пороховой бочке.

Во всем. Даже в наших отношениях. У меня нет завтра, у меня какое-то проклятое сегодня, и я даже в нем не уверена. Не уверена, что вечером будет так же, как было утром! Я не верю тебе больше! Это страшно, Руслан! Я. Тебе. Не. Верю.

Ему показалось, что она в этот момент нож под ребро сунула и провернула несколько раз, наматывая кишки на лезвие, чтобы дернуть последними словами наружу все внутренности.

- Когда со мной связалась, сама знала, что курортов и санаториев не будет, - жестко сказал он, встал с колен и ее рывком поднял. - Заканчивай истерику. Не получится уже спокойно жить. Поздно. Ушел твой поезд, и самолет скоро улетит. Здесь останешься под моим присмотром. Опасно туда ехать одной. Все, в машину иди. Разговор окончен. Я все понял.

Снова набрал Серого, стараясь на нее не смотреть, и тот наконец-то ответил.

- Где ты, мать твою? Случилось! Изрешетили тачку мою по пути к аэропорту, назад Оксану везу. Целы. Что там с документами, ты нашел их? Давай. Ты где сейчас? О! Отлично! Недалеко от меня. Я Оксану отвезу домой, ребят к ней приставлю, и встретимся. Что там за бумаги? Те, что я хотел? Нет, это не то. Не то, блядь. Хорошо, я подумаю, где он еще мог спрятать папки. Нет, в «Орхидее» еще не был, ты ж знаешь, планировал сразу после аэропорта поехать. Давай, Серый. Да хрен его знает, кто обстрелял. Потом обмозгуем. Не так стреляли, как пугали.

Отключил звонок и посмотрел на женщину, которая так и стояла у дороги, обхватив себя руками. Подошел чтоб обнять, но она повела плечами.

- Хорошо, - сжал руки в кулаки, - хочешь, чтоб так все было - будет так, как ты хочешь. Никак. Но со мной! Поняла? Поздно не поздно, плохо или хорошо, но со мной! Ты свой выбор уже сделала.

Взял под руку и отвел к машине, распахнул дверцу и усадил Оксану на сидение.

Оставил ее на квартире, ушел, не прощаясь и не оглядываясь. Пацанов под домом дежурить посадил, одного на побегушки оформил, и ей номер дал. Но не позовет же. Он ее хорошо знал. Сама все делать будет. Назло и потому, что слишком обижена. Руслан не хотел думать ни о чем другом, никакие другие варианты развития событий ему не подходили. Он ее просто никуда не отпустит.

Черт бы ее подрал с ревностью и упрямством.

Тачку сменил, новую взял. Эту ребята отогнали в гараж - в ней все менять надо. Вернулся к съемной квартире и долго сидел под её окнами - думал. С Лешаковым сблефовал. Подписанных бумаг Царь сыну не оставил, и когда дело дойдет до официальной продажи компании - Руслану нечего будет предоставить Лешему.

Ни одной бумажки, только старые договора да пакет акций в двадцать процентов. Повернул ключ в зажигании и вдавил педаль газа - есть одно место, где он еще не проверял. Тот самый санаторий, который свел его когда-то с Оксаной.

Последняя надежда, или придется объявлять Лешему войну, а он, Рус, не может. Не может, потому что тогда никто и ничто не остановит жернова мясорубки. И он один. Совершенно

один. Лешаков, как паук, за это время все опутал сладкой паутиной, подкупая нужных людей, проворачивая сделки за спиной у Царевых.

На поверку империя оказалась далеко не империей, а развороченным осиным гнездом, где каждый начал тянуть одеяло на себя.

За эти дни Рус объездил нескольких приятелей отца, акционеров компании, можно сказать, должников, но те вежливо отказались помочь. Акции отдать не могут, время такое, что всем деньги нужны, а полагаться на будущие прибыли никто не хотел. Элементарно не верили или им приплатили, чтоб не верили, и Руслан был уверен, что второе и есть истина. Бешеный кивал, с трудом сдерживаясь, чтобы не всадить им пулю промеж глаз. Так и хотелось заорать: «а когда отец ваши вонючие задницы прикрывал, чтоб система вас не отымела раком, вы готовы были отсосать у черта лысого, лишь бы Царев вас отмазал или крышу дал». Шкуры продажные. Твари. «Что ж ты, батя, одного меня оставил в этом дерьме, что ж так нелепо позволил себя пристрелить. Кому ты настолько доверял, а?»

Попытался деньги со счетов зарубежных снять – заморожены до получения документов о наследстве от адвокатов отца. Только наличность, припрятанная на «черный день». И все. Этого ничтожно мало для погашения долгов. А всем все надо сейчас, блядь. Как всегда, в таких ситуациях. Все твои друзья вдруг превращаются во взыскателей долгов, стоит тебе оступиться, и по тебе уже готовы проехать танком. Поистине, недаром говорят, что те, кто рукоплескали твоему восхождению, потом спляшут на твоей казни. И вокруг одни кредиторы. Лешаков уже сделал несколько ходов, и они оказались удачными, в отличие от Руслана, который не знал, с какого бока подступиться ко всем проблемам, которые посыпались как из рога изобилия. Машину люди Лешего обстреляли, без вариантов. Припугнуть хотят. Мелкий полет, но эффективный. Особенно когда в машине твоя женщина и ей страшно. Психологический прессинг господина психолога, мать его.

Руслан припарковался у комплекса «Орхидея» и откинулся на спинку сидения, не торопясь выйти из машины.

Здесь все началось с Оксаной. Здесь он понял, что попал по полной, увяз по самое не хочу. Когда она на мерсе его в лес рванула, а потом стонала под его пальцами и кусала губы, закатывая глаза, впиваясь в его волосы. А он думал о том, что чужую бабу захотел. Да так захотел, что все планки снесло. Черта с два чужую. Его она. И всегда его была. Просто ждали долго. Да, блядь, с ней он заделался романтиком, а точнее, не романтиком, а ценности изменились. Понты в сторону отошли, когда кто-то на этом свете называет тебя «любимым» и «папой». У каждого в жизни есть его вторая половинка, люди рождаются с половиной сердца. Они просто не знают об этом. В грудной клетке пульсирует и гоняет кровь обрубок, он фантомно болит без той второй части... а когда те, кому повезло, находят эту половину, сердце становится целым, но никогда не принадлежит тебе полностью. А бывает, нашел половину, и вроде подходит идеально, а не твоя она. Примеряешь, примеряешь, а там какие-то зубцы не цепляются, щелчка не происходит и понимаешь – чужое. Страшно, когда тебе в самый раз, а ей нет. У тебя щелкнуло, а она все еще в стадии примерки. И Руслану начало казаться, что именно сейчас Оксана решила, что ей все не подходит. Именно тогда, когда Руслан не был готов к этим гребаным решениям.

И ему казалось, что его половину сердца отрывают с мясом. Она отрывает, а оно не поддается, но уже начинает кровоточить.

Вышел из машины и направился к первому домику, который Царев-старший оставлял только для своего личного пользования. Еще с улицы заметил, что все окна открыты. Достал ствол и

дернул затвор.

Повернул ключ в замке и распахнул дверь, в нос пахнуло свежим запахом краски, клея для обоев и холодным воздухом. Руслан сразу понял – здесь никого нет, но побывали несомненно и незадолго до его прихода. Все перевернули вверх дном. Видать, искали то, что и Руслан. Вопрос, нашли или нет, так и останется висеть в воздухе, если Бешеный сам ничего не найдет.

Прислонился к стене и глаза закрыл. Нечисто тут все. Из своих кто-то замешан. Лешаков вряд ли насчет домиков сообразил бы. Да и опередили Руслана на пару часов всего. Резко выдохнул, ствол сунул в кобуру и обошел все комнаты. Как после обыска, все вверх дном, разве что обои не снимали.

Обои? Руслан нахмурился и подошел к стене, ощупал поверхность и постучал костяшками пальцев. Выхватил телефон из кармана, набрал Оксану. Она долго не отвечала. Первый, второй, третий вызов. Ответила только с четвертого раза и то даже «алло» не сказала.

- Оксана, ты проект «Орхидеи» делала? – начал сразу с вопроса, чтобы не отключилась.

- Я, - очень глухо, и он понимает, что скорее всего плакала. Медленно выдохнул.

- Вспомни, отец не просил тебя в первом домике ни о чем таком, что отличало бы его ото всех остальных в комплексе? Это очень важно. Мне нужно, чтоб ты вспомнила сейчас.

Она задумалась, и он услышал, как чиркнула зажигалка. Так и представил ее себе у окна с пепельницей в руках, с заплаканными глазами, сидящую на подоконнике. Захотелось сгрести ее в охапку, сигарету в форточку выкинуть и прямо там взять ее, чтоб билась о стекло затылком и имя его выдыхала, оплетая бедра ногами. Чтоб забыла обо всем. Чтоб верила, мать ее. Просто верила!

- Просил, - всё так же тихо сказала она.

- Что просил?

- В первой спальне одну стену толще сделать и полую изнутри. Зачем не сказал, а я и не спрашивала.

- У кого копии проекта дома были, помнишь?

- Только у него. Он же тогда именно поэтому меня и послал работать на месте.

Она замолчала, а Руслан как раз пошел в спальню и постучал по стене над спинкой кровати – глухой звук. Там точно пустота.

- Я через час дома буду, Ксан, - сказал по привычке и вдруг услышал:

- Не надо. Это не мой дом. И приезжать не надо. Домой к себе иди. Жена ждет небось, а ко мне только по делу.

- Я буду решать, когда и зачем к тебе. Я! Понятно?!

Усмехнулся зло, отшвырнул сотовый и сам не заметил, как в стену кулаком со всей силы въехал. Раз и еще раз, а потом в бешенстве нескончаемое количество вмятин, пока на стене кровавые потеки не остались от сбитых пальцев, которые онемели от ударов. Вышел во двор

взял топор с аккуратно сложенных поленьев для дров и вернулся в домик. Он рубил стену, пока не наткнулся на тайник. Выронил топор и, отдирая доски, вгоняя занозы, проник в тайник, сделанный в виде ниши в стене и нескольких полок посередине. Нашел и папку, и кейс с бабками. Вот почему краской воняло, вот почему ремонт делали месяц назад. Отец сам лично на объект ездил, проверял. Теперь ясно почему.

Руслан разорвал тесемки папки и, достав генеральную доверенность, громко рассмеялся. Отец все же это сделал. Бешеный не просчитался - компания официально принадлежит Руслану Цареву. Более того, не только эта компания, но и два мелких филиала на севере и на юге страны.

Вот и все, Леший, вот и все, сука. Раунд выигран, шах и мат тебе, тварь. Шах и мат.

Ты конечно фигурки заново расставишь и новую игру начнешь, но я за это время тебе кислород немного перекрою.

Сотовый завибрировал где-то на полу, и Руслан подхватил его, глядя на дисплей - а вот и сам говнюк. Легко на помине. Говорят, вспомни дерьмо...

- Да, Дмитрий Олегович, внимательно вас слушаю.

- Давно не виделись, - усмехнулся Леший, - надеюсь, ты там остыл немного?

- Да я как-то и не загорался.

- Вот и хорошо, Руслан. Горит только хрупкий материал, стойкий обычно не возгорает. А нам, в НАШЕМ деле, стойкость нужна и благоразумие.

Опять свои психологические трюки начал. Умник гребаный.

- У нас встреча важная с германскими партнерами. Договор подписывать будут с нами по тому делу, что отец пробивал еще полгода назад, ты тогда еще в Кёльн ездил сам, помнишь?

- Да, Адольфа уламывал.

- Не Адольфа, а Рудольфа.

- Не одна разница? Фашистская морда. Так что там?

- Прилетают к нам завтра - я прием устроил в их честь, надо чтоб ты там с моей Лариской был. Жена она тебе как - никак ПОКА, - ядовито заметил и снова усмехнулся.

- Ну, пока жена - надо. Согласен.

- В «Олимпии» в десять вечера чтоб был. Там люди нужные помимо них приедут, те самые, о которых мы недавно говорили. Может, изменишь свое мнение...

- Людям передайте, что компания не продается и... кстати, вам самому не так уж долго осталось в ней работать.

Возникла пауза. Долгая. Обдумывает ход. Мудак.

- Мы это потом обсудим. Еще раз и спокойно. Доверенности у тебя нет, Руслан. Это я точно знаю, а блефовал ты неплохо, даже я поверил.

- То есть вот так уверенно, да?

- На все сто, мальчик! Я б сказал - отвечаю, - он расхохотался.

- Вы проотвечались, Дмитрий Олегович, были б у нас свидетели разговора, заставил бы я вас ...

Руслан сфотографировал бумаги и отослал Лешему по электронной почте.

- Не нужно быть таким самоуверенным, ПАПА, а то есть люди, которые проотвечавшихся по кругу пускают. Вам ли не знать.

Отключил звонок и переступая через доски вышел из домика. Лешаков пока пытается сгладить углы. Но это ненадолго - как только поймет, что реально проиграл, станет очень опасен. К тому времени Руслан должен увезти отсюда Оксану.

11 глава

Быть счастливым — это, наверное, чувствовать, что ты живешь. Не знать, не понимать, а ощущать. Кожей, клетками тела, каждым вздохом. Ощущать его на языке со вкусом её поцелуев, под кончиками пальцев, ласкающих её скулы. Оно затаилось в глубине её глаз, там, где я видел отражение собственного взгляда.

- Почему любовь, Лия? - быстрым поцелуем в губы, не позволяя ответить, потому что тогда сорвусь, потеряю голову и наброшусь на неё, сминая такое отзывчивое тело в руках. А я хотел знать ответ. С ней я хотел узнать те вещи, о которых даже не задумывался до неё. - Почему смертные называют это состояние именно так? Ведь любовь — это не чувство... Это не одно чувство. В нём же тысячи, десятки тысяч оттенков, малыш, - прижал её к себе, заглядывая в глаза, падая в голубое небо её взгляда, - почему всего одним словом? Разве может оно передать всё то, что я чувствую к тебе?

- В любви есть ласка, есть нежность, есть забота, есть сумасшествие...- облизнула губы, шёпотом - страсть...

- Боль, в ней бездна боли, малыш. Когда я смотрю на тебя, мне больно от одной мысли, что ты можешь принадлежать не мне, и я знаю, что всегда смогу причинить тебе боль, посмей только ты... - стиснул её в объятиях, намеренно грубо, - моя любовь до жестокости жадная, Лия. Я не отдам тебя никому.

- Если бы у любви не было названия, я бы дала ей твоё имя..., - откинув голову назад, очертила тонкими пальцами мои губы.

И это признание сносит крышу, потому что моя девочка не лжёт. Она не умеет лгать мне. Искренняя. Настолько настоящая, что хочется вдыхать эту правду с ароматом её кожи. Искренность - слишком редкое качество среди разумных существ. Этот мир принадлежит тем, кто плетёт паутины обмана и интриг, вырисовывая узоры лицемерия и продажности.

Но только не Лия. Мой ночной цветок, чей запах навсегда вьелся под кожу, обосновавшись в лёгких.

Губами пройтись по скуле, спускаясь к подбородку, жадно впитывая в себя её дыхание, сатанея, когда нежные пальчики впиваются в ткань рубашки.

- Нейл..., - на выдохе, прямо в ухо, еле слышно... но с таким надрывом, что последние остатки разума покидают голову.

- Доигралась! - почти зло, потому что вижу смешинки в уголках глаз, потому что эта маленькая женщина управляет мной с такой лёгкостью и даже не догадывается об этом. Потому что это не она передо мной на коленях, это я у её маленьких стройных ног, я не в силах отказаться от неё, не в силах дышать без неё, думать, существовать. И самое страшное - я понимаю, что у неё это может пройти, а у меня нет, и это фатально для нас обоих.

Развернуть её к себе спиной, впечатывая в стол, наклоня и задирая платье, чтобы войти одним движением, до упора наполнив собой, заставив прокричать моё имя. Чтобы после закрыть ей рот ладонью и вдавливаясь сзади, под её рваное дыхание и стоны. Грубо сминая грудь и оттягивая соски, вгрызаясь в затылок, оставляя на нём следы - свои автографы. Зная, и, дьявол, это знание было самым драгоценным в моей жизни, что она не будет скрывать ни один из них. Что она гордится каждым из этих трофеев.

Поймать затуманенный взгляд в зеркале напротив и поклясться самому себе, впервые, мать её, за тысячелетие, что она будет моей. Совсем тихо, одними губами. Но ведь самые важные вещи на свете мы произносим про себя и только себе.

А потом вдруг понять, что летишь с отвесной скалы со скоростью света вниз, в пропасть без дна. А вокруг - осколки того самого счастья острыми краями вспарывают твою кожу, и бездна с радостью пожирает капли твоей крови. Черный невозможно раскрасить, черный поглощает всё, потому что это цвет боли. Теперь я знал её горький вкус. Попробовал лично, она опалила мне внутренности, и я горел живьем в адском костре, нескончаемо.

-Это невозможно, мой император! - ладони сжались в кулаки. Слабость, которую я не успел предотвратить, и которую Алерикс, несомненно заметил.

- Почему? - вздёрнул бровь, склонив голову набок, всем своим видом показывая, что мои аргументы не имеют никакого значения, но он всё же выслушает их.

- Этот nihil - моя собственность! В её создание было вложено слишком много сил и средств, император. Но я готов отдать тебе других, не менее, а даже более ценных и необходимых на Континенте nihilов.

- Я могу оплатить тебе все расходы, понесённые некогда при её создании и обучении. Я не говорю о содержании, так как, - Алерикс пошло усмехнулся,- слышан, что девчонка сама неплохо обрабатывает его.

Император вдруг резко встал с кресла и подошёл ко мне:

- А так же я могу конфисковать всё твоё имущество и сослать тебя в Необитаемые земли. Сколько ты там продержишься, Нейл Мортифер? Без крови, без плоти, без эмоций? Чем ты будешь питаться? Своими чувствами к этой..., - щёлкнул пальцами, подбирая слова, - смертной шлюхе?

- Я Мортифер, а не низший Деус, Алерикс. А это значит, что ты не посмеешь поступить со мной так же, как поступаешь с неугодными тебе.

Да, мать твою! Ты сам захотел открытого противостояния.

- Зачем тебе мой нихил, Алерикс? Она может немногим больше, чем десятки подобных ей.

- Ложь! - император вдруг резко развернулся и прошёл к камину. Остановился, глядя на то, как играют языки пламени. - Будь она такой же, как все, ты бы не относился к ней, как к равной, Нейл. И я никогда, слышишь? - Алерикс вдруг просунул в огонь ладонь и повернулся в мою сторону, - Я никогда не поверю, что ты, - кожа на руке начала обугливаться, сторая, мерзкий запах распространился по кабинету, - смеешь возражать мне только из-за того, что она качественно сосёт твой член. Я знаю, что у тебя есть планы на неё, - я чувствовал адскую боль этого ублюдка, я инстинктивно впитывал её в себя, а он даже не морщился, - но её ХОЧУ Я! И ты уступишь мне её, Нейл. Или же..., - Алерикс вынул руку, обгоревшую до кости и пошевелил пальцами, злорадно улыбнувшись, - я не люблю рисковать, племянник. Я никому и никогда не позволю иметь столь мощное оружие, как твоя подстилка.

Склонил голову набок и улыбнулся:

- Наелся, Нейл? Таких первоклассных блюд не подадут ни в одном ресторане, ты же понимаешь это?

Понимаю, ублюдок! Как и то, зачем ты устроил этот грёбанный акт самосожжения. Как и то, что совсем немного, и я пошлю к черту все планы, которые вынашивал эти столетия, и вгрызусь в твоё горло. И мне плевать на десяток твоих охранников за дверьми кабинета, и на сотни приспешников по всему дворцу. Но мерзкая мысль о том, что моя смерть — это, в первую очередь, приговор Лие, не давала сорваться. Только сжимать и разжимать кулаки, ожидая дальнейших слов императора.

- Так вот запомни, мой трон достался мне слишком большой ценой, чтобы я обращал внимание на такие категории, как фамилия, знатность, родство или...собственное тело. Понимаешь меня, Нейл? - широко улыбнулся и прищурился, - Да, понимаешь. Более того...не раз думал о подобном, так ведь? В твоих глазах ненависть, Нейл, и мне приятнее видеть её, чем деланное подобострашие остальных. Подобострашие, как сладкий десерт, хороши только первые три ложки, дальше тебя начинает тошнить. Но ненависть...особенно ненависть достойного соперника, сродни острому перцу. Без него блюдо не перестаёт быть съедобным, но теряет свой изысканный вкус, - Алерикс крикнул слугу, приказав привести ему обед. - И так, девчонка должна быть у меня через неделю. Я дам тебе право наслаждаться её роскошным телом ещё семь дней. Не теряй время даром, племянник.

И я не терял. Я брал её несколько раз в день. Жадно, жестоко, быстро и дико, долго и нежно. Я заставлял её кричать, и она срывала голос, терзал её пальцами, не проникая в тесную глубину, и она прокусывала губы до крови, умоляя взять её по-настоящему, трахнуть так, чтобы сыпались искры из глаз. Я набрасывался, как голодный зверь на свою жертву, стараясь насытиться её телом и голосом, тяжёлым дыханием и слезами болезненного удовольствия. Вот только ею нельзя было насладиться вдоволь, про запас. По двадцать часов в сутки. Только четыре часа на её сон. Столько позволяла моя алчность. А в эти четыре часа, пока она спала в моих объятиях, слушать её дыхание и думать...слышать, как крутятся шестерёнки в собственном мозгу, как со скрипом просчитываются все возможные варианты, зрительно прорисовывая схемы, пути отхода. Но все пути обрывались у подножия трона императора. Все, кроме одного, который был отброшен в самый дальний угол сознания, не как запасной, но как

самый крайний. И, будь он проклят, этот путь оказался единственным возможным! Единственным, который не оканчивался её смертью или жалкой судьбой императорской шлюхи. Да, грёбаный ублюдок утверждал, что Лия интересуется его лишь как сильный nihil. Но я, мать его, чувствовал, я видел блеск нескрываемой похоти в его глазах, когда он смотрел на неё. Дерзкое, ничем не прикрытое желание. И вечный вызов в глазах. Ну, же, Мортифер, рискни! Я ведь хочу твою женщину! Он знал, что все остальные...все, закончили свои жизни сразу после того, как позволили себе больше, чем просто взгляд на неё. Одно движение руки в сторону моей малышки, и наутро богатейшего Деуса Континента нашли обезглавленным и кастрированным. Как и многих других приближённых Алерикса. Это была наша с ним своеобразная игра. Он открывал мне доступ к их мыслям, и я слышал, как трещат мои собственные кости, глядя, словно в кино, на грязные фантазии этих ублюдков. Каждый из них после подобного проживал не более суток. Ровно столько, сколько мне нужно было, чтобы увезти свою девочку домой, уложить её спать и вернуться за ними, чтобы лишить головы и члена. Чтобы больше никогда не смели думать о ней и желать её.

Я давно перестал скрывать своё отношение к ней. С одной стороны, это было даже на руку. Пусть лучше считают это слабостью, принимая её лишь за мою любовницу, чем догадываются о той связи, что теперь соединяла нас. Изящная усмешка судьбы — маленький nihil не то, что не растеряла свои способности после нашей первой ночи, а стала гораздо сильнее. Теперь ей достаточно было произнести моё имя мысленно, и я слышал её зов. Теперь я ощущал её эмоции на расстоянии. Не как Деус, а как связанный с ней мужчина. Легенда, в которую не верили даже дети, оказалась правдой. И именно это насторожило императора. У монархов не бывает друзей. Те единицы, что преданы им, поддерживают, как правило, не правителя, а режим. И до тех пор, пока этот режим и корона сулят им определённые блага, они останутся верны императору. И это не низко, и не подло. Это естественно. Ведь нет ничего более естественного, чем страх за свою шкуру, за свою территорию и потомство. Понятия чести и достоинства были придуманы теми, кто не мог отстоять свои права в бою. Настоящие же звери готовы драть кого угодно за то, что считают своим.

И я тоже был готов разорвать на части Алерикса и весь Единый континент только за попытку отобрать мою девочку. Император не просто хотел nihil. Он до трясучки хотел Лию, как женщину. На одном из приёмов сукин сын попросту раскрыл мне свои мысли...глядя на Лию...показывал мне картинки, на которых она ублажала его ртом...на которых он вновь и вновь подминал её под себя и драл на части...во всех смыслах этого выражения. С вызовом в глазах, понимая, что ему не грозит участь его сдохших придворных. Пока не грозит.

Именно поэтому я и предал свою девочку. Слушал, как она зовёт, как безмолвно кричит, и позволял жалким ублюдкам избивать её, унижая, причиняя страдания. Жестоко. Так, чтобы поверили все, что Нейлу Мортиферу наплевать на смертную. Стоял всего в нескольких метрах от нее, в другом помещении, и крошил стены, сдерживая рёв, вымещая ярость на мятежниках. Разодрал каждого из них на мелкие части, представляя, что это те, кто мучили Лию. Горстка низших, дни которых теперь были сочтены.

«Это же я. Твоя малышка. Твоя Лия. Вечно твоя». Моя девочка! Всегда моя! И сердце корчится от дикой боли, истекая кровью, перестав сокращаться. Оно извивается в дикой пляске, чтобы, разорвавшись, жалкими ошмётками упасть к её ногам. Оно беззвучно молит о прощении...Но Лия не видит и не слышит его предсмертного хрипа. Она захлёбывается в своей собственной агонии, не понимая, отказываясь верить в происходящее, до последнего не выдавая меня. Даже когда услышала о женитьбе...даже тогда не опустилась до предательства. Продолжала молча терпеть издевательства. Вот только её глаза больше не горели, они потухли вместе с надеждой, что я заберу её, что я им не позволю. А я не мог...Не мог ничего сделать, только смотреть и молить дьявола, чтобы император поверил в этот спектакль и отпустил её.

Но каждый удар отпечатался у меня внутри, каждый её крик стоит в ушах, каждый шрам внутри меня кровоточит. И нет наслаждения болью. Её боль порождает мою собственную и она сильнее, она, как голодное животное обгладывает мои нервы, мое самообладание.

Я не стал говорить с ней. Не стал рассказывать, что моя свадьба — это её билет в жизнь, что я попросту купил ей свободу и я готов был ради этого на всё, готов был не просто жениться, а обрюхатить с десятков подобных Селене только за обещание Алерикса более мягкого приговора.

Низшие так и не смогли взломать блок, поставленный мною. На это был способен только император, но Алериксу тогда было не до показаний обыкновенного нижила.

Незадолго до поимки Лии произошли сразу два масштабных бунта в разных концах Континента. Сразу две семьи заявили о своих притязаниях на трон, завуалировав истинные интересы массовым недовольством сокращающихся ресурсов и беспредела правящей фамилии. Впрочем, мятежи были довольно быстро подавлены. Мной. Нельзя было позволить заняться этим самому императору, иначе он бы понял, кто стоял за ними.

А потом её дикий страх. Впервые страх. Жуткий ужас и неприятие. Впервые она отказывается впустить меня в себя. Она просит, закликает, не стирать её воспоминаний, не понимая, что там, в душе, я уже давно стою на коленях перед ней, в немом призыве простить за то, что собираюсь сделать. И её боль... Чёрным цунами по кончикам пальцев, по венам к сердцу, к сознанию. Так больно, что хочется выть вместе с ней, и кровь подступает к горлу, а я судорожно глотаю, чтобы не вырвало. Не показать свою слабость. Не показать, как захлёбывается в боли душа, как её корёжит от каждого крика девочки. Когда-нибудь они все заплатят за твои слёзы, Лия. Мы вместе призовём их к ответу. В тот день я убил нас обоих.

А потом проклятое время, растянувшиеся в десятилетия, в которых каждый день был похож на другой. Поддержка императора и новые земли, которыми мне предстояло управлять. Жена, которую я не видел годами. Селена Мантелла. Дочь самой влиятельной после Мортиферов фамилии. Кто-то считал её красивой, кто-то завидовал статусу и влиянию её отца, кто-то подсчитывал, сколько выиграла Мантелла на родстве с Мортиферами. Я же смотрел на её светлые волосы, точёную фигуру и думал о том, что, именно благодаря свадьбе с ней, Лия всё ещё жива. В другом мире. Возможно, с другим мужчиной...но жива, дышит, смеётся, мечтает.

Это была более чем веская причина периодически покрывать Селену в надежде, что она понесёт, и мне не нужно будет больше трахать её. Мне не нужен был этот ребенок. Но он мог стать гарантом нашей связи с Мантелла — владельцем целой армии высококлассных контрактников на Континенте. Солдат, которые были преданы императору. Но преданы до тех пор, пока я служил ему. Несколько сотен тысяч душ в этом мире и десятки тысяч из других миров. Армия, которая обещала гибель всему Континенту, если он не сложит голову передо Мортиферами.

Но никто не знал, что каждый гребанный день я ее ждал, искал, выворачивал наизнанку эти проклятые миры, взывал к нашей связи, отдавая ей картинки, тысячи картинок. Она должна была их почувствовать. Должна! И она почувствовала. Спустя семнадцать лет. Первый раз, впусив меня в свой сон, а дальше по нарастающей. Я нашел, уловил сигнал и уже мог навести справки. Я узнал о ней все. Только одному дьяволу известно, как я выл от ревности, когда мне донесли о ее замужестве, как я рушил стены, убивал и жаждал смерти. Много смерти. Так много, чтобы, нажравшись чужой боли, не думать о ней, не представлять с другим, не разлагаться от бессильного яда ненависти, чтобы не желать убить ее. Найти и вырвать ей

сердце, а потом сдохнуть и самому. Но это я сделал. Я отправил ее туда и винить могу только себя. Резать до крови, до кости собственные пальцы, чтобы с наслаждением пожирать и собственную боль, вспоминая, как ласкал ее тело этими руками.

Винить не в том, что стер ей память, а в том, что позволил себе слабость...Когда-то давно.

Я позволил себе полюбить её.

12 глава

Она отдалялась. После того вечера у императора Лия сделала ровно два шага назад в ответ на мой один вперед. Избегала встреч, скрываясь в своей спальне. И дрожа в страхе от понимания, что никакие двери не могут удержать меня. Сидела на кровати часами, уставившись в одну точку, обхватив руками плечи и вздрагивая от каждого звука. Человек не бывает более беспомощным, чем тогда, когда рушатся его понятие о реальности. Когда твой мир летит ко всем чертям, разбиваясь на части, и всё, что тебе казалось незыблемым и постоянным, разрушается и крошится на твоих глазах, то очень легко потерять себя среди тех ошмётков реальности, которая пока ещё теплится. И люди чаще всего выбирают полное отрицание произошедшего. Жизнь в иллюзии не так плоха, если даёт гарантию наступления завтра.

Но я и не приходил к Лие. Ей хватало ночных кошмаров. Переносить их в реальность пока было рано. Зато нужно было попытаться вытащить из того болота, в которое я окунул её когда-то. Вытащить самому, чтобы собственными глазами увидеть, как она сделает свой первый вздох в этом мире. В своем мире. Почему-то мне казалось, что она перестала дышать, как только я вступил в портал. Не умерла. Но и не ожила. Слово я отобрал у нее дыхание. И не мог вернуть, потому что она не желала и не готова была принять от меня ничего.

Ещё накануне я приказал приготовить для неё одежду и теперь ждал внизу, бросая периодически взгляды на лестницу. Конечно, я почувствую её, как только она подойдет к двери своей комнаты. Но я хотел увидеть её взгляд. Её первый взгляд на меня после той оргии.

Я никогда и никого не боялся в этой жизни. Страх - это последняя эмоция, которую я мог испытывать. Инстинкт самосохранения, но не страх. Смерть пугает смертных. Бессмертным же любопытно, что их ждет за воротами Ада, потому что даже костлявая с косою не одарит просто так своей жуткой лаской Деуса.

Сейчас я впервые испытал нечто, похожее на страх. Я хотел и одновременно боялся смотреть ей в глаза. Я боялся, что никогда не увижу в них свое отражение, как раньше. Я задышался без её любви. Она была мне необходима в этом мире фальши. И как истинный эгоист, я жаждал только одного - снова быть настолько любимым ею, чтобы даже воздух пропитался этим общим безумием. Как когда-то. Как раньше. Черт меня раздери, как же я скучал по НАМ. Подыхал от тоски.

Я не могла прийти в себя...Нет, я существовала, смотрела на эти стены, на этот дом, на себя в зеркало и мне было страшно. Невыносимо страшно, что я потерялась. Осознание затяжного кошмара не заканчивалось, он окружал меня со всех сторон, он впитался в меня и заставлял усомниться в собственном существовании. Я с ужасом ожидала, что он придет ко мне. Не

знаю, как я могла любить это чудовище, этого монстра. Как я могла видеть его иным, почему мое проклятое сознание раскрасило его теми цветами, которых в нем не было совершенно. Там только черный и он поглощает все вокруг, он подбирается ко мне чтобы сожрать, как гигантская паутина. Но все равно, где-то внутри, я понимала, что часть меня все еще замирает от одной мысли о его прикосновениях. Словно я изнутри разделилась на две части, и одна все еще не утратила веру, что там, в его мраке, я смогу найти то, что видела раньше, то, что чувствовала. Если то, что говорит Нейл, правда, то я все же помнила его. Мое сознание...там сохранились какие-то обрывки чувств. Если только...От одной мысли я задохнулась - если только это не он отправлял мне картинки, которые искажало расстояние.

Несколько дней ко мне не приходили, только приносили еду, а сегодня служанка аккуратно разложила на столе мой гардероб и сказала, что Хозяин желает, чтобы я спустилась к нему вечером.

Я не рассмотрела вещи, отметила только, что платье белоснежное, как и туфли на каблуках, как и нижнее белье. Усмехнулась - черное в самый раз для этого места, где все напоминает огромный склеп, а белое, как насмешка, как издевательство.

Словно заторможенная после тяжелых снотворных препаратов, переделалась и, расчесав волосы, даже не посмотрела в зеркало. Мне снова было страшно. Я не могла представить, зачем ему понадобилось меня увидеть. Но что-то внутри меня подсказывало - ничего хорошего мне это не сулит. Спустилась по лестнице, ощущая легкую слабость, и скорее почувствовала присутствие Нейла, а когда увидела ...та проклятая часть меня, та самая наивная, идиотская часть, которая во что-то верила, вспорхнула вверх, выше, выше, вопреки доводам рассудка, наперекор мурашкам ужаса. Сердце забилося быстрее, дыхание участилось. На него невозможно смотреть и не почувствовать головокружение от этой красоты. От этой мрачной ослепительной идеальности...Глаза не хотят видеть мрак...они наслаждаются насыщенно синей бездной, которая мгновенно поглотила меня в свой плен.

Красивая...Настолько красивая, что сводит скулы от желания схватить её в охапку, сжать руками тонкую талию, впечатывая её в себя. Жадно изучать руками тело под белой тканью, любясь чёрным водопадом волос. Великолепный контраст молочной кожи и ярких голубых глаз с тёмными волосами. Она изменилась за эти годы, исчезло очарование юности, хрупкость форм, даже некая угловатость. Она стала женщиной, безумно красивой женщиной, а я оголодал за эти годы настолько, что меня заводил даже взмах её ресниц. Каждый мой нерв дрожал от напряжения и от внутренней борьбы, бешеного противостояния Зверя с любящим ее мужчиной. Где каждый пытался выгрызть свое...

И пусть там, в её взгляде, затаился страх, пусть тонкие пальцы судорожно сжимают маленькую ладонь...Даже сейчас она выглядела роскошнее и сексуальнее всех женщин этого грёбаного мира. Так бывает, когда ты находишь свою женщину. Чистый секс. Испуганный, и соблазнительный.

Сегодня я одел её в белое. Я захотел подарить ей и себе кусочек света на пути в полный мрак. Только белый не всегда цвет непорочности. Особенно если его носит та, от присутствия которой захватывает дыхание, и теряется контроль над собственными эмоциями.

- Здравствуй, Лия! Ослепительно выглядишь.

От его голоса по коже мурашки. И нет, это не страх. Он говорит со мной...иначе. Звук его голоса не сочетается с тем, что я видела. С теми зверствами, которые он намеренно мне показал. Но я знала, что и это обманчиво. В любую секунду его голос может измениться, и от одного звучания я опущусь на колени. Медленно выдохнула.

- Сегодня меня тоже ожидает представление, подобное прошлому разу?

- Очередная встреча с прошлым..., - наклонил голову набок, - Тебе страшно, Лия?

- Да, мне страшно, - стараясь не смотреть в глаза, уже четко осознавая, что опасен даже его взгляд, - но ведь у меня нет права отказаться?

- У тебя никогда не было прав, Лия, - провёл пальцами по руке, спускаясь от локтя к запястью, сжимая ладонь. - Какие могут быть права у той, кого пока нет? - повёл её за собой к выходу, - Но у тебя есть я, малыш. А в этом мире это самое главное, из всего, что у тебя может быть.

От прикосновения все тело разогрелось, словно там, где он прикасался, рассыпались искры. Но от его слов внутри поднялась волна протеста, я выдернула руку и невольно растерла то место, где касались его пальцы...оно продолжало гореть, и мне захотелось снять с себя кожу, чтобы не чувствовать это жжение.

- Зачем тебе все это? Просто скажи мне, ЗАЧЕМ? Я хочу понять...что ты такое?

Кто я для тебя? Почему я здесь? И как у меня можешь быть ты, если я не знаю тебя и не хочу узнавать?!

Схватил за руку, сжимая запястье и потянул её к машине, стоявшей у входа.

Молча открыл дверь и помог сесть на заднее сидение. Устроился рядом с ней и намеренно грубо вернул её ладонь в свою руку. Небольшое усилие, чтобы сорваться не на ней, и у водителя взрывается внутреннее ухо. Запах крови тут же забивается в ноздри, соблазняя и маня. Вижу, как она в недоумении смотрит, как вынесли водителя, и его заменил новый. Сглотнула и отвернулась к окну. Насильно повернул к себе, удерживая за подбородок.

- Ты здесь, потому что мне так надо. Мне надо это, потому что я так хочу, - наклонился к её волосам, втягивая в себя их аромат. Когда -нибудь я перестану так реагировать на всё, что связано с ней? - Ты никогда не значила ничего и в то же время только ты имеешь значение для меня. - Очертил пальцами поджатые губы, невольно усмехнулся, когда она дёрнула головой в сторону, стараясь избежать прикосновения. Дьявол, я словно пытаюсь поймать в руки солнечный блик, сжимаю его пальцами, а он ускользает, проходит сквозь них. Как надолго хватит моего терпения, как долго я смогу сдерживать зверя? Я могу сорваться уже на ней, а она даже не понимает этого.

- Задавай вопросы обдуманно, Лия. Мне в любой момент может надоест отвечать на них. И

настанет мой черёд требовать ответов.

Сжал мою ладонь не сильно, но требовательно, и я почувствовала, как ускоряется бег крови по венам. Сжимаю пальцы так, чтоб не переплестать с его пальцами. И понимаю, что это...Необъяснимо, но мне да, хотелось сплести их. Инстинктивно. Как-то неподвластно разуму. Словно это уже было когда-то. Наверное, так же можно склонить голову на плечо, или провести пальцами по щеке. Импульс. Быстрее, чем успела подумать. Неужели когда-то я ТАК прикасалась к нему?

«Ты никогда не значила ничего и в то же время только ты имеешь значение для меня».
Разве он может такое сказать? Разве я могу иметь для него значение?

Склонился к моим волосам, шумно втягивая запах, и уже сердце бьется не в груди, а в горле, и от ощущения опасности дрожат колени. Дотронулся пальцами до моих губ, и я дернула головой. Потому что даже губы приоткрылись в примитивном порыве захватить его палец. Господи! Что со мной происходит?! Я не должна смешивать желаемое и действительное. Потому что в этой реальности нет ничего из той, что я себе представляла, и Нейл явно дает мне понять, что я зачем-то ему нужна. И эта игра слов...Он играет со мной. Намеренно заставляя расслабиться. Прикосновения лапы хищника очень нежные. Перед тем, как он выпустит когти и разорвет жертву на части, он очень долго может мягко ее трогать, почти любовно, предвкушая кровавую трапезу.

- Каких ответов? Что ты хочешь знать обо мне? Ты и так все знаешь. Слишком много, чем я хотела бы сама.

Отважилась посмотреть ему в глаза.

- Куда мы едем?

Усмехнулся:

- А что тебе даст название места, Лия? Что ты помнишь об этом мире? - опустил взгляд на пухлые губы и почувствовал, как болезненно прострелило в паху. Бешеным желанием, отозвавшимся диким бегом сердца, шумом в висках от её близости. На расстоянии наших сплетённых рук. Но так далеко от меня. Чёрт побери, пока слишком далеко!

Жадным поцелуем впиться в губы, сатанея от её запаха, от жара упругого тела, от сбившегося хаотичного дыхания, от аромата крови, не перестававшего дразнить и вызывавшего из глубин самые тёмные желания. Отстранился от неё усилием воли, прикусив с внутренней стороны щеку, успокаивая себя, не позволяя сорваться.

- Мы едем в прошлое, Лия. В прошлое, которое совсем скоро станет твоим будущим.

Посмотрел на мои губы. Откровенно. Слишком откровенно. Когда в одном взгляде отразилось все, о чем он думал, и я была уверена, что он и не думал скрывать от меня тот голод, который блеснул в его глазах. Не просто желание, а настоящую жажду. Заразительно порочную,

неприкрытую жажду. Внизу живота все скрутилось в узел, мне стало жарко, несмотря на прохладу. А он продолжал смотреть. Не мимолетным взглядом, а долгим. Так, что я нервно сглотнула, и чувствительную кожу начало покалывать от желания почувствовать эти губы на своих губах. Только не поддаваться искушению, ведь именно этого он и добивается.

- Мы едем в прошлое, Лия. В прошлое, которое совсем скоро станет твоим будущим.

Прозвучало зловеще. Постепенно снова становилось страшно. Необратимость. Я почувствовала ее каждой клеткой своего тела.

Мы были здесь сотни раз. Наш мир. Наше место. Яркое, радужное, слишком цветное для такого, как я. Вы ошибаетесь, если думаете, что летучие мыши или кроты поблагодарят Вас за возможность увидеть солнце. Создания тьмы, привыкшие к вечному мраку, их скорее ослепит яркий свет, озаряющий всё вокруг. Я был сродни таким тварям, предпочитавшим существовать в знакомой до боли мгле, ощущая на коже не тёплые лучи, а безопасный холод.

Я понял это, когда впервые самостоятельно пересек грани миров и попал сюда, уже без неё. Оказывается, можно почувствовать самую настоящую боль, только глядя на вакханалию живого цвета вокруг. Он слепит глаза, забивается в поры на коже, раздражая её, вызывая неуёмное желание унять зуд от прикосновения сочных красок. Так бывает всегда, когда я с ней. Она разукрашивала меня изнутри, и приглушала яростные оттенки окружающих миров.

И сейчас...сейчас я вновь жадно вдыхал воздух, насыщенный тысячами сладких цветочных ароматов. С ней даже сахар не мог быть приторным.

Лия изумленно разглядывала буйно растущие кусты, широко открытыми глазами впитывая в себя их яркость, которой и в помине не было в нашей вселенной.

В платье белого цвета, единственного оттенка, которого не было в этом саду. А я молча наблюдал, выжидая, сжимая кулаки, не притрагиваясь к ней, хотя сводило зубы от желания наброситься на её губы. Как когда-то давно. Именно здесь. Это срывает планки - иметь на нее все права и в то же время не иметь права прикоснуться. Потому что мне нужно, чтобы она сама хотела моих прикосновений. Без этого ничего не имело смысла. Мы больше не имели смысла.

Ну же, маленькая! Вспомни! Хотя бы что-нибудь! Прошу!

Внутри меня появилось странное чувство, мне было трудно в него поверить. Мне оно казалось неестественным после того, что я увидела недавно, но синева его глаз...она посветлела, она походила сейчас на самое пронзительное зимнее небо, без единого облака, и где-то там...в космосе, в той самой бездне, я видела отчаяние, и оно передалось мне. Как отражением. Словно там, на дне его глаз, обратная сторона зеркала. То, самое, что могу видеть только я.

Или это снова игра...Стало не по себе, стало больно. Внутри. Тысячи лезвий вспарывают мозг, и я чувствую, как я начинаю кровоточить. Мне больно.

- Это не мое прошлое. Здесь очень красиво...здесь волшебно, но это не мое прошлое, - пусть

уведет меня отсюда. Именно такую боль я почувствовала когда-то, когда Стеф купил мне белые розы. Именно вот это чувство безысходности и непонятной боли. Вселенской тоски.

Отвела взгляд, прикоснулась к диковинному цветку. Потом посмотрела на Нейла.

- Здесь очень красиво. Эти цветы, они невероятно прекрасны, и они цветут, тянутся к солнцу. Если вырвать их и перенести в твой мир - они завянут, превратятся в тлен, как и те розы...Я чувствую себя таким цветком. Ты отнял мое прошлое, когда забрал меня оттуда, где я была счастлива. Ты навязываешь мне то, что я не хочу принимать.

Разочарование...Самое сильное чувство, которое можно испытать, глядя на любимую. Не ревность...Не ярость...Не ненависть...Они всё ещё дают надежду. Призрачную надежду на что угодно. На примирение, на прощение, на любовь, на правду...Разочарование едким ядом, серной кислотой растворяет в себе надежду и все чувства, оставляя горькое послевкусие ничего. После него остаётся только ничего. И это ничего превращается в затягивающую пустоту, в чёрную дыру в груди. Но я из последних сил хватаюсь за острые, как лезвия ножей, края этой пустоты, встряхивая её, жадно вглядываясь в её лицо. Я ищу во взгляде нечто, что наполнит пустоту в душе смыслом.

- Ну же, малыш...Посмотри...Вдохни...Увидь, Лия! - прижавшись к губам своими, жадно отдавая свое дыхание и вбирая в себя глоток её воздуха...потому что слишком больно от ощущения затягивающей бездны в груди.

Отстранился от неё, продолжая выискивать хотя бы толику, хотя бы сотую, тысячную часть нашего прошлого.

Боль разрастается, она постепенно отвоевывает меня по кускам, по рваным осколкам, и я хочу, чтобы она прекратилась. Чтобы мне не было ТАК больно. И самое страшное я не понимаю почему.

Нейл схватил меня за плечи и встряхнул, и еще, и еще, это отчаяние, оно затягивает и меня. Пугает, сводит с ума. Я не хочу его принимать. Я не знаю, ЧТО ЭТО ТАКОЕ. Жадно набрасывается на мой рот, а я понимаю, что не верю ему. Ни единому его слову, не верю даже в его существование, не верю ни во что. Мне страшно стать одной из тех, у его ног. Страшно стать НИКЕМ. Страшно поверить, что мое прошлое - вовсе не прошлое, а некая фальшивая картинка, подделка, эскиз. С силой уперлась ему в грудь руками, отворачиваясь, избегая поцелуя. Избегая того мощного оружия, которое он уже показал мне в действии. Умение управлять моим телом. Я не дам ему управлять моей душой. И даже если он Дьявол, я свою душу не продавала. Оттолкнула, задыхаясь, все еще чувствуя, как боль поглощает меня изнутри, живет отдельной жизнью, словно она его союзник, и они вдвоем хотят меня разорвать на части.

- Не прикасайся ко мне. Я не хочу быть никем. Не хочу быть твоим НИКЕМ и никогда не стану.

И снова злость...Снова злость, когда я с ней. Она приходит вместе с дикой болью. И пусть от этой боли сворачиваются все внутренности, пусть от неё застывает в венах горящая лава крови, я приветствую её с садистским удовольствием. Потому что боль - это не ничто. Это не пустота. Это не дыра в теле...в душе. Боль приводит в чувство похлеще и намного быстрее любых других эмоций. Самая тёмная из них, она стирает все краски вокруг, погружая весь мир в унылые оттенки серой безысходности.

Долбаное дежа вю взламывает память, заставляя сжимать кулаки в бессильной ярости, вызывая желание, дикое, неуправляемое желание причинить и ей те же страдания. Увидеть, как наполняется муками её взгляд.

И уже через мгновение мы оказываемся в мрачных стенах тренировочного центра.

- Ты и есть НИКТО, Лия. МОЯ НИКТО!- сжимая предплечье, впиваясь пальцами в кожу, оставляя синяки. - Даже это имя МОЁ! Смирись с этим, пока я не отнял у тебя то единственное, что пока принадлежит тебе!

Склонился к её лицу и прошептал, сдерживая рычание, рвавшееся из груди:

- Твои грёбаные воспоминания о "счастливой", мать твою, жизни!

13 глава

Он долго думал о том, почему она так поступила, думал об этом изо дня в день. Раздирал себе душу, заглядывал внутрь и не находил ответов. Точнее, он их находил и не понимал - неужели все так банально? Неужели женщине не нужна тихая гавань и спокойная любовь? А что тогда нужно? Адреналин? Молодой кобель, который отдерет ее пять раз в сутки? Наверное, это и есть самое главное - чтоб ноги раздвигал, пощечинами одаривал и трахал, как суку последнюю.

Особенным быть надо, с выкрутасами, имиджем, тачками крутыми и прошлым, как Туманный Альбион. Чтоб вопросов больше, чем ответов было. Просто любви ничтожно мало.

Что он, мать ее, не так сделал? Мало хотел, мало денег давал, мало в рестораны водил, мало шмоток покупал... мало... мало... мало. Это слово долбилось в мозгах отбойным молотком, и он не мог заглушить этот проклятый звук ни алкоголем, ни травой, ни шлюхами, которые вдруг пачками стали появляться в его жизни. Бесконечной вереницей голых тел, чужих запахов и звука открываемых пачек с презервативами. Он понимал, что идет на дно. Уверенно и быстро деградирует до состояния жалкого рогоносца, который от жалости к себе топит горе в бутылке. Поразительно, как быстро появляются вокруг новые друзья, новые женщины и исчезают старые. Какой-то вереницей, дьявольской текучкой, и от раза к разу друзья все фальшивей, а бабы продажней. Все зависит от того, что ты можешь дать взамен. Когда остается в кармане пару монет, а за душой один грёбанный холод, начинаешь вдруг понимать, что рядом никого нет - только пустота. Она имеет форму бутылки, запах алкоголя и сбитые о стены костяшки пальцев. Все друзья вдруг срочно стали недоступны, заняты, глубоко женаты, а ты, холостой, уже неуютен их женам, и тебя выдворяют из их жизней, вежливо намекая на то, что ты уже не нужен. Забывают позвать на праздник, забывают ответить на телефонный звонок, а потом и

вовсе забывают. Никто не любит пачкаться о чужие проблемы. Никто не любит смотреть, как кому-то плохо. Люди обожают со стороны покачать головой, посочувствовать. Промыть тебе кости и плотно закрыть перед твоим носом дверь. Чтоб не дай бог не заразил их своими бедами, как проказой.

Он и был прокаженным – его жена бросила. К другому ушла и сына с собой прихватила. Сергей слышал, как соседки за спиной шептались: «Видать квасил, вот и ушла. Какая баба алкаша потерпит? Молодец девка. Умно поступила».

И не важно, что Новиков не пил раньше никогда, не важно, что пахал, как вол, что обеспечивал её, кормил. Да, она тоже работала, но могла и дома сидеть. Ей же мало было. Всегда мало.

Вы когда-нибудь слышали тишину? Нет, не ту тишину, которая наступает, когда приходит ночь и стихают звуки, а тишину в тех самых стенах, где еще вчера звучал голос вашего ребенка и любимой женщины, куда вы приходили после работы и понимали, что вы дома, и из этого повседневного шумового фона состоит ваше счастье. Вы любили как умели, тащили эту любовь через двенадцатичасовой рабочий день, доверяли той, что спит с вами в одной постели и вдруг поняли – а ведь рядом была совершенно чужая женщина. Она никогда вас не любила, она испытывала к вам жалость и привычку, она симулировала оргазмы и фальшиво интересовалась, как у вас там на работе, она, оказывается, ненавидела ваши привычки, запах и ваши вкусы, и она, блядь, молчала об этом семнадцать лет, а потом встретила кобеля на десять лет младше и променяла вас на другой член, потому что чаще трахал и бабки давал на себя любимую. А вы не у дел. Вы просто жалкий и никчемный идиот, который жил так, как все, и считал, что у него крепкая семья и любящая женщина рядом. Только рядом не было никого. Рядом была чужая, незнакомка, которая вас просто терпела или использовала.

Нет, Сергей не считал, что виновата только она. Если бы это было так, ему было бы намного проще смириться с её уходом. Новиков понимал, что где-то на каком-то этапе он ее потерял. Она выросла из родного слова «НАС» и стала сама по себе, а он так и остался в своем детском замке из песка. В разводе и изменах виноваты оба, и Сергей не заметил тот миг, когда она ушла от него. И ушла не тогда, когда встретила другого. Она ушла тогда, когда впервые подумала о том, что не любит самого Сергея. А любила ли? Кем он был для Оксаны? Просто тем, с кем положено быть. Квартира не такая, машина не той марки, цветок один, вместо трех, и серенад не спел, и не то сказал, и не так посмотрел.

Он прозрел тогда, когда стало уже поздно, посмотрел на нее другими глазами и понял, что безумно любит, а она нет. Уже давно нет, а может и никогда – нет. Она не его. И отпустил. Вот, за что он себя ненавидел – у него не хватило сил удержать. Вернуть. Трусость? Возможно. Скорее гордость. Когда тебя так упорно шлют на хрен и расписывают, насколько хорош другой по сравнению с тобой, убожеством, невольно хочется орать: «Ну и пошла ты к такой-то матери. Давай, вали из моей жизни и захлебнись в своей новой. Подавись ею».

Сергей нажирался как свинья и стоял под её окнами, видел, как она страдает по нему, как изводит себя и угасает, и не понимал – почему тот, а не он? Чем он, блядь, лучше?

И Сергей знал чем – моложе, круче, богаче. Он уползал домой и расшибал стены кулаками, выл и плакал как ребенок. Она вывернула его наизнанку, она вдруг показала ему, какой он на самом деле. Каким она видела его все эти годы.

И это страшно – вдруг осознать, что на самом деле ты мало что из себя представляешь – ты

посредственный муж, ты отвратительный любовник, и тебя и не любили никогда.

Он опускался все ниже и ниже. Пропил все, на хрен, в доме. Продал и пропил. Сидел с бутылкой в четырех стенах и жалел себя. Смотрел на её фото вместе с сыном и понимал, что они умерли или он умер для них, и чужой мужик зовет их по имени, а сын, возможно, называет его отцом. Допивал водяру до конца, до донышка, разбивал бутылку о стену и смотрел на «розочку», задумываясь о том, насколько мягко она войдет в яремную вену.

Левченков позвонил ему через пару месяцев, когда он почти превратился в кусок дерьма. Сергей не думал, что когда-нибудь услышит голос этого человека, спустя столько лет.

- «Ну что, Новиков, ты полностью в говно или соображаешь, что происходит?»

На секунду протрезвел. Последний раз слышал этот голос еще, когда служил.

- «В говно, Гена, но пока соображаю»

- «Как считаешь, обратная дорога из этого говна есть, или это конец?»

- «Смысла нет. А дорога есть всегда»

- «Я могу найти для тебя смысл, если хочешь выбраться. Давай встретимся. Обговорим пару вопросов»

- «Зачем? Мне неинтересно»

- «Станет интересно, когда скажу, что твоя бывшая замешана?»

Сергей резко подался вперед.

- «Что значит - замешана? Во что замешана?»

- «Не телефонный разговор, Новиков. Давай, приведи себя в порядок и приезжай к заправке «Грин» на окружной. Я тебя там подберу, и поедем покатаемся».

Левченков Артем Викторович - сослуживец Новикова и ныне подполковник в отставке. Он хорошо его помнил, знал, что дурного не предложит, только Сергею было наплевать на любое его предложение. Не упомяни тот Оксану, он бы вообще не поехал. Левченков хорошо подготовился к этой встрече, в отличие от Новикова. Тот с трудом привел себя в порядок, приняв ледяную ванну и пару таблеток аспирина, насквозь провоняв алкоголем, Сергей ехал в такси и думал о том, что на эти бабки мог бы купить пару бутылок «столичной» и нажраться вусмерть. Ему б на неделю запоя хватило.

Левченков встретил Сергея на крутом «БМВ» с правительственными номерами и повез в небольшой узбекский ресторан, где они с ним когда-то неплохо гуляли после дембеля. Шашлык, рис и квашеные помидоры, манты. Стол накрыли шикарный, а выпивку Левченков не заказал. Сказал, перебьются они оба. Отныне Сергей либо перестает пить вообще, либо может валить с кафе и продолжать пить дома, пока и саму квартиру не пропьёт.

-Ну что, Новиков, совсем ты одичал. Не узнаю лучшего бойца, который головой черепа проламывал. Ты себя в зеркало видел вообще? В кого превратился?

- Не видел. На хрен мне на эту рожу смотреть.

- Правильно, Новиков. Роба у тебя жуткая с мешками под глазами, серая. На труп живой похож. И из-за чего? Из-за бабы.

Сергей резко голову поднял, а он рукой предостерегающий жест сделал.

- Не кипятись так сразу. Не осуждаю. У всех бывает. Жизнь она, падла такая, под дых с носака заедет и потом ржет, сука, глядя, как ты кишки на асфальт сблевал.

Сергей усмехнулся – если б только кишки. Ему кажется, что он туда душу выbleвал. Внутри пусто, как в барабане после выпущенной обоймы.

- Я справки наводил, Новиков, секретность твоя по сроку давности уже давно истекла. Но вижу, ты особо не распространялся...

- Зачем. Не было ничего. Отслужил и забыл.

- Молодец, Новиков. Это там, наверху, оценили.

- Так что насчет Оксаны?

- Обезболивающее тебе заказывать не буду – терпи на живую, Сергей. Оксана твоя, сам знаешь, с кем связалась. И мы знаем. Помощь твоя нужна, Новиков. К одному человеку работать пойдешь. Он сам на тебя вышел, свяжется в ближайшее время. Пока ничего особенного – поработаешь в его компании, это по твоей части – проекты, чертежи.

- И кто он такой?

- Тесть Руслана Царева. Ага. Больно. Знаю. Держись. Она тебя на женатого променяла, Новиков. Вот такие бабы дуры. Сами не знают, чего хотят.

Сергей почувствовал, как скулы свело и руки в кулаки сами сжались. Захотелось выпить. Много. Из горла и до дна. Очень много, чтоб вот этот разговор из памяти вышибло к такой-то матери, и больше не было так больно. Чтоб душу без наркоза не рвало на части.

- Лешаков – так тестя фамилия, важный человек. Очень-очень важный, Сергей. Поможет тебе Оксану твою вернуть, так как дочка там на нервы давит, и ему компания зятя позарез нужна. Очень серьезные люди в этой компании заинтересованы, а Бешеный с Царем артачатся. Любыми способами надо сученка заставить отдать свою долю в бизнесе. Ты Лешакову для этого дела пригодишься. Он присмотрится, а потом втянет тебя в свою игру, отыграешь свою партию, и всем будет счастье. А ты потом Оксане сопли подотрешь и обратно забереешь, если так вернуть хочешь.

Новиков уловил в его голосе нотки презрения. Нет, не хочет он ее вернуть. Видеть не хочет, знать не хочет эту суку. Он бы её сам на дно утянул. Если б не Ваня, давно бы в нее обойму спустил. Много раз смотрел на ствол и думал о том, что выбьет ей мозги, а потом – себе в висок и до свидания. Финита ля комедия. Может, и спустил бы, если б о ребенке не узнал. Да, о ребенке от ее кобеля. Решил тогда – отпустит. Не судьба. Любит другого – пусть любит. Счастья ей, блядь. Пусть валит на все четыре стороны.

- Что молчишь, Новиков?

- Обдумываю.

- Ты быстрее думай. Время идет. О сыне, думай, Сергей, о сыне. Прежде всего. Бабы они и в Африке шлюхи, а сын - это святое. Сын — это навсегда.

Он и думал. Хотя понимал, что с ним, алкоголиком, ему вряд ли светит светлое будущее.

- Из запоя выведу. Скажешь, что согласен, отвезу в одно место - через неделю как огурец будешь. Ну что, Новиков? Решился?

Сергей поднял на него взгляд, чувствуя, как начинается ломка без очередной дозы алкоголя и покрывается спина холодным потом, а руки начинают мелко подрагивать.

- Решился.

- Вот и лады. Я тебе весь расклад расскажу, а ты подумаешь, как тебе будет проще это проверить. Если все выгорит, может, сам важным человеком станешь. Сына из Валенсии к себе заберешь.

Сергей кивнул, вспоминая, как подписал бумаги на разрешение увезти Ваню. С ним тогда черте что творилось. Его ломало и корежило. Он понимал, что не может сейчас воспитывать сына. Пример для подражания из него херовый.

Левченков отвез Сергея в какую-то деревеньку к мужику по имени Федор. Он его Стрелком называл. Оставил его там на неделю. Федор всю душу из Новикова вымотал. Отварами поил какими-то, да так, что тот блевал дальше, чем видел, потом хлестал его в бане русским веником и на мороз выгонял, и снова отпаивал травками.

Через неделю Сергей, и правда, был, как огурец, словно пару месяцев запоя мимо прошли.

Весь этот год Новиков просто работал. Хорошо работал, на износ. Ни глотка водяры, только крепкий чай или черный кофе и бессонница жуткая сутками. Вообще не спал. Вырубит на час-два, а потом как робот - глаза открыты, и в голове только одна мысль - опустить её на такое же дно и показать, что молокососа себе в любовники выбрала. Что не Царев это старший, а босота бандитская. Ни защитить не сможет, ни обеспечить. Только ему и этого было уже не надо. Сергей хотел, чтоб она одна осталась, поняла какво это - просыпаться от того, что в доме так тихо, что слышно, как душа леденеет и инеем покрывается.

Думал, прощать умеет, а нет. Оказывается, черта с два. Не хотел он ей простить предательства. Ведь могла честно сказать, давно могла. Спектакли разыгрывала, пока удобно было, а на хрена? Чтоб одной не остаться. Потому что тогда был надежным и удобным, а когда перестал - слила за ненадобностью. Просто тупо променяла на новую модель. Как старую машину.

Покоя не давала мысль о том, что не удовлетворял её. Снимал баб и трахал ночи напролет, оргазмы считал, а потом сам себе не верил - кончает или притворяется. Его заклинило на этом, застопорило. А потом понял, что кончают, еще как кончают, это ей с ним плохо было. И от бессилия снова хотелось нажраться. Ненавидел себя в эти минуты.

Вроде прожил с ней долго и стоны все наизусть выучил и каждую родинку на теле, и любил любую, а оказывается - вообще не знал.

Лешаков почти год ничего не предлагал - присматривался видать, продолжал считать Новикова алкоголиком, а тот поддерживал эту мысль постоянно. Иногда довольно удобно, когда другие считают тебя слабым противником и расслабляются, потому что ты не

представляешь угрозы. Вряд ли Лешакову приходила в голову мысль, что Сергей на работу со стволом ходит и может с легкостью с одного удара Лешакова на тот свет отправить. Даже Оксана об этом не знала.

Только Леший ошибся, не на то поставил. У каждого свои цели в этой игре, и да, целью Сергея была Оксана, но только не в том понимании, в котором считали и Левченков, и Лешаков, желающий выбить почву из-под ног Бешеного, которого Новиков изучал почти год, и все больше убеждался, что не туда и не с тем её отпустил. Убеждался, что его променяли попросту на молодого самца, который трахался лучше и жестче и деньгами сорил. Ни в чем себе не отказывал. Оксана, как очередной квест была, с претензией на новое будущее и великую любовь. Так и хотелось в глаза ей посмотреть и проорать: «Ну как, мать твою. Ты счастлива? На кого ты меня променяла? На этого, у которого ширинка на замке не держится. Дура!»

Пока она в Валенсии своей ногти грызла и свечи ему за упокой ставила, он трахал все что движется и не движется. Потом на девке этой женился и Оксану за нос водил целый год.

Сергей истерически смеялся, когда думал об этом. Развелась с ним, семью похерила, чтобы с женатым жить долго и счастливо. Интересно, она ему простит? Есть такие женщины - сколько не швыряй и махай лицом в грязь, все равно стелиться у ног будут, и от этой мысли его передергивало. Значит, Сергея можно было вышвырнуть, как прочитанную книгу, а того на пьедестал возносить?

Он понять хотел её и не мог. Сколько старался - не мог. А потом, спустя время, решил, что и понимать не надо. Сына вернуть, а ее ни с чем оставить... а еще Бешеному пулю промеж глаз пустить, чтоб чужое не трогал. Чтоб знал - за все надо в этой жизни платить.

14 глава

Я уснула под утро. Ночью несколько раз набрала Ли, но та мне не ответила. Или обиделась, что я уехала, или слишком занята. Я несколько раз останавливала взгляд на тетради, которая светлым пятном выделялась на темной поверхности тумбочки, но так и не решилась её взять в руки. Не знаю, почему. Наверное, потому что теперь Данте не казался мне ненастоящим, эфемерным, придуманным воспалённой фантазией Аниты. Он стал реальным и самое страшное...сейчас я могла поверить, что он мог свести с ума любую женщину.

Я снова видела его глаза...когда он говорил мне о голодных хищниках. Очень близко.

Красивые глаза, но я не прочла в них ровным счётом ничего. Скорее растворилась и пошла ко дну или взмыла очень высоко. Манящая голубая бездна, которая только на первый взгляд кажется светлой, а на самом деле там, за пределами, за самой атмосферой чёрная, мрачная Вселенная, его Вселенная. Мне почему-то казалось, что в этой бездне горячо и до дикости пусто, там можно потерять саму себя.

Будильник разбудил меня без двадцати семь, и я с трудом встала с постели.

Привычный ритуал сборов на работу, только сегодня полностью на «автопилоте». Такой разбитой я не чувствовала себя с того времени, как мы расстались с Алексом.

Моросил мелкий дождь противно-колючий. Он падал за воротник жакета и пока я ждала

такси, усилился. Черт, моя машина до завтра в ремонте.

В моем кабинете пахло сыростью и канцелярским клеем. Я села в кресло и потёрла виски кончиками пальцев. Мне срочно нужна чашка чёрного кофе иначе я не проснусь. Между делом набрала Ли, но та снова не ответила. На автоответчике высвечивались три непрослушанных сообщения. В кабинет постучали, и дверь тихонько приоткрылась.

- Кэт, доброе утро, - я услышала голос Сью, секретарши Мистера Хэндли.

Я подняла голову, чтобы поприветствовать её, но, увидев, насколько она бледная и взволнованная, вдруг почувствовала, как неприятно засосало под ложечкой от предчувствия неприятностей.

- Привет. Мистер Хэндли хочет поговорить с тобой.

- Что-то случилось? - Я положила сотовый в карман жакета и захлопнула крышку рабочего ноутбука. Запах клея стал ещё навязчивей или это все мои чувства обострились.

- У нас..., - её голос сорвался, - вчера утром нашли Веру Бероеву в парке, с порезанными венами. Она...она мертва, Кэт.

Мне показалось, что меня ударили в солнечное сплетение, на секунду стало нечем дышать. По спине моментально покатались капли холодного пота.

Через минуту я уже шла за Сьюзен по узкому школьному коридору к кабинету директора. Сейчас мне казалось, что здесь слишком тихо и только стук моих каблучков отдаётся эхом под высокими сводами белоснежных потолков. Через час начнётся всеобщий хаос, но перед уроками всегда такая глухая тишина, как затишье перед бурей.

Вера Бероева....Вера...Я помнила это имя, она не была моей пациенткой. Скорее всего, как и все учащиеся колледжа, пару раз приходила на встречу в обязательном порядке в начале года. Моё сердце билось глухо, внутри возникло неприятное чувство, осадок, какая-то гнетущая пустота. Я пока запрещала себе думать. Для этого я должна остаться одна.

Мистер Хэндли выглядел неважно. Всегда такой подтянутый, со строгим лицом и гладко зачёсанными назад седыми волосами, он внушал какое-то подсознательное желание выпрямить спину, отвечать чётко и ясно, как на уроке. Из тех людей, которых уважаешь и боишься одновременно.

Но сейчас у меня такого чувства не возникло. Мистер Хэндли был подавлен, он вежливо поздоровался, кивнул Сьюзен, и та покинула кабинет. Я придвинула стул и села напротив директора, краем глаза отмечая, что здесь сменили шторы, перекрасили стены. Давно я не заходила в его кабинет.

- Кэтрин, вы уже слышали, да?

- Да, Сьюзен только что мне рассказала.

Я бросила взгляд на портрет президента, на глобус, извечно стоящий сверху стеклянного шкафа с книгами по педагогике.

- Мне звонили из ассоциации, интересовались вашей работой, всего лишь несколько минут назад.

Я медленно выдохнула. Это значило, что меня проверяли, но мне нечего опасаться, я свою работу выполняю хорошо. Впрочем, неудивительно, они должны были поинтересоваться.

- Запросили дело Веры Бероевой, ее личные записи посещений психолога за последние пару лет.

- Она вызывала её к себе в начале года, как и всех других учеников из малообеспеченных семей, но Вера не была моим частым гостем, как Анита.

Я сама болезненно поморщилась, когда произнесла имя.

- Вера - отличница, она всегда получала высокую стипендию и субсидии от самого комитета.

Я кивнула, видимо это не все, что Хэндли хотел мне сообщить.

- Они приедут с проверкой, Кэтрин. Приведите всё в полный порядок, я бы не хотел, чтобы у нас с вами были неприятности, а они могут быть. Второй случай суицида за месяц.

Я снова кивнула. В какой-то мере мы оба понимали, что проверки только началась и теперь наш колледж какое-то время будет под пристальным наблюдением NASP.

- У меня всё в порядке, пусть приезжают в любое время.

- Я рад это слышать. Кэтрин.

Воцарилась пауза. Мистер Хэндли постукивал синим колпачком от шариковой ручки по столешнице. Нервничает.

- Кэтрин, мой сын встречался с Верой.

Эрик Хэндли учится в нашем колледже, довольно проблемный подросток, как это обычно и бывает у уважаемых родителей. Он доставил немало неприятностей мистеру Хэндли и его жене. Несколько раз был задержан полицией за драки и хулиганство. Когда-то я звонила Алексу, чтобы он помог выпустить Эрика под залог после очередной драки, в которой тот разбил нос продавцу магазина.

- Он вам об этом сам рассказал? - спросила я и посмотрела на директора, на то как он вдруг резко перестал стучать колпачком и медленно поправил указательным пальцем круглые очки на переносице.

- Нет. Мне об этом сказала мама Веры. Я склонен ей верить.

Я выжидала, иногда есть такие моменты, когда нужно держать паузу, чтобы оппонент раскрылся сам. Тот, кто делает «первый шаг» в разговоре всегда даёт большую фору собеседнику и материал для размышления.

- Она обвинила моего сына в том, что это он довёл её Веру до самоубийства.

Мистер Хэндли посмотрел в окно и сжал колпачок тонкими морщинистыми пальцами.

- Люди в порыве отчаяния говорят разные вещи, иногда очень болезненные, это способ выплеснуть боль...- тихо сказала я. Для мистера Хэндли это вряд ли было утешением.

- Да... Возможно, вы правы, но...это мой сын, начнут интересоваться, разговаривать.

- Хотите, я поговорю с мамой девочки и выясню, что именно она знает?

Директор резко ко мне повернулся. Именно этого он и хотел. В любом случае я должна встретиться с родителями Веры.

- Если вам не трудно, Кэт. Я был бы очень благодарен. Эрик...он не плохой мальчик. Возможно, мы где-то что-то упустили, но ...он бы не...

Я молча смотрела на Хэндли.

- Не думаю, что в произошедшем виноват Эрик. В любом случае, по какой бы причине это не произошло, суицид - добровольный уход из жизни, а не насильственный, и Эрик не может нести за это ответственность.

Вернувшись к себе, я прикрыла дверь и снова медленно выдохнула. Подошла к рабочему столу, открыла ноутбук и напечатала имя покойной в строку поиска по файлам. Нашла её папку.

«Личное дело. Вера Бероева»

С фотографии на меня смотрела голубоглазая блондинка с длинными пушистыми локонами, кукольным лицом и лёгким румянцем на щеках. Совершенно не похожа на Аниту. Эта девочка во всем положительная. Я смотрела характеристики от преподавателей, законспектированные разговоры со мной. Всё шаблонно, правильные ответы, рисунки, упражнения и психотесты. Ничего особенного. Моей собственной рукой дана положительная оценка. Последний раз я беседовала с Верой несколько недель назад. НЕДЕЛЬ? Посмотрела на дату - да, ровно две недели назад в начале учебного года.

Должна быть запись разговора, я всегда записываю на диктофон. Пролистала папку вниз, но записи не нашла. Возможно, я переслала её на личный компьютер. Я всегда так делаю. Дублирую всё.

Снова посмотрела на фото, прямо в нежные голубые глаза, и на сердце стало невыносимо тоскливо. Вот и мой второй личный мертвец, который совершенно не похож на мертвеца. По крайней мере, для меня.

Были ли они подругами с Анитой? Эта мысль возникла самой первой. Хотя, нет. Скорее всего, нет. Они слишком разные. Если Ани была совершенно замкнутой в себе, то Вера, наоборот, у всех на виду. Активистка, доброволец в сборе пожертвований в фонд малоимущих и детей-инвалидов. Её фото висит на почётной доске в холле. Она встречалась с Эриком? Довольно странно. Хотя... хорошим девочкам очень часто нравятся плохие мальчики.

Зашуршал принтер, и я автоматически достала несколько листов. Иногда информация воспринимается лучше на бумаге. Пробежалась взглядом и не за что не зацепилась.

Стандартные вопросы, простые ответы.

«- Ты часто мечтаешь, Вера? Расскажи мне о своих мечтах.

- Я мечтаю познать всю глубину бесконечности.

- Что для тебя бесконечность?

- Ведь всё имеет конец, а я хочу, чтобы длилось бесконечно.

- Что именно не должно заканчиваться для тебя, Вера?

- То, что составляет смысл жизни».

Я несколько раз перечитала её последний ответ. Возможно, Вера поняла, что ничего не может быть бесконечно. Особенно первая любовь. Подростки не всегда умеют справляться с такими разочарованиями. Хотя...что если смерть и есть та самая бесконечность. Я закрыла крышку ноутбука и посмотрела в окно. Дождь лил во всю, как из ведра. Жара, кстати, тоже оказалась не бесконечной и это радовало.

К концу рабочего дня, я была выжата, как лимон. Хотя, я работаю до полудня. Все-таки это практика, до полного рабочего дня мне далеко. Еще лет восемь, пока получу лицензию штата и смогу работать на себя. Мой сотовый в очередной раз пискнул, напоминая о непрослушанных сообщениях на автоответчике. Я включила его на громкую связь и принялась складывать бумаги в портфель.

«Получено в 23.10 в 20:05 от абонента...»

Я поморщилась как от зубной боли и нажала на следующее сообщение. Слушать Алекса именно сегодня мне не хотелось совсем.

«Получено в 23.10 в 22:45 от абонента»

Ли таки звонила мне.

«Кэт, сейчас я еду развлекаться с одним умопомрачительным красавчиком, а ты дура, что уехала! - голос Ли доносился сквозь шум, характерный для езды в автомобиле с открытыми окнами. - Матрешка...ты не поверишь, ОН о тебе спрашивал. Завтра всё расскажу».

Я усмехнулась и взяла последнюю папку в руки, намереваясь засунуть её в верхний ящик шкафа.

«Получено 23.10, номер абонента неизвестен, для прослушивания сообщения нажмите цифру один»

Я щёлкнула по сенсорному дисплею и достала папку с полки на шкафу.

«Кэтрин...»

Папка выскользнула из рук и бумаги с тихим шелестом разлетелись по полу. Я узнала его голос, хотя слышала всего лишь один раз.

«Если у женщины ночью отключён сотовый она или спит, или занимается сексом...»

Он выдержал паузу, а я покраснела до кончиков волос. Слово «секс», произнесённое именно этим низким голосом с лёгкой хрипотцой, заставили дыхание слегка участиться.

«...но мне почему-то кажется, что именно ВЫ спите. Я позвоню в другой раз»

Сложив все папки на место и прихватив портфель, я попрощалась со Сью, заглянула в учительскую, перекинуться парой слов о трагедии с преподавателями и спустилась по широким ступеням вниз, по пути зашла в уборную вымыла руки. Долго смотрела на своё отражение – глаза лихорадочно блестели, а пальцы слегка подрагивали. Боже! Я как школьница. Позвонил. Ну и что? Можно подумать мне никогда не звонили мужчины. ТАКИЕ не звонили никогда. Такие разве вообще кому-то звонят?

Я закрутила кран и поправила хвост на затылке, одёрнула жакет и прислушалась.

Мне кажется или кто-то плачет? Звук доносился совсем рядом, заглушаемый шумом работающих кондиционеров и журчанием воды. Я нахмурилась и прошла в уборной для учеников, толкнула дверь женского туалета.

- Эй!

Голос эхом разнёсся, словно ударяясь о светло-зелёный кафель. Плач продолжал доноситься с дальней кабинки. Лампочка под потолком зажужжала и несколько раз мигнула. Видимо, из-за проливного дождя сбой с электричеством. Я медленно подошла к кабинке и толкнула дверь.

От ужаса перехватило дыхание и каждый волосок на теле приподнялся, онемел затылок – на кафельном полу, в луже темной, почти чёрной, крови сидела девочка с длинными светлыми волосами.

- Анита? – собственный голос прозвучал глухо, как чужой...словно я говорю в вакууме.

Девочка медленно подняла голову, и я узнала в ней Веру. Бледную до синевы, с черными кругами под глазами, она протянула ко мне окровавленные руки с глубокими страшными рваными ранами, из которых фонтаном била кровь.

- Вы обещали помочь нам...обещали и не помогли...обещали.

- Кэтрин!

Я вздрогнула и открыла глаза, увидела лицо Сью и с облегчением выдохнула. По спине ручьями стекал холодный пот.

- Ты уснула. Уже почти шесть вечера. Я несколько раз заходила, не стала тебя будить.

Я бросила взгляд на часы, потом на свой сотовый – выключен. Странно, мне кажется, я его включала. Последнее, что я помню, это то, что Данте Лукас Марини оставил мне голосовое сообщение. Потом я собрала папки и снова перечитывала дело Аниты. Видимо, я всё же уснула.

- Звонил какой-то мужчина, спрашивал тебя.

Я вскинула голову, и сердце быстро забилося.

- Кто?

- Он не назвался. Я попросила перезвонить, но он не перезвонил.

- Спасибо, Сью. Я просто последнее время страдаю бессонницей. Вообще ночью не высыпаюсь.

Сьюзен понимающе кивнула. Когда она ушла я схватила холодный кофе и залпом выпила почти до дна, чувствуя кофейную гущу на языке. Руки всё ещё слегка тряслись. На улице было прохладно, и я слегка поёжилась, осмотрелась в поисках такси. Несколько автомобилей со светящимися жёлто-черными «шашками» проехали мимо, чуть не обрызгав меня грязью. Черт, как же я ненавижу это. Пошла вдоль дороги в сторону светофора – там больше шансов.

Боковым зрением заметила, что рядом со мной медленно едет автомобиль, я ускорила шаг, и машина поехала быстрее.

Осмотрелась по сторонам – почти нет прохожих. Естественно, в такую погоду. Я остановилась, и автомобиль затормозил рядом со мной, бросила быстрый взгляд на чёрный капот, отметила незнакомую мне марку спортивной машины и отвернулась.

- Вы не ездите с незнакомцами, Кэтрин?

Вздрыгнула и резко обернулась – за рулём шикарной спортивной тачки сидел Данте и улыбался мне. Сердце забилось о ребра с такой скоростью, что мне казалось я лечу в пропасть.

- Садитесь, обещаю, что с вами не произойдёт ничего такого, чего бы вы сами не захотели.

Посмотрела в его голубые глаза и, несмотря на то, что он улыбался, там я видела всю ту же бездну, и она манила непреодолимо и сильно. Несколько секунд колебаний, и я села на переднее сидение, дверца захлопнулась, и мы тронулись с места. С любопытством осмотрела кожаный салон, бросила взгляд на Данте и тут же отвела.

- Откуда вы знаете моё имя и где я работаю? – спросила я и вытерла с лица капли дождя.

- Если вы задаёте такой вопрос мне, то это значит, что вы совершенно не знаете меня.

Я посмотрела на дорогу, чувствуя, как всё тело покрывается мелкими мурашками от ощущения нереальности происходящего. Сейчас я чувствовала его запах очень отчётливо, вместе с запахом сигарет и кожаной обшивки салона.

- Отчего же, я иногда смотрю новости.

Он засмеялся и от звука его голоса в горле слегка пересохло.

- Не нужно лихорадочно думать, Кэтрин, я узнал, где вы работаете, потому что захотел увидеть вас снова. А я не привык себе в чём-либо отказывать. Тем более не привык, когда женщины от меня сбегают, ссылаясь на сон.

Мне непреодолимо захотелось рассмеяться, но вместо этого я сильнее впилась в ручку на двери.

- Привыкли к лёгкой добыче?

Повернулась к нему и увидела, как он снова улыбнулся, слегка прищурившись. Боже, его глаза, их цвет, как небо в Арктике – ясное, яркое, пронизывающее и в то же время

обжигающе-холодное:

- А вы считаете себя добычей, Кэтрин?

Он потрясающе привлекательный, совершенно неудивительно, что все женщины сходят от него с ума. И акцент, почему-то на меня это действовало покруче любого афродизиака.

- Мне не приходилось об этом задумываться, - ответила я, с каким-то странным ощущением понимая, что он везёт меня по верному маршруту. Значит, узнал, не только где я работаю, но и где живу. Но ведь с такими, как я, такого обычно не происходит.

- А сейчас задумались?

Наши взгляды встретились, и я первая отвела глаза.

- Нет.

- Лгать не красиво. Не люблю ложь.

Я напряглась, стараясь дышать ровнее.

- Почему вы решили, что я лгу?

- Вы - психолог, вот вы мне и расскажите, как можно определить, что собеседник вам лжет.

Я обратила внимание, что тереблю край жакета и тут же вспомнилось: «Лгуны, сами того не замечая, стремятся закрыть ладони рук, неосознанно их спрятать. Либо же начинают теребить края одежды, вертеть в руках разные предметы».

Не думаю, что Данте Марини изучал психологию, но внутренне я напряглась. Рядом с ним возникало непреодолимое чувство опасности.

- Вы хотите сказать, что приехали к колледжу в дождь, потому что захотели увидеть меня снова?

- Да. И не только увидеть.

Я снова быстро на него посмотрела.

- А что ещё?

- Вы проводите со мной сеанс терапии, хотите узнать все мои фантазии или рассказать вам только одну?

Кровь прилила к щекам, и я в очередной раз отвела взгляд.

- Мне не интересны ваши фантазии, мистер Марини.

- Данте. Называйте меня - Данте.

- Мой дом через два квартала, мистер Марини, вы можете высадить меня возле супермаркета.

Итальянец усмехнулся уголком рта, скорее всего моему настойчивому «мистер Марини».

- Если вы голодны, я могу отвезти вас в любой ресторан, Кэтрин.

- Я не голодна, - сейчас мне невыносимо хотелось сбежать с его машины.

Автомобиль затормозил у тротуара, неподалёку от сверкающей вывески круглосуточного супермаркета.

- Спасибо, что подвезли.

Я приоткрыла дверцу, но он удержал меня за локоть. Резко обернулась.

- Возьмите, когда захотите встретиться - позвоните мне.

Протянул визитку. Я несколько секунд смотрела на черный прямоугольник. Не если, а КОГДА... Дьявольская самоуверенность.

- Взять визитку не значит стать добычей, Кэтрин, - Данте вложил её в мою ладонь и от прикосновения его горячих пальцев по всему телу прошла волна дрожи, - и не садитесь в машину к незнакомцам.

Ещё как значит, подумала я, потому что добычей я ощущаю себя с первой секунды как его увидела. Вышла из автомобиля и не оборачиваясь пошла к ступеням магазина, услышала, как отъехала его машина, визжа покрышками. Я раскрыла ладонь и посмотрела на визитку - на чёрной глянцевой поверхности, в виде водяного знака, выступал бордовый символ бесконечности, его имя и номер сотового телефона.

15 глава

- Никогда не говори никогда, малыш. Даже бессмертным не дано заглянуть за ширму вечности. Кто знает, что находится там, на границе эпох?

Её тихий смех и открытый взгляд, мягкая улыбка очертила губы:

- Есть вещи, неподвластные смене времен, Нейл. Как моя любовь..., - указательным пальцем по моим губам, и я прикусываю его зубами, - к тебе.

Смешно. Мне так смешно и в то же время грустно. Ведь я понимаю, что это лишь мечты моей маленькой девочки, достаточно наивной, чтобы верить во что-то вечное. И я мог бы рассказать ей, что она ошибается, что ничто по-настоящему доброе и светлое не может существовать постоянно. Иначе оно перестанет быть таковым. Оно превратится в обыденность... Но она настолько уверена в своей иллюзии, что я предпочитаю не разбить её хрупкие представления, а встать прямо перед ней, защищая от любого ветра, способного лёгким порывом унести в никуда тонкую вуаль её выдуманной реальности. И я просто прислоняюсь своим лбом к её лбу и шепчу одними губами, зная, что она слышит:

- Я готов отдать за это своё бессмертие, Лия. - произнёс и понял, насколько эти слова правдивы.

- Разве я когда-нибудь лгала тебе, Нейл? - серьёзно и тихо. - Я люблю тебя.

- Я буду любить тебя вечно....

-Скажи, что это не ложь высшего Деуса, - мимолётная улыбка на губах, но в глазах...в глазах ярким пламенем затаённая надежда. И я не говорю, а показываю, доказываю раз за разом истинность моих слов.

А ведь самое смешное, что солгала она! Именно эти её слова, произнесённые семнадцать лет назад, оказались обманом. Любовь не проходит. Никогда. Ей некуда идти. Ей незачем уходить. Любовь — паразит, самый настоящий. Она навязывает вам симбиоз, даже не спрашивая Вашего разрешения. Никакого права выбора. Вы получаете эмоции, она высасывает вашу энергию. Энергию, которую дают вам эти самые эмоции. Поэтому если вам уже невкусно, пресно, неинтересно и горчит на языке, то это была не она. Что угодно, но не любовь.

Её «вечная» любовь не продержалась и двадцати лет. Она исчезла из её глаз, испарилась, оставив после себя сизый дым страха на дне глаз. Страх и недоверия. Что может быть хуже для мужчины, чем недоверие ЕГО женщины? Недоверие сродни презрению. Сродни сомнению в состоятельности его, как мужчины! Особенно если он искривлен, как никогда за всю свою гребаную вечность.

- Вы говорили о ресурсах..., - нерешительно прикусила губу, подбирая слова, но не отводя взгляда. Знает, что ступила на зыбкую почву...Усмехнулся ей в ответ. Можно подумать, мы с императором не поняли того, что нас подслушивают.

-Не всё, из того, что ты услышишь, малыш, стоит озвучивать....

- Но что будет дальше, Нейл? Когда смертных станет не хватать вам? - отвела взгляд. Глупая. Сама придумала за меня ответы. Ответы, которые её не устраивали однозначно. Нервничала, пока ждала меня. И если я задерживался, то в её голове уже вспыхивала целая мысленная война между нами с неопровержимыми, на её взгляд, аргументами. Лия часто так делала. Поначалу. Потом со временем она научилась распознавать и предугадывать мою реакцию на тот или иной вопрос.

- Ты знаешь, малыш, с некоторых пор я понял, что люблю свою жизнь,- притянул её к себе, обнимая сзади и вдыхая запах её волос. - С тобой, Лия, я хочу жить. С тобой! - поднимая руки к её груди, сжимая мгновенно затвердевшие соски, - И ради этого я готов сдохнуть, но не допустить подобного. - прикусил мочку уха, улыбнувшись тихому стону, сорвавшемуся с её губ, - А моя маленькая девочка поможет мне...так ведь?

- Дааааа... - на выдохе...в мои губы, запрокинув голову.

Чёртовы воспоминания посещают каждый раз, когда думаю о ней. Постоянно. Это уже вошло в привычку - разговаривать с императором и тщательно скрывать свои мысли, потому что в них господствует она. Пытать очередного ублюдка и слышать, как с его губ срываются её крики...тогда...Семнадцать лет назад.

Стоять под окнами её спальни и жадно наблюдать за ней по ту сторону стекла. Сжимая пальцы в кулаки, распарывая ладони до крови, стискивая челюсти до боли. Как подросток, как мальчишка, изнывающий от желания, от навязчивого, бешеного желания получить ее. До боли

в паху, до постоянного адского стояка и отчаянной ярости на себя за полную потерю контроля. Такое хрупкое с виду стекло, оно отделяло нас, словно гранитная стена. Лия озирается в испуге в тёмной комнате, понимая, что я где-то рядом. Она сама ещё не осознает, насколько тонко чувствует моё присутствие. На уровне инстинктов. Правда, пока скорее, как жертва, которая чует опасного хищника, спрятавшегося в кустах и преследующего её темной тенью. Зверя, который изнывает от мрачного желания взять свою добычу. Но раньше...раньше это было так же естественно, как дышать. Ощущать друг друга на расстоянии. И не просто присутствие, но и эмоции, слышать мысли, врываться в них без стеснения, заставляя её краснеть. На тренировках ли, перед Клэр ли, на приёмах ли.

«- Малыш мне не нравится, что этот ублюдок стоит так близко к тебе...

- Нейл, он мой тренер. Посмотри направо. Там находится его любовник.

- Лия....Мне НЕ ПРАВИТСЯ, что этот ублюдок стоит так близко к тебе!

- А мне не нравится эта женщина, которая плотоядно облизывается сейчас на тебя.

- Малыш, ты попросилась...

- Я отошла...Неееейл... я отошла! — почти крик. В моих мыслях. Тщетные попытки закрыть от меня сознание.

- Поздно, любимая...

И уже через несколько минут заставить заливаться румянцем нежное лицо, дрожать от желания тело, прикусывать пухлые губы. Потому что я имел её там. В полном зале. В присутствии сотен гостей. Но всё же только в её сознании. Достаточно, чтобы она почувствовала всё физически. Врывался в неё, задрал платье, заставляя стонать...тоже мысленно, потому что моя девочка знает, каждый её вздох, каждый её стон принадлежат мне. И я не готов делиться своим ни с кем. Именно поэтому жалкий низший резко слепнет до тех пор, пока я не отстраняюсь от неё, оставляя изнывать без кульминации.

- Нейл...пожалуйста...позволь, - голос почти срывается.

- Это наказание, малыш. Оно не всегда должно приносить удовольствие.

Холодным тоном, но подыхая от желания послать на хрен всех и каждого и оттащить её в верхние комнаты, чтобы там уже слушать её настоящие крики, ощущать жар упругого тела, утопая в море её любви.

Снова непрошеное воспоминание, и я остервенело отбрасываю его в сторону, потому что больно каждый раз. Больно понимать, что потерял то, что казалось неизбежным и естественным. Вечным. Но ведь вечного не существует...

Грёбанный эксперимент по возвращению ей памяти провалился ко всем чертям. Надежда рассыпалась в прах чёрным пеплом марая яркие краски когда-то нашего с Лией собственного мира. И теперь здесь воняло, как после пожарища. Тут и был самый настоящий пожар. Сгорало наше прошлое, а я не мог ничего сделать, чтобы потушить огонь. Только задыхаться от едкого дыма, забивавшегося в ноздри, в глотку, заставившего согнуться напополам и хрипеть в

попытках выхаркать угарный газ вместе с кишками.

Потом возвращение домой, и долгие минуты стоять под её дверью. Не решаясь войти. Я, мать вашу, не решался войти! К ней! Впервые за свою долбаную вечность я так колебался! Снова впервые с ней. Я просто жаждал, чтобы она позвала меня. Пусть не голосом. Хотя бы взглядом, жестом. Намек. Ничтожный, едва ощутимый, но дающий мне право выбить к чертям все двери и окна, все гранитные стены...Только позови меня.

А после началось то, что заставило поверить, что Ад — это не выдумки глупых смертных. Ад можно почувствовать и с колотящимся сердцем в груди. Вдыхать воздух и выдыхать угар, ощущать, как начинает плавиться кожа, а языки пламени слизывают мясо и добираются до самых костей.

Лия не просто не подпускает меня к себе. Она не просто боится или не доверяет. Она стала чужой. Отстранилась, забыла, разлюбила? Значит всё же все эти годы я ошибался? Сколько живёт первая любовь у смертного? А у Деуса? А сколько суждено продлиться любви мужчины? А если она не просто первая, а единственная? Если его любовь, способность иметь чувства — это аномалия? Необъяснимая болезнь, единственная слабость одного из самых сильнейших существ Континента.

Эти вопросы вихрем проносились в голове, день за днём, каждый раз наталкивая на мысли, что любой мой шаг будет воспринят в штыки. Она не слышит моих слов, в её ушах до сих пор крики жертв, которых мы раздирали во дворце. Она не видит моих поступков, ей не нужны мои подарки, перед её глазами до сих пор реки крови и трупы женщин в моих объятиях. Лия, если бы ты знала, что раньше ты видела куда больше...

Как резко перестраиваются понятия в наших головах, стоит лишь поменять окружение и прожить в нем достаточно долго, чтобы впитать в себя основные постулаты этого общества. Той девочки, которую я знал, которую полюбил, безумно, одержимо, до мозга костей, больше не было. Была женщина. Сильная, сексуальная, умная, независимая...Будь она проклята, независимая от меня! И это злило. Это выводило разум за грани дозволенного. Того дозволенного, что я определил для себя в отношении неё.

Чёрт бы её побрал! Она была единственной, в отношении с кем я ставил какие бы то ни было границы. Думал ли я о том, насколько она поменяется, стирая ей память? Глядя, как она извивается в адских муках, умоляя, надрывно вымаливая сохранить ей воспоминания? Конечно, думал. Представлял ли, что полюбит, мать её, другого?! Представлял! О, это я представлял себе с изощрённым мазохистским удовольствием. Рисовал себе картины одна хлеще другой, запивая их жизнями десятков смертных, детей, женщин. Много женщин, которым я мстил за ЕЁ возможные измены.

Но, блядь! Каждый раз, когда ставил на одну чашу весов её жизнь, а на другую всё остальное...Первая оказывалась тяжелее. Да, злая усмешка судьбы, каждый раз понимание того, что она где-то жива и дышит, оказывалось сильнее любых других эмоций.

И всё ради того, чтобы стать монстром в её глазах, чтобы видеть там что угодно, но не любовь, не доверие, не уважение, которые были там когда-то. И пусть я действительно один из самых страшных монстров Континента, если не самый жуткий, но Лия Милантэ была единственной, кто не боялся меня.

Я выбирал для неё самые дорогие подарки, привозил из разных миров, настолько яркие и

нежные, отличавшиеся от вещей нашей реальности...А она, она все их складывала в углу комнаты, боясь притронуться к ним. Иногда я видел, как она медленно подходила к этому месту, протягивала руку и тут же одёргивала её назад, боясь прикоснуться, словно действительно всё ещё считая, что спит, что всё происходящее — не более, чем кошмар. И стоит только дотронуться и понять, что какие-либо вещи реальны, то и сам этот жуткий сон плавно перетечёт в действительность.

Стэф! Я ненавижу это имя. Оно взрывало мне мозг. Оно заставляло выть от боли, круша собственную спальню, разбивая до крови кулаки о стены. Оно стало моим личным кодом мести. Когда-нибудь я доберусь до этого смертного ублюдка, не просто укравшего моё, но и поселившегося настолько прочно в её мыслях.

Когда-нибудь совсем скоро. Когда отпадет надобность охранять её от цепных псов императора, которых он засылал ко мне под видом начальников тех или иных служб. Одного из своих подданных Алерикс очень вовремя «подарил» мне в услужение. Домой, где тот мог следить за нами.

Очередной ход правителя, который не мог не понимать, что я верну ему все долги. Пусть не сейчас. Пусть намного позже. Но к тому времени их накопится достаточно для того, чтобы гордый Алерикс Мортифер молил о пощаде. За всё, к чему приложил свою когтистую лапу. За семью, которую вырезали словно скот. За трон, который цинично отобрал у меня. За любовь, которой лишил. За жену, которую навязал.

Жена, от которой до зубовного скрежета хотелось избавиться. Но нельзя, мать вашу! Нельзя! Особенно сейчас, когда она ждала ребенка. Будущего наследника земель Мантелла и Мортиферов. Сына, я уже знал его пол, которого я не хотел и не воспринимал, как своего. Нет, в том, что это был мой ребенок, не было сомнений. Но это не имело значения. Мужчины принимают только тех детей, чьих матерей они когда-то любили. В моём же случае этот плод в ней всего лишь был частью женщины, которую я ненавижу. Ненавижу всей душой за то, что заняла Её место. За то, что посмела быть настолько хорошей, что иногда сводило скулы. Да, блядь! Меня тошнило от её отношения, от того, с какой радостной улыбкой она встречала меня. Прикасалась ко мне, а меня передергивало от одной мысли, что это могла бы быть Лия. Нет, не на месте моей жены. Нихилу никогда не стоять так высоко рядом с Деусом. И этот союз не позволил бы мне совершить то, к чему я упорно готовился несколько столетий. Но она могла быть моей парой. Официальной парой, связанной со мной. Парой, которую бы уважали. Уважали хотя бы из страха однажды сдохнуть только за неосторожное слово, брошенное в адрес женщины Нейла Мортифера.

И я срывался. Приходил в ярость от её отчуждения, от её недоверия и страха. Я пропадал сутками в самых дорогих борделях, кутил ночи напролёт с Алериксом и другими «друзьями», чтобы только не возвращаться ни в один из своих домов. Ни в тот, в котором меня ждала нелюбимая, ни в тот, в котором меня совершенно не ждали. Даже больше, где молили Бога, чтобы я не приезжал как можно дольше и оставил её в покое. Только за это мне хотелось убивать.

Нейл не приходил ко мне больше, но я чувствовала его присутствие всегда. Иногда до абсурда необъяснимо: я подходила к окну, и в этот момент его машина въезжала на территорию особняка. Ждала ли я его? Не знаю. У меня нет ответа на этот вопрос. Какая-то часть меня

ждала, а какая-то смертельно боялась присутствия. Это не тот страх, который перед ним испытывали слуги и все, кто его окружали. Меня мучил страх, что я сдамся. Что я не смогу противостоять, что война закончится моим унижительным поражением. А я воевала с ним, воевала не на жизнь, а на смерть, потому что не верила ему. Я отказывалась принять то, что Нейл навязывал мне. Потому что это означало мое полное рабство и признание себя НИКЕМ. Но я не никто. Я - Лия Милантэ. У меня есть мое прошлое, моя жизнь, и я, черт возьми, хочу в нее обратно. Потому что сны не должны сбываться, они должны оставаться снами, а не становиться ужасающей реальностью, способной взорвать мозг и свести с ума.

Он дарил мне подарки. Самые разные вещицы, сувениры, предметы личного туалета и драгоценности. Диковинные, изумительные по своей красоте. К каждому платью - новый комплект украшений, каждый день - новая безделушка дороже предыдущей. Кольца, браслеты, серьги, подвески... Дорогие наряды и нижнее белье. И чем больше дарил, тем больше я отдалялась, замыкалась в себе. Я не притронулась ни к одному подарку, я складывала их в коробку и не подходила к ним. Не потому что мне не нравилось - мне казалось, что, если приму стану зависеть от него. Хотя я и так зависела, но оставалась иллюзия свободы. Это неписанный закон, если принимать подарки от мужчины, то рано или поздно за них придется расплачиваться. Только с Нейлом расплачиваться придется далеко не только телом, а душой и, возможно, даже жизнью. Он не приносил их сам, не отдавал в руки, просто их оставляли в моей комнате вместе с одеждой. На столе или прикроватной тумбочке. Я даже не могла назвать это подарком, скорее его очередное заявление своих прав на меня. Прав, которые я не хотела признавать.

Я знала, что иногда по ночам он стоит под моими окнами и смотрит... Насколько его хватит, насколько долго мое безмолвное «нет» будет сдерживать его привычное и высокомерное «да». В какой момент закончится игра в изощренное соблазнение, и он просто возьмет то, что считает своим? Что тогда останется от меня? По каким пазлам, рваным и окровавленным, я снова соберу свое отражение в зеркале после того, как надоем ему? Во мне не было иллюзий. Я увидела достаточно много, чтобы понимать, кто такой Нейл Мортифер, и что могут значить женщины в его жизни. В какую из ночей меня вынесут на задний двор... Точнее мое тело. Я далеко не девочка, чтобы заблуждаться на свой счет и считать, что Нейл может быть увлечен мною.

Такие не умеют любить. Если он вообще понимает смысл этого слова. Он просто хочет получить меня и использует для этого все способы и методы.

Но больше всего я боялась его близости, потому что он волновал меня. Потому что сводил с ума только звуком своего голоса, взглядом, запахом, бешеной харизмой и животной сексуальностью. Чистый секс. Без примеси чего-либо. Голый порок в изумительной оболочке, которая лишь распяляет сумасшествие. И я знала, что он меня хочет, я видела это в его глазах. Неприкрытый голод. Звериный и страшный, но в тоже время вызывающий ответную реакцию. Невероятно сильную, безумную. словно тело всегда жило отдельно от моего разума.

Я и на десятую долю не приблизилась в своем воображении к нему настоящему. Как бледный эскиз по сравнению с сочной картиной. В нем искушало все: взмах ресниц, тяжелый взгляд, которым он сдирал не только одежду, а мог отыметь в самом полном смысле этого слова. Его волосы, скулы и щетина на них, чувственные губы с полной нижней и всегда чуть подрагивающей верхней, великолепное тело и повадки опасного, умного и хитрого хищника. Только его глаза - это уже космос. Бескрайняя бездна без звезд, зачем там нужна хоть одна звезда, если он сам целая вселенная любых сумасшедших фантазий и эротического соблазна. И ты смотришь в синеву ни на секунду не сомневаясь, что он знает, как удовлетворить самое

дикое желание, самую изощренную фантазию, лишь потому что его собственные в сравнении с твоими просто вакханалия порока, самых ее глубин, самого дна разврата. Он познал все. С возрастом женщина может это прочесть в мужских глазах. Нет ничего, что Нейл бы не пробовал, опыт оставляет печать, невидимую, но читабельную для женщин. В отличие от меня, у него есть миллиарды способов свести с ума и привязать к себе, как собачку, как животное, зависимое от воли Хозяина. И я не сомневалась, что он использует каждый из них, чтобы пройти этот уровень сложности со мной.

Единственное, чего я не понимала почему все еще остаюсь для него сложностью. Ведь мы оба знаем, что он может заставить. Что мешает Хозяину сломать вещь и использовать её?

У меня не было ответов.

Я могла сколько угодно притворяться и пытаться его ненавидеть, но отрицать, что между нами есть какая-то связь и общее прошлое бесполезно. Я это чувствую и сама, на физическом уровне.

Мое тело словно помнило все его прикосновения и взгляды. Подсознание, те мрачные уголки моего мозга, которые он раздражал своим голосом, взглядом до невыносимости. Наверное, так реагирует наркоман, который был в ремиссии долгие годы, на дозу, оказавшуюся прямо у него под носом. Он не хочет впасть в зависимость, но он помнит кайф...помнит наслаждение от запретного яда, и это сильнее его самого. Сильнее доводов рассудка. И если я признаю зависимость – это конец. Это моя точка невозврата. Если все, что Нейл говорит правда, то мы были любовниками. Как долго? Что он значил для меня? Я любила его?

С ужасом понимаю, что скорее всего да. Если есть это наше совместное прошлое, то да, я могла его любить, и это многое объясняет. Только почему и как тогда я оказалась в нашем мире? Он отпустил меня? Боже, сколько вопросов и ни одного ответа. И я никогда не осмелюсь с этими вопросами прийти к нему. Но в том, что мое влечение было мощным, я уже не сомневалась. Оно осталось. Вот эта мучительная тяга к зверю. Неуправляемая и совершенно не зависящая от моих решений. Это пугало больше всего. Слишком много власти имеет надо мной. Нейл меня знает. А я его нет. Я знаю лишь тот образ, который придумала сама, и он похож. Да, дьявольски похож. Внешне, разговором, характером, но это все же не он. Во что он хочет, чтобы я поверила? В его чувства ко мне?

Иногда по ночам, когда мне снились кошмары, я чувствовала, как кто-то прижимает меня к себе, перебирает мои волосы, шепчет...

«Тшшш...малыш...это сон... я рядом...»

А когда открывала глаза – никого нет. Одна, испуганная и заплаканная. Неужели мне снятся сны во сне? Неужели какая-то часть меня хочет, чтобы он приходил ко мне по ночам? Как там... как в моих книгах, где он был иным, где монстр был способен любить меня и любил. И я... я любила того Нейла, которого придумала для себя.

Только в комнате все же витает его запах, незримое присутствие повсюду, везде... И мне иногда кажется, что он во мне...Трогает изнутри кончиками пальцев, чтобы потом сжать когтями и разодрать...тоже изнутри.

Я решила узнать больше. Меня непреодолимо тянуло раскопать хоть что-то, хоть какой-то

намек на то, что Нейл лжет. Впрочем, мне бы это ничего не дало, кроме разве что сил воевать с ним дальше.

В один из дней, когда он отсутствовал я вошла в его комнату. Впервые. Прислонилась к двери и с бешено бьющимся сердцем обвела ее взглядом. Красиво. Очень. Большая кровать, зеркала, тяжелые портьеры. Все в мрачном готическом стиле. Какая-то часть меня эстетически наслаждалась увиденным. Мне нравилось здесь. Даже казалось, что я бы сама могла обставить эту спальню именно так.

От взгляда на шелковые черные простыни и покрывала щеки вспыхнули. Если я была его любовницей, то я возможно, спала с ним в этой постели? Он позволял мне спать с ним? Я лежала на его груди, склонив голову? Или он отправлял меня к чертям после секса? Скорее второе, чем первое. Боже, если это и было, то прошло слишком много лет. Что ему нужно от меня сейчас?

«Твою душу, Лия. Чтобы разодрать ее на кусочки и обглодать каждый из них изощренно и жадно, а потом выкинуть объедки».

Подошла к комоду и выдвинула ящик. Стерильно чисто. Только одна коробка в углу.

Словно отсюда все вышвырнули и оставили либо самое ценное, либо необходимое.

Протянула руку и тут же одернула, потому что услышала, как на территорию особняка въехала машина. Подбежала к окну и вздрогнула – фургон. За последние дни я уже хорошо узнала, что в нем привозят. А точнее кого. Это всегда была толпа людей в одинаковой одежде, их уводили на другую сторону двора. К черному ходу. Спускали в подвалы, и я с ужасом понимала зачем. Я видела собственными глазами, что делают с ними такие, как Нейл, да и он сам. Какими же наивными сейчас казались собственные романы про нечисть, про потусторонний мир. Романы других писателей и шедевры кинематографа. Никто, даже я, на десятую долю не могли описать, что значит зло, что значит пожиратели души и плоти, пожиратели эмоций. Ни одна самая жуткая тварь не идет в сравнение с тем, что представлял из себя Нейл.

Почти одновременно с фургоном въехала машина Мортифера. Я слегка отпрянула назад, забыв на мгновение, что мне нужно уносить ноги из его комнаты, потому что засмотрелась... Я вспомнила, как писала нечто подобное, как он выходит из машины, и как ветер треплет его длинные волосы, как я... (нет, там не я...но зачем лицемерить, разве я не представляла себя на месте его женщины?) смотрю на него, и сердце замирает от его красоты. Только описать ее и увидеть в реальности - совершенно разные вещи.

Из фургона вышли люди. Мужчины, женщины и девочка. Маленькая девочка лет десяти. Она пряталась за спины взрослых, но именно ее конвоир поднял в воздух за волосы, и у меня сердце сжалось. Увидела короткий кивок Нейла и поняла, что от ужаса и ненависти кровь застыла в жилах. О Боже! Неужели все так, как я думаю? Девочку потащили в дом, а остальных увели в обход.

Я бросилась к двери, распахнула и быстро сбежала по ступеням, увидела, как Нейл зашел в кабинет, успев сказать Лиаму, что он голоден и пусть еду приведут именно туда, немедленно. Я все поняла, заледенела изнутри. Увидела взгляд слуги, который заметил меня, а я побежала за ним.

- Лиам?

Остановился и медленно повернулся ко мне. Все такое же бесстрастное лицо. Как и всегда.

Чертов робот.

- Да, Госпожа.

- Это ребёнок...Он ее? - я не могла сказать этого слух. Слишком чудовищно.

- Верно, Госпожа.

- Господи! Не надо! Отведите к нему кого-то другого. Взрослого. Она же ребенок!

Я не верила, что говорю это. Разве имеет значение кого? Или мое сознание начинает подстраиваться к этой дикой реальности. Лиам посмотрел на меня очень пристально:

- Когда для вас готовят обед, Госпожа, то заказывают молодую телятину или цыплёнка, чтобы мясо было нежным. Вы понимаете, о чем я?

Я судорожно сглотнула.

- Но это ребенок. Маленькая девочка. Как он может?!

- Это еда. Ничего личного. Для Деуса она то же, что для вас вкусный бифштекс. Научитесь не думать об этом, измените восприятие, потому что ничего другого вы изменить не сможете. Она обречена так же, как куры в курятнике или лань в силках. Её съедят. Не сегодня, так завтра. Не Нейл, так кто-то другой.

- Это чудовищно! Это так...чудовищно!

От одной мысли об этом внутри поднялась паника и тошнота. Я попятилась назад, развернулась на пятках и бросилась к кабинету Нейла.

Ворвалась к нему, забыв о страхе, забыв о том, что не имею права — вот так.

Нейл сидел за столом, закинув ноги на столешницу, и крутил в длинных пальцах бокал с виски. Тёмные волосы падали на бледное лицо, в вороте расстегнутой рубашки виднелись тонкие цепочки из черного сплава, которые контрастировали с его кожей.

Зачем я пришла? Это бесполезно, это все равно, что просить огонь не гореть и стихию не бушевать.

Казалось, он всецело увлечен рассматриванием бликов на бокале, но вдруг резко поднял голову и посмотрел на меня.

- Чем обязан? Пришла сказать спасибо за подарок? Открыла его наконец-то? Рассмотрела?

Я болезненно поморщилась. Нет, не открыла и не хотела смотреть. Как и все до него, как и все последующие за ним.

- Вижу, что нет, - взгляд потемнел, стал холодным, как лед, - я весь во внимании.

- Там... Привезли смертных...Людей... Там.

- Да, как и всегда в этот день недели. Ты еще не привыкла?

Нет! Черт возьми! Я не привыкла и никогда не привыкну к тому, чем ты питаешься. Не привыкну и не приму.

- Там ребенок. Девочка. Очень маленькая.

- И?

Не глядя на меня, продолжая крутить бокал.

- И... она не может быть..., - выдохнула, старясь унять дрожь в голосе, - не может быть едой!

- А кем, да, может? Кем, кроме десерта?

Поднял на меня глаза и словно пронизал ими насквозь.

- Она слишком маленькая. Это чудовищно! Это невыносимо! Как ты можешь?

- Так же как ты можешь пить горячий шоколад с хрустящей булкой по утрам, - резко подался вперед, - это моя сущность. Их выращивают для моего стола. Как и многие продукты выращивают здесь для твоего меню. Кстати, повар здесь только ради тебя. Он готовит по особому рецепту то, что ты любишь есть. То, что научилась есть в своем «счастливом прошлом». Я думаю, ты это оценила.

Он намеренно переводит разговор на другую тему и смотрит прямо в глаза.

- Оценила.

- Вот и умница, девочка. Иди к себе. Мне некогда сейчас.

Отвернулся и сделал глоток с бокала. Казалось, для него я уже давно исчезла из кабинета.

- Нейл, пожалуйста!

Резко обернулся, и лед изнутри запылал пламенем. Именно контрастом, внутри зрачка пламя, а радужка ледяная.

- Мне. Некогда. Сейчас.

- Нейл, она такая маленькая. Ребенок, крошечная. Ей лет десять. Она ничего не успела в этой жизни. Дети - это святое, Нейл. Дети - это будущее, это еще тысяча, сто тысяч человек в будущем. Пожалуйста...отпусти её. У нее же есть родители. Люди, которые ее любят. Ты знаешь, что значит кого-то любить? Что значит любить ребенка? Нейл...

Мои глаза наполнились слезами, а его потемнели настолько, что зрачок почти слился с радужкой.

- Тебе наплевать, - одними губами, - совершенно наплевать. Ты - чудовище!

Попятилась назад, к двери, споткнулась и, распахнув ее, выбежала в коридор. Услышала голос Лиама снизу.

- Переоденьте в белое, никаких других цветов. На десерт только белое.

О Господи! Бросилась к себе, закрылась изнутри, заливаясь слезами, меня тошнило в туалете,

скручивало пополам и беспощадно тошнило. А потом я лежала на кафельном полу и смотрела в одну точку остекленевшим взглядом. Перед глазами проносились картинки, как равнодушный Лиам выносит маленькое окровавленное тельце из кабинета Нейла.

В дверях повернулся ключ, и я приподняла голову, встала с пола и, придерживаясь за стены, вышла из ванной.

Посередине комнаты стоял Лиам и держал за руку ту самую девочку, всю в белом, с очаровательными русыми косичками и огромными зелеными глазами. Она смотрела на меня обреченно, так, словно ее уже ничего не радовало, она смирилась, и она знала, что с ней сделают. Мне показалось, что сердце разрывается от тоски. Посмотрела на Лиам, и тот протянул руку девочки мне.

- Ваш подарок, Госпожа. Нейл Мортифер приказал, чтобы её отдали вам, и вы можете распорядиться её жизнью на ваше усмотрение.

Я смотрела в глаза слуге и судорожно сглотнула, чувствуя, как пересохло в горле. На дне узких глаз Лиам я увидела нечто, чего не видела ранее - восхищение? Нет, я затруднялась понять, что именно там вижу.

Я сжала маленькие пальчики ребенка и опустила на колени, заглядывая в бледное личико.

- Как тебя зовут? - тихо спросила я.

- Подарок, - бесцветным голосом ответила она, не глядя на меня, а я всхлипнула и обхватила ее личико ладонями.

- Маленькая, никто не тронет тебя. Я обещаю. Посмотри на меня. Меня зовут Лия, и я отвезу тебя к твоим родителям.

Она быстро отрицательно покачал головой.

- Не надо.

- Почему? Разве у тебя нет отца и матери?

- Мы из резервации.

Я посмотрела на Лиам.

- Резервация для обреченных. Там живут те, кто изначально предназначен для питания Деусов. С самого рождения. Резервация преступников и осужденных до десятого поколения. Если вы вернете ее обратно, то завтра или через месяц её отвезут к кому-то другому.

Я повернулась к девочке.

- Тогда ты останешься здесь, и никто не обидит тебя, я позабочусь о тебе. Скажи мне свое имя.

- У меня не было имени, - тихо ответила девочка, - Хозяин назвал меня подарком.

Я привлекла ее к себе и обняла. Сердце колотилось в горле. Я все еще не верила, что он сделал это - пощадил её. Почему? Потому что я попросила? Не важно почему, важно, что она жива. Такая маленькая, худенькая. Я смотрела ей в глаза и гладила тоненькие косички. Девочка смотрела как сквозь меня.

- Мы придумаем тебе имя, очень красивое имя. Лиам, найдется для нее комната?

- Найдется и комната, и занятие найдется. Будет вытирать пыль по всему первому этажу. Недалеко от вашей спальни пустует помещение.

Я с благодарностью посмотрела на слугу, и тот отвел взгляд.

- Отдам её на попечение Сильвии.

Потом повернулся ко мне и тихо сказал:

- Просите...вас слышат. Вас всегда слышат. Запомните.

Когда Лиам увел девочку, я наконец-то выдохнула. Внутри происходил настоящий переворот, какой-то разрушительный ураган. Он ломал стереотипы, пока только до трещин, до легких сомнений и до странного чувства триумфа и восторга. Вышла из спальни. Несколько секунд подумала и снова пошла к кабинету Нейла. Не решаясь войти, протянула руку к ручке, и вдруг дверь с грохотом распахнулась.

Он стоял у окна, не обернулся ко мне. Ровная спина, широко расставленные длинные ноги. На секунду задержала дыхание, стараясь унять сумасшедшее сердцебиение.

- Ты все же рассмотрела мой подарок и наконец-то приняла. Я рад.

Все так же не оборачиваясь. Голос глухой, чуть хриловатый. В длинных пальцах дымится сигарета. Я медленно выдохнула и тихо сказала:

- Спасибо.

Повернулся и посмотрел в глаза, а мне показалось, что все завертелось вокруг.

- Завтра я покажу тебе, зачем ты здесь и кем ты была раньше. Немного ответов на твои вопросы.

16 глава

Полуразрушенное здание, с обшарпанными стенами и ржавыми потеками, карканье ворон где-то вверху и чувство опасности. Я поднимаюсь по разрушенной лестнице. Ступень за ступенью. Их ровно девять.

Я помню, как Нейл сказал, что я не должна идти по ступеням, я должна позвать его до того, как ступлю на первую. А я не могла. Слово в горле ком, словно там это дикое отрицание происходящего, и я в кошмарном сне, я в прострации. Только несколько минут назад я была в тренировочном центре, смотрела на помощников Нейла и слушала, что он говорит мне, но не понимала ни слова. Они называли меня проводником, говорили, что у меня какие-то уникальные способности, а я, черт бы их побрал, не была вообще уверена, что мне это не снится.

А потом мозг взорвала ослепительная вспышка, и я оказалась здесь. Где? Я и сама не знала.

Каждый шаг дается мне с трудом, словно на моих ногах висят свинцовые гири. Мне страшно. Так страшно, что по спине катится градом холодный пот. А еще я знаю, что они найдут меня...идут по моему следу, дышат мне в затылок. Они. В длинных черных плащах, с пластмассовыми лицами масок-анонима. Если догонят – убьют. Нет, не просто убьют, они будут методично пытаться меня, они будут вспарывать мою кожу на лоскуты, сжигать мои волосы, отрежут мне язык, выколют глаза, они заставят меня молить о смерти. Я знаю – они могут. Они способны на все. Нейл говорил мне, что это стражи Темного мира. Говорил, что я должна бежать, но куда, Боже, я не помнила, куда именно. И я упорно взбираюсь по высоким ступеням. Там, вверху, меня ждет избавление. Ведь должно ждать. Если есть ступени, то они куда-то ведут. Как часто нам кажется, что, если мы идем по дороге, она куда-нибудь нас выведет, а не заведет. Но чаще всего она оказывается частью чудовищного лабиринта смерти и ведет она прямым путем к финалу. В самое пекло.

По стенам здания расползаются трещины, и земля дрожит подо мной. Я вижу, как разваливаются стены, и кирпичи летят хаотично вниз, раскалываясь на куски. Один из них, пролетая, вспарывает мне плечо, и я зажимаю рану ледяными пальцами.

Мозг взрывается воспоминанием. Это уже было. Да...во сне. До того, как я позвала его. Возможно, я не должна его звать, я должна вытерпеть, и все закончится. Я проснусь в своей постели у себя дома.

Взобралась на девятую ступень и остановилась над обрывом. Смотрю вниз, и голова кружится – снег и лед, макушки елей. На дне этой бездны я сломаю себе шею, а если не прыгну, то меня схватят ОНИ. Стены пылают огнем. Языки пламени лижут кирпичи, пол, расползаются волнами по стенам. Они обжигают мои босые ноги до волдырей. Боже! Я в Аду? Огонь приближается ко мне со всех сторон, и мне остается только прыгать вниз или сгореть заживо. И я сама не понимаю, что наконец-то кричу его имя. Громко, гортанно, до боли в голосовых связках. Медленно оборачиваясь назад к огненной стене, за языками пламени я вижу мужской силуэт, вижу, как он приближается ко мне. НЕТ! Нейл! Не иди! Ты сгоришь! Пожалуйста! И я не понимаю, кричу ли я или шепчу про себя. Пусть уходит. Если мне суждено сломать себе шею на дне этой пропасти, значит так и будет. Зачем я позвала? Вижу, как пылает его одежда, и кричу, громко, отчаянно.

Смотрю вниз и в ужасе закрываю глаза, делаю шаг вперед, и в этот момент меня подхватывают сильные руки, разворачивают лицом к себе и... я встречаюсь взглядом с темно-синими глазами...

Мое сердце готово вырваться из груди. Оно то бьется, причиняя боль, то не бьется совсем. Я цепляюсь за его плечи, и у меня подкашиваются ноги. А внутри... внутри противоестественное чувство – я была уверена, что он придет за мной. Найдет даже здесь. И нет ощущения, что я вижу впервые... нет. Я его знаю... не просто знаю. А люблю. И это далеко не начало, а те самые отношения, где есть совместное прошлое: из слез, боли...из самой изощренной мучительной боли и невероятного счастья, ослепительного, ощутимого на физическом уровне. Смотрю на него... задыхаюсь, и весь мир вращается вокруг нас на бешеной скорости. Я прячу заплаканное лицо у него на груди и вдыхаю запах...

Нас выбросило обратно в тренировочный центр. Прямо перед экспертами, сидевшими возле

аппаратов.

-Все вон! Все! Пошли! Вон!

Не дожидаясь, пока они выбегут из комнаты, схватил Лию за плечи, испытывая только одно желание, свернуть её тонкую шею.

- Идиотка! Ты совсем с ума сошла?! Какого хрена ты меня ослушалась?! Почему так долго не звала?

Встряхнул её так, что голова откинулась назад, и на мгновение закрылись глаза, а когда она распахнула их, я заметил, как в зрачках снова появляется дикий страх. Чертыхнулся про себя, впиваясь пальцами в нежную кожу на плечах, заставляя смотреть на себя, понимая, что она в шоке после этого перехода.

У меня еще стучал в висках адреналин, не просто стучал, а разрывал мне вены. Я никогда в своей жизни не испытывала ничего подобного. И я все еще не могла прийти в себя после всего, что случилось, после всего, что я узнала о себе и ...после того, как Нейл спас меня. Мне это казалось невозможным. Я до смерти боялась огня. Самая страшная стихия, которая внушает мне панический ужас. И от осознания, что могла сгореть живьем, как спичка, становилось жутко.

Нейл потрянул меня за плечи, и когда я открыла глаза, то встретила с его горящим взглядом. На нем ни одного ожога, но я видела, как он прошел сквозь огонь. Видела своими глазами. Я вцепилась в его запястья. Боже! Как же я испугалась, что это проклятое пламя сожрет его, и сейчас меня лихорадило после пережитого. Зуб на зуб не попадал.

Вцепилась в мои руки, и на какую-то предательскую долю секунды я подумал, что она испугалась не меня, а за меня. Испугалась того, что я мог сгореть. Но тут же отбросил эти мысли, потому что они из прошлого. Из того прошлого, в которое она не хотела возвращаться, а я понятия не имел, как вернуть её туда насильно.

Лия продолжает молчать, и мне это не нравится. Это приводит в ярость и...приносит страх. Слишком опасным оказался этот переход, все вышло из-под контроля, и обычный тест вдруг оказался смертельной ловушкой из-за ее неопытности. Но я был слишком зол, чтобы дать нам время, я даже надеялся, что это может стать своеобразным толчком для её памяти.

- Скажи хоть слово, Лия.

Снова встряхнул её и перевел взгляд на губы. Неожиданно диким осознанием: она в моих руках, сама льнет, не отстраняясь, не отворачиваясь и пряча взгляд, как это было в последнее время. И становится до боли необходимо просто услышать её голос, убедиться, что всё в порядке.

-Скажи хоть слово, Лия.

Его голос....Он врывается в сознание и заставляет дрожать еще больше, смотрю ему в глаза и прижимаюсь всем телом сильнее. Почувствовать сердцебиение. Обязана. Не знаю почему. Должна услышать, как оно бьется, и я успокоюсь. Раскрытые ладони на его груди, и глаза в глаза....Секунды отбивают ритм в висках, и под ладонями его жизнью. Дыхание все еще срывается, все еще бешено бьется сердце.

- Ты...живой.

Мне хотелось трогать его лицо пальцами, чтобы убедиться, что действительно живой. Это был настолько сумасшедший ужас, я никогда так не боялась. Где-то в уголках сознания мелькнуло, что это могло быть частью игры...но облегчение от того, что он действительно жив, забивало все остальные мысли. А потом лезвием по нервам: "Он бессмертный, Лия, а ты идиотка".

Разжала пальцы, сжимающие его плечи, отстраняясь.... Желая только одного, чтобы отпустил, чувствуя горячие ладони на талии, понимая, что сама льну к нему и начиная осознавать, что мы здесь одни, и это опасно...Потому что моя кожа воспалилась под его руками, потому что мне уже трудно дышать от его близости...Потому что страх перетекает в возбуждение.

- Отпусти, - очень тихо, умоляя, - отпусти, пожалуйста.

Всего два слова, и я действительно воскресаю. Всего два слова на выдохе, слишком тихо, настолько тихо, что даже кажется, будто мне послышалось. Будто больное сознание выдает желаемое за действительное. Но я читаю эти слова в её глазах, я чувствую их на своей коже под её пальцами, и прижимаю холодные ладони к себе сильнее, втягивая в себя её аромат, сходя от него с ума. В висках пульсирует отчаянное желание прижаться к её губам, вдохнуть в себя её страх. Но уже в следующую секунду это грёбаное "Отпусти".

Отстранилась от меня, и сразу волна холода из ниоткуда, и я притягиваю её к себе, чтобы пропасть навечно на дне её глаз, чтобы процедить сквозь зубы, сжимая талию руками:

- Меня бесит слово "Отпусти"! Никогда не смей его произносить! Забудь о нем! Потому что НЕ ОТПУЩУ!

И наброситься на её рот, сминая губы, раздвигая их языком, врываясь в горячую глубину, исследуя небо, зубы и рыча, когда она начинает отвечать мне, сплетая наши языки. Выпивать до дна её дыхание, не оставляя ни капли, умирая от простого поцелуя, ощущая, как моментально каменеет член в штанах, как напрягается её тело в моих руках. Сейчас я чувствовал, что если она снова оттолкнёт меня, то я сдохну...или убью её..

Отстранился, чтобы улыбнуться её затуманенному взгляду и тут же снова впиться в губы, не давая опомниться, запуская руку под кофту, жадно, грубо сжимая упругую грудь, большим пальцем дразня сосок.

Понимая, что готов кончить, словно подросток, только от этих прикосновений. наших первых прикосновений после стольких лет. После того, как мучительно долго жаждал этого и вспоминал об этом.

Впился в мой рот, и я поняла, что все. Я не могу больше сопротивляться, больше не могу противостоять ему и себе одновременно. Это слишком непосильно для меня, особенно когда его губы сминают мои, и в легкие врывается запах его дыхания. Вместе с жадным языком, и я отвечаю со стоном, с изнеможением от капитуляции. Когда понимаю, что обезумела в эту же секунду, как отпустила себя, сорвалась, полетела в пропасть. На дно его глаз, в космос его демонов.

Отстранился, а у меня ломка. Мгновенная с интервалом в секунду, с болью от расставания на миллиметр. Не думать...чувствовать. Необратимо и необходимо, как дышать, тянуться за его губами и ощущать, как сжимает грудь, как ласкает мгновенно затвердевший сосок, заставляя выгнуться, заставляя застонать и зарыться дрожащими пальцами в его волосы. Слишком долго хотела, слишком долго представляла...о Боже, и не только представляла...От одной мысли, что он реально со мной, что сейчас его ладони ласкают мое тело и ...это не иллюзия, не фантазия...я отчаянно до дикости хочу узнать, что это такое быть с ним по-настоящему.

Проклятая ткань, от которой тело не просто зудит, она словно оставляет глубокие борозды на теле, не позволяя почувствовать, насколько горячая кожа у Лии. И я сдираю с неё кофту, разрывая её и посылая к чертям собачьим, туда же отшвырнув и лифчик. Чтобы склониться и прикусить зубами сосок, сатанея от тихого вскрика, от тонких пальцев, перебирающих мои волосы, от запаха её возбуждения, сносящего все тормоза, заставляющего рычать в унисон с её рваным дыханием.

Оторвался от неё, чтобы подтолкнуть к столу, приподнять за бёдра и усадить на него, смахивая ладонью бумаги, папки, компьютеры. Лихорадочно задираю её юбку, проникая ладонью за резинку трусиков, не сводя взгляда с её лица, с румянца, расползавшегося по щекам, по шее, с упругой груди и торчащих сосков, дерзко требующих ласки. И я склоняюсь, прикусываю твёрдую вершинку, чтобы тут же отстраниться и подуть на неё, в то же время раздвигая пальцами складки плоти между ног.

- Такая мокрая, моя девочка. - вдохнул полной грудью терпкий запах её желания.

Положил её ладонь на член.

- Чувствуешь, как сильно я хочу тебя, Лия?

Проскользнул пальцем в тесное лоно, сцепив зубы, чтобы не закричать, не завывать триумфальную песню. И снова к груди, лаская и терзая твёрдые камушки сосков губами, вгрызаясь в них зубами. Так, чтобы зарычать только от её аромата, от вкуса на языке, слизывая алую дорожку с белой кожи.

Вытащить палец из неё, чтобы ворваться уже грубо, намеренно жёстко двумя, вынуждая её выгнуться, надавливая большим пальцем на клитор. И подыхая от едкого желания оказаться в ней по-настоящему. Я хочу всё, много, крики, стоны, оргазмы. Много и для меня.

Слышу треск материи, чувствую, как нетерпеливо сдирает одежду, и у меня все тело горит от желания, что бы снял все. Чтобы остаться полностью обнаженной, чтобы чувствовать его каждым кусочком тела. Прикосновения имеют память. Еще больше, чем глаза.

Прикосновения оставляют следы навечно, и я хотела его пальцы везде. На мне, во мне. Это была осознанная бешеная похоть на грани безумия, выстраданная годами. Тело наполняется болью от желания, потому что я на пределе только от осознания, что я с ним. Все сомнения становятся ничтожными, мелкими, глупыми.

Ладони Нейла скользят по голой коже, губы пожирают каждый миллиметр, прикусывая соски, вызывая ответный шквал сумасшествия и меня лихорадит. Подталкивает к столу, резко усаживая на край, проникая под юбку голодными пальцами и я чувствую этот голод физически. Он витает в воздухе, раскаляет его до кипятка, чтобы обжигать легкие хаотично рваными вздохами, выдохами-стонами. И снова его губы на груди, а мне уже хочется кричать от нетерпения, и мои руки лихорадочно сдирают с него одежду, чтобы прикоснуться к нему, ощутить кожу под кончиками пальцев, под ногтями. Оставить на нем следы, пусть ненадолго. Отдать боль, причиняя ту боль, которую я испытывала каждый день, каждую секунду, желая его так долго и так отчаянно.

Чувствую, как проникает рукой между моих ног, раздвигая складки горячей плоти, под бешеную пульсацию, по нескончаемой влаге.

- Такая мокрая, моя девочка.

И слова только подхлестывают желания, как острые лезвия, как самая бесстыжая и наглая ласка, как проникновение. Только слова, только его голос, и я чувствую, как первые волны наслаждения окатывают все тело.

Прижал мою ладонь к своему паху, и я сжала пальцами напряженный член, закатывая глаза, потому что уже мысленно приняла его в себя. Глубоко, резко. Скулы свело от предвкушения. Проник в меня пальцами, и я вскрикнула, непроизвольно сжимаясь, чувствуя, как трясет крупной дрожью. Резкая боль от укусов в напряженных сосках, и тут же порхание его языка и рычание, и хриплые стоны с шумным дыханием. Чистое безумие. Его и моё.

Врывается в меня двумя пальцами. Грубо, сильно, растирая пульсирующий, набухший клитор, и меня накрывает, точка невозврата взорвана, распахиваю ноги шире, двигая бедрами навстречу, насаживаясь на его пальцы, чувствуя изнутри умелые толчки и ласку. Он точно знает, как ласкать меня, чтобы заставить сорваться. И всхлипывая его имя, притягивая к себе за волосы, чтобы отдать крик, чтобы сожрал его, пока я извиваюсь от оргазма в его руках, ослепленная, оглушенная яркостью экстаза.

Не позволяя ей отстраниться. Впиваясь в неё. До боли в губах. До синяков на бёдрах. Вырывая первый крик. Поглощая его. Чувствуя, как она истекает влагой на моих пальцах, как судорожно сжимает их лоном в спазмах оргазма. В диком нетерпении спустить её на пол, разворачивая к себе спиной, подтолкнуть вперёд, вынуждая опереться руками на стол и раздвинуть ноги шире.

Торопливо расстёгиваю брюки и наматываю густые волосы на руку, чтобы оттянуть голову назад, врываясь в неё до упора. Резко. В унисон моё рычание и её громкий крик. Наконец-то оказавшись в ней! По-настоящему! Слишком долго я не был в ней! Я соскучился, по этому, Лия! Я не знаю, как я не сдох без тебя за это время!

Чувствую, как она плотно обхватила меня изнутри, слышу её хаотичное дыхание и запах слёз, и в груди бешеное, неуправляемое желание услышать её рыдания. Плачь, малыш. Я обожаю

твои слёзы, обожаю слизывать их языком с твоих щёк. Сладше только твоя кровь. Ты не готова принять сегодня все то, что я могу дать и взять. Потом я возьму больше, позже я снова научу тебя отдавать мне свою боль...А сейчас я жажду твоего наслаждения. Я слишком голоден. Сжал рукой грудь, начиная двигаться, шумно выдыхая сквозь зубы, выходя из неё полностью и тут же вдальбливаясь в соблазнительное тело. Заставляя прогнуться ещё больше, принимать меня ещё глубже. Никакой нежности, Лия. Только оставляя отметины. Зубами вгрызаясь в шею и теряя контроль лишь от капли крови, попавшей в горло. Сминая ладонью живот, проскользнуть между ножек и сжать клитор. Ты готова взорваться снова. Чувствую пульсацию под пальцами и сжимаю ещё сильнее. Да, девочка, кончи для меня ещё раз, потому что я на грани. Заставь обезуметь от твоего экстаза. Повернув её к себе, впиваясь в шелковистые волосы на затылке, заглядывая в пьяные глаза, прошептать в самые губы приказом:

- Кричи, малыш!

Развернул спиной к себе, а у меня ноги подгибаются от слабости и от желания, от ожидания вторжения. Толкает вперед, животом на стол, опираюсь на руки, прогибаясь и дрожа всем телом и вскрик удовольствия, извращенного удовольствия, почувствовать, как наматывает волосы на руку, тянет назад, заставляя прогибаться, пульсировать, трястись от желания получить в себе, отдаться полностью, позволить и покорно принять, открыть рот в немом крике, когда вошел. Затуманенным взглядом, через море страсти, в глубину себя...осознанием, что хочу его до сумасшествия. И сорваться на крик, одновременно с его хриплым триумфальным рычанием. Первый толчок внутри раскаленной плоти по раскаленной плоти. Жестоким трением, вышибая искры из глаз. Обжигая и выжигая, помечая, оставляя свой запах проникновения, растягивая меня до боли, вбиваясь на всю длину и давая почувствовать эту мощь изнутри, выходя полностью и снова врываясь до предела, так, что живот скручивает от возбуждения, и в горле клоочет рыдание, ощущая каждую вену и рельеф его плоти во мне. Слезы катятся по щекам. Это не могло быть лучше, чем есть, потому что в миллиарды раз лучше, чем я представляла. Это больше чем секс, жадная потребность, Животная страсть, звериный голод.

Вгрызается клыками в шею, проникая резче, жестче, быстрее. Безжалостно быстро, слишком быстро. В одном темпе, увеличивая, не снижая, не жалея, поднимая амплитуду толчков до оглушительного взрыва. Почувствовала его пальцы на пылающем клиторе, грубое умелое сжатие, разрывает возбуждение в ослепительную стихию и властный приказ от которого трясет и закатываются глаза:

- Кричи, малыш.

Да! Кричать! Для него! Под ним. Снова и снова. Это же так естественно, чтобы оргазм сплетался только с его именем, острые иглы наслаждения, пробивающие буквы. Четыре буквы. Н-Е-Й-Л.

Замереть на секунду перед агонией и забиться в судорогах ослепительного урагана, который сметает все, вместе со слезами по щекам, вместе с хаотичным движением бедер навстречу его плоти, судорожно сжимая его изнутри. Быстро и сильно. Так же быстро, как он двигается во мне, не отпуская ни на секунду, продлевая муку наслаждения, разбивая каждый осколок экстаза еще на более мелкие частицы, на атомы чистейшего кайфа.

Взрыв. Мощный. Беспощадный. Словно атомный реактор. И после него меняется всё. Ни одного выжившего. Ни единой мысли. Только наши тела, сплетенные накрепко, прошиты между собой красными нитями. И я вижу эти нити, как только открываю глаза. Они горят ярким цветом на её коже, рваными стежками переходя в моё тело.

Моя зависимость от неё. Она вернулась. Она, блядь, вернулась именно сейчас! Потому что это было самое правильное за последние семнадцать лет! Мы вместе! Я в ней! И она, дрожащая, обессиленная в моих руках. Не отворачивая головы, удерживая мой взгляд. Она не знает, но её тело помнит, как я люблю её брать. И оно отзывается так, что хочется раскрошить руками стол...Хочется сжать ещё сильнее упругие бёдра, до крика. Потому что МОЯ! Теперь точно моя!

Развернул её к себе лицом, прижимая к груди, зарываясь лицом в спутанные волосы.

- Люблю тебя, малыш. - одними губами. Беззвучно. Не хочу, чтобы слышала.

Отстранилась, осторожно освобождаясь от объятий, чувствуя, как к щекам приливает краска. Посмотрела на него - улыбался, триумфально, до боли красивый, до невыносимости, и глаза светлые-светлые, лед растаял, а у меня внутри все сжимается от понимания, что я слишком беззащитна сейчас, он может делать со мной что угодно. Как кукловод с марионеткой, управляя мной прикосновениями пальцев, голосом, взглядом.

Нейл набросил на меня свою рубашку, укутывая в черный шелк, пытаюсь привлечь к себе, а я уперлась руками ему в грудь, отворачиваясь, избегая смотреть в глаза. Взял за подбородок и приподнял мое лицо.

- Что такое, малыш? Посмотри на меня.

Не могу смотреть. Потому что вижу там свое отражение, свое бледное лицо, растрепанные волосы, свое падение к его ногам. Там в его зрачках я стою на коленях, потому что он этого хочет, я протягиваю ему конец цепи и склоняю голову, чтобы надел ошейник. Я ничего не помню, не знаю, каким образом он имеет такую власть надо мной. Мне страшно. Я боюсь себя, я боюсь его. Мне хочется бежать, как можно дальше, и спрятаться, забиться в угол и лихорадочно разбираться в себе. Кромсать свою память, эмоции резать на клочки и квадраты, чтобы собрать новую картинку, чтобы понять себя. Самое страшное не понимать именно себя. Казаться себе чужой, незнакомой, не такой, как всегда. Это все равно что увидеть в зеркале не свою копию. Смотреть в блестящее стекло, рыдать от бессилия в тот момент, как твое отражение улыбается, изнемогает от пережитого кайфа, лениво потягивается, удовлетворенное и измотанное насаждением. Да, оно похоже на тебя...но оно не ты. И с Нейлом всего пару минут назад была не я. Потому что я никогда и никого не хотела так дико, я никогда не была способна на этот ментальный апокалипсис вожделения. Одержимо и необратимо, как последний вздох, как глоток воздуха перед смертью, так он был мне необходим. Но разве можно настолько хотеть, если не знаешь, если не любишь...Или люблю? Нет! Я не могу его любить! Хочется трясти головой, отступить назад, на горящий мост, шаг за шагом назад. Нельзя любить того, кто не умеет и ничего не даст взамен, нельзя убивать себя так быстро, так безжалостно. Я никогда не теряла контроль, а с ним нет никакого контроля. Он весь у него. И это страшно. С ним я - это не я. Потому что мне хочется стоять на коленях...и это НЕ НОРМАЛЬНО!

- Отпусти меня, - тихо, жалобно, - отвези домой. Пожалуйста.

Его руки разжались, а я покачнулась, чуть не упала. Ноги подкашивались, тряслись.

Увидела, как сильно сжались челюсти Нейла, как заиграли на скулах желваки.

- Что не так? Боишься меня? Было больно? Что не так, малыш? - избегая взгляда, не смотреть. Не смотреть на себя, такую жалкую в его глазах, покоренную и надломленную.

Господи! Все не так! Я не та, не там, не так! Нейл брал не только мое тело, он проникал в мою душу, ее он тоже ласкал пальцами, терзал, помечал когтями и клыками, жадными горячими губами, пронзал толчками плоти. Он брал меня всю. И это не ТАК. Потому что я не хочу этого. Потому что я не готова отдавать так много.

Я посмотрела на него затуманенным взглядом, чувствуя, как они наполняются слезами.

- Мне нужно побыть одной.

Прищурился. Долгий взгляд. Очень тяжелый. Невыносимый. Хочется зажмуриться и стать очень маленькой, незаметной.

- Ты побудешь одна. Ты побудешь одна так долго, как я решу. Только хватит лгать себе и прятаться от себя. Моего терпения тоже надолго не хватит, - дернул к себе за ворот собственной рубашки, - ты хотела меня, ты жаждала меня, ты отдавалась мне и орала мое имя. К чему сейчас разыгрывать спектакль? Чего ты боишься, Лия?

- Тебя! Себя! Я не хотела! Я просто сильно испугалась! - истерически, громко, срываясь на слезы, - Ты заставил меня! Ты каким-то дьявольским образом забираешься ко мне в мозги и заставляешь хотеть тебя, заставляешь быть иной, не мною. Все не настоящее, и секс с тобой был не настоящим. Ты взял сам. Это иллюзия. Ты создаешь ее во мне, потому что я слишком слабая, а ты сильный. Ты пользуешься мной. Я бы никогда не попросила! Потому что ты ужасаешь меня! Ты воплощение всего, чего я боюсь. Ты - смерть. Как я могу хотеть тебя? Это так же противоестественно, как желать боли. Когда ты прикасаешься ко мне - меня трясет от ужаса и от желания одновременно.

- Достаточно! Хватит!

Резко оттолкнул от себя и я пошатнулась, сжимая руками ворот его рубашки, пряча наготу.

- Противоестественно хотеть боли? Когда-то ты молила меня причинить тебе боль, чтобы твое наслаждение было ярче. Да, ты была податливой и голодной до той боли, которую я мог выбивать из тебя вместе с оргазмами.

- Ложь! Не верю ни одному твоему слову. Это не нормально! Я не могла быть такой! То была не я!

- Да! Не ты! Не ты, мать твою! - смотрит в глаза, и его взгляд становится слишком страшным, на дне синего пламени я вижу свою смерть, - А где они пределы нормальности? В твоём «счастливом прошлом»? С ним? Там все было нормально?

- Да! Все было так, как должно быть! В моем мире не было таких монстров, как ты!

Нейл вдруг резко прижал меня к стене за горло и его глаза загорелись дьявольским огнем,

обещая мне все муки ада.

- Да, монстр, Лия. Жуткая тварь. Чудовище. Все верно. Каждое слово. И да это не ты. Это фальшивка! Оболочка пустая. Внутри тебя звенит пустота! Потому что ты, другая...Она любила монстра!

- Она, но не я. Я не люблю тебя! Ты хочешь то, что я не могу тебе дать!

- А ему, - приблизил лицо к моему, выдыхая ярость, обжигая ею кожу, - ему давала?!

- Да! Ему давала и дала бы еще, потому что он настоящий! Но ты все разрушил, искалечил мою жизнь, решил распоряжаться мной...

Замахнулся и я зажмурилась, ожидая удара, словно уверенная, что ударит, но кулак врезался рядом с моим лицом, заставив вздрогнуть.

- Я. БУДУ. РАСПОРЯЖАТЬСЯ. ТОБОЙ. ПОТОМУ ЧТО ТЫ МОЯ!

От яростного рычания в помещении задрожали стены. Резко разжал пальцы и добавил

- Моя, пока я не решу иначе. Смирись!

Я медленно сползла по стене на пол.

Нейл вышел из помещения, шваркнув дверью с такой силой, что посыпалась штукатурка. Спустя пару минут за мной пришел Лиам. Протянул руку, помогая подняться. Он молчал, и я молчала, меня все еще лихорадило. В машине я посмотрела на слугу и тихо спросила:

- Скажи мне, Лиам, скажи, пожалуйста, кем я была для него? Я должна это знать. Я больше никогда не спрошу. Кем. Я. Была. Для. Него?

Медленно повернулся ко мне.

- Всем и никем.

Стало страшно, так страшно, что захотелось заплакать, как ребенку.

- Он не отпустит меня?

- Не отпустит. Скорее он вас убьет.

В его голосе прозвучало сожаление, а я отвернулась к окну. Дежа вю...только картинки слишком разные.

Словно я писала строчки красными чернилами... а они проявились черными. Мои строчки о нем. Вымысел красивее реальности, потому что реальность уродлива в своей обнаженной искренности. Любовь не всегда переливается яркими красками... если смешать все оттенки вместе - вы получите черный. Только по отдельности они могут быть разными. Моя палитра смешалась, растворилась. Если я и любила Нейла Мортифера, то цвет моей любви - черный. Цвет моей любви к нему - это смерть...Смерть меня прежней. А я не хочу умирать. Но разве кто-то спросит моего мнения? Мой убийца уже нанес первые мазки на палитру моих эмоций и рано или поздно он закрасит весь холст, мне остается только ждать, когда. Холст не выбирает художника, так же, как и не знает, когда рисунок будет закончен, он удовлетворит творца, или тот сожжет неудачный шедевр.

Я металась по квартире, как загнанный в клетку зверь. Нет, меня не заперли, и я не испугалась слов Руслана, но каждый раз, когда подходила к двери в твердой решимости уйти, протягивала руку, чтобы открыть её, и не могла. Сделать тот самый шаг в никуда за порог дома, а на самом деле - за порог наших отношений и нашей любви. Поставить окончательную жирную точку на всем. Когда еще какая-то тоненькая ниточка держит рядом с ним, тонкая и очень хрупкая, и когда понимаешь, что она последнее, что осталось от всего, что держало вас вместе, вдруг становится страшно.

Он вернулся вчера вечером. Руслан просто демонстративно пробыл дома до самого утра. С кем-то разговаривал, потом смотрел телевизор. Я приготовила ужин, но с ним вместе за стол не села.

За весь вечер он сказал мне всего одну фразу, когда зашел ко мне на балкон, пока я курила и пила очередную чашку кофе, глядя на облетающие с деревьев листья.

- Запомни, у меня ничего с ней нет и не было. Это формальность, которую я очень скоро решу. Я даже не живу с ней в одной квартире и не вижу ее месяцами. Просто подумай об этом, Оксана.

Молчание дается труднее всего, особенно когда хочется кричать, говорят, это самое сильное психологическое насилие, а я бы назвала это высшей точкой мазохизма, потому что мне хотелось бить посуду, вопить, выгнать его к чертям, а я молчала. Как все просто. Он все решит, а я должна ждать, когда он это сделает. Мне казалось, если я заговорю - это будет конец, и я скажу необратимые вещи. Видимо, сейчас я еще не была готова их произнести. Я все еще была готова ему поверить. Может, все именно так, как он говорит... Может, все же стоит дать нам шанс и посмотреть, как он поступит.

Весь день я мерила шагами квартиру, пока наконец-то не решила дать ему немного времени. Подождать, что будет дальше. Успокоиться и позволить Руслану доказать мне, что он не лжет. Я вернулась в гостиную и села на диван, закурила, глядя в одну точку. В сумочке завибрировал сотовый, и я автоматически потянулась за ним. На дисплее незнакомый номер - ответила.

- Ксюш?

На мгновение замерла... не веря собственным ушам.

- Это Сергей.

Конечно, я его узнала. Не могла не узнать, ведь как-никак слышала этот голос семнадцать лет подряд каждый день.

- Я узнала. Привет.

- Привет.

Повисла пауза. Мы очень давно не общались, и долгое время он мне и не звонил. Не требовал встреч с Ваней. Я помню, как пыталась дозвониться на его старый номер, но тот оказался отключенным. Потом и у меня самой сменились все номера. Руслан часто менял симки, как и сами аппараты.

- Как ты узнал мой номер, Сергей?

- Хотел узнать и узнал.

Я усмехнулась. Вот уж действительно, когда мой бывший муж чего-то хочет – он этого добьется. Проблемой нашего брака было то, что он уже давно и ничего не хотел, хотела только я, а для совместной жизни это ничтожно мало. Как игра в одни ворота. Как интересно... а ведь я до сих пор его обвиняю. Вот так, с разбегу. Слово тут же при воспоминании о нем ищу себе оправдания и конечно же нахожу.

- Почему вдруг сейчас, а не полгода назад?

- Потому что сейчас я уже намного больше похож на человека, Оксана.

Внутри что-то дернулось, похожее на жалость. Не так-то просто стать равнодушной к тому, о ком заботилась сама столько лет. И я прекрасно поняла, что он имел в виду, чтобы не переспрашивать почему.

- Ваня еще помнит меня?

Медленно выдохнула, и как всегда болезненный момент. Да, Ваня его помнил. Это поначалу мне наивно казалось, что он примет свою новую жизнь, что привыкнет к Руслану и забудет о Сергее. Не то, что я этого хотела, но кто пережил развод, и чей бывший муж не стремится к общению со своим ребенком, а он вел себя именно так, поймут меня. Но для ребенка ничтожно мало просто играть с новым мужчиной мамы в футбол, покупать дорогие игрушки, чтобы он начал считать его отцом.

Ваня все чаще и чаще спрашивал о Сергее, скучал, с какой-то маниакальностью прятал все те вещи, которые подарил ему папа. Он страдал, а я страдала вместе с ним. И прекрасно понимала, что как бы Руслан ни старался, он не заменит Ване отца.

- Конечно, помнит, Серёжа. Помнит, несмотря на то, что ты решил не вспоминать о нем почти год, хотя я не ограничивала тебя в общении, и мы решили, что ты будешь забирать его к себе раз в месяц на неделю. Но ты так ни разу и не позвонил.

Сергей тяжело вздохнул, и я услышала, как он чиркнул зажигалкой. Вдруг так отчетливо увидела его самого с сотовым в руках на балконе, как он слегка прищурился от того, что дым попал в глаза. Раньше я могла отобрать у него сигарету и выкинуть, а потом дразнить, что у него нет силы воли бросить.

Были времена беззаботности... они потом исчезли в пелерине повседневности моей ненависти ко всему, что касалось Сергея. Потом меня раздражало буквально всё.

- Я не хотел, чтобы он видел меня таким, - Сергей выдернул меня из воспоминаний.

- А что изменилось сейчас?

- Много изменилось. Мы можем встретиться?

- С Ваней? Конечно. Ну, не в ближайшие пару недель, но да. Вы можете встретиться, когда у него начнутся каникулы.

- С тобой, Оксана. Я знаю, что ты приехала.

Нахмурилась, чувствуя, как упускаю что-то важное. Например, то, как он может об этом знать, если я никому не говорила и никому не звонила.

- Откуда ты знаешь?

- Я же говорю – очень многое изменилось. Нам надо поговорить, Оксана, и не по телефону.

Я подумала о том, что пригласить его сюда будет безумной идеей. Значит, можно встретится где-нибудь на нейтральной территории. Я же в конце концов не под арестом.

- Давай встретимся. Скажи где – я приеду.

- Зачем придумывать разные места – давай, на нашем месте. Помнишь его?

Я на секунду отчетливо увидела то самое кафе, где мы с мужем в наши лучшие времена так любили перекусить и просто посидеть вместе. Ностальгия. Даже несмотря на то, что все уже кончено.

- Конечно, помню. Давай там. Во сколько?

- Через час сможешь?

- Да. Смогу.

Я отключила звонок и долго думала, сохранить ли номер в памяти телефона, но так и не сохранила.

Через полчаса я уже сидела в такси и искренне надеялась, что шестерки Руслана не едут за мной по пятам. А в принципе, даже если и едут...Я имею право видеться с отцом моего ребенка. Мне нечего скрывать. Пусть знает об этом. Я с некоторых пор тоже много чего знаю.

За весь этот год я почти не задумывалась о том, что происходит с Сергеем. Я словно кинулась в омут с головой, полностью погруженная в новые чувства, в нового мужчину, которого жаждала всем сердцем. И вдруг сейчас с удивлением поняла, что Сергей мне не безразличен. Вот именно сейчас более трезвым взглядом на все, без сумасшедших эмоций, когда он мешал мне быть с Русланом. Когда являлся серьезным препятствием и раздражителем. Услышала его голос и поняла, что какая-то часть сердца все равно ностальгирует. Что я даже соскучилась по нему и хочу увидеть, что мне не все равно, что с ним, как он живет и как устроился.

И в глубине души даже стало странно, что он уже чужой, что я прожила с человеком семнадцать лет, и вдруг он совершенно больше не связан со мной.

Человек, с которым спала в одной постели, ела вместе на кухне, покупала в наш дом еду. Мы больше не семья, он больше не мой муж. Он мне никто. За эти два года я почти не думала об этом, возможно, потому что не видела и не слышала. Люди не любят чувствовать себя виноватыми. Им это мешает жить, спать, есть. Чувство вины очень тягостное и тяжелое, иногда и вовсе неподъемное. И если раньше я всячески искала себе кучу оправданий, искала в нем кучу всяких изъянов, то сейчас я уже прекрасно понимала, что и сама виновата. Очень сильно виновата перед ним... и все же всегда продолжала себя оправдывать.

Я вышла из такси, оглядываясь по сторонам в поисках бывшего мужа, и когда заметила, не поверила, что это он. Сергей сильно изменился. Словно я вижу кого-то очень сильно похожего, но не его самого. В модном коротком пальто с высоко поднятым воротником, фирменных

брюках и туфлях от известного бренда.

Но больше всего поразил он сам, словно вдруг из того невзрачного, серого человечка, который таскался по выходным на рыбалку в старой куртке и стоптанных кроссовках, а по вечерам ходил по дому в семейных трусах, он превратился в стильного мужчину. И я была рада видеть его именно таким, ведь мое воображение рисовало мне его опустившимся, спивающимся, заросшим и в очередной раз забывшим сходить в парикмахерскую. Где-то в глубине души стало обидно, что когда мы были вместе, таких метаморфоз не происходило. От этого Сергея пахло дорогим парфюмом, и его новая прическа очень ему шла. Я посмотрела ему в глаза и снова почувствовала вот это самое в груди – ёк. Глаза такие родные. В уголках морщинки знакомые, и на лбу шрам еще с юности. Только в нем появилась какая-то холодность, ощутимая почти физически. Наверное, так и должно быть. Мы ведь теперь совершенно чужие, несмотря на общие воспоминания и общего ребенка. Он больше не должен казаться мне близким и понятным.

- Развод тебе к лицу, - улыбнулась я, но Сергей не улыбнулся.

- Тебе тоже, - серьёзно сказал он, - ну что, идем?

Я кивнула и вдруг поймала себя на совершенно идиотской мысли, что чуть не взяла его под руку, как когда-то. Поистине, человек соткан из условных рефлексов и еще долго помнит то, к чему привыкал годами. Оказывается, нам далеко не всегда трудно отказаться от самого человека, нам трудно отказаться и от того мира, который он создает вокруг нас. От вибрации его голоса, от слов, которые он говорит почти каждый день, и мы со временем понимаем, что тоже ими заразились, от наших общих воспоминаний. От того, что мы создавали вместе. Я отказалась и теперь понимала, что в какой-то мере скучаю по всему этому. Наверное, это ненормально, но да, скучаю. Это все равно что приехать в район, в котором жили в детстве, и пройтись по знакомым улицам, даже если уже твердо не намерен там жить... а ведь всегда пульсирует мысль, что именно там было когда-то хорошо или пусть даже и не было, но все равно тянет.

Мы зашли в скромное кафе, и я не сдержала улыбки - как здесь все изменилось и в тоже время осталось прежним, и мы сели за тот же столик, что и много лет назад.

- Мы последний раз были здесь еще до рождения Вани, - тихо сказала я и подумала о том, что потом он больше не находил на это ни времени, ни денег. И вдруг спросила саму себя: «А Руслан находит?». Сейчас, спустя два года все так, как и было вначале? И не захотела себе ответить. Нам не всегда нравятся те ответы, что мы даем про себя на свои же вопросы, а ведь иногда они самые правдивые.

Сергей помог мне снять пальто, повесил на спинку стула и сел напротив. На какие-то минуты повисла пауза, и когда к нам подошел официант, я все еще рассматривала его и не понимала, почему раньше он казался мне таким в доску простым, а теперь почему-то кажется, будто я и не знала его никогда. Или я в совместной жизни привыкла видеть его в целом, не замечать мелочей. Я где-то читала, что, когда мы видим каждый день одну и ту же картинку, наш мозг запоминает ее, и в следующий раз он не прикладывает усилий, чтобы рассмотреть - он выдает старую. И так снова и снова. Например, я забыла, что у него очень глубокий взгляд, и что ему всегда шла легкая щетина, забыла, что мне нравилась горбинка на носу и густые волосы, которые он раньше либо очень коротко стриг, либо забывал о парикмахерской совершенно, но ведь были времена, когда мне нравилось в нем все.

- Ну как ты? Где сейчас? – спросила я, обнимая пальцами чашку кофе, согревая руки.

- Устроился в компанию Лешакова Дмитрия Олеговича.

Я резко вскинула голову и встретилась с ним взглядом – ожидает реакции.

- Да, того самого, на чьей дочери женат твой Руслан.

Взгляд Сергея остался непроницаемым, а я почувствовала, как от напряжения вдруг затекла спина. Только суметь скрыть это напряжение от него. Впрочем, он никогда не умел меня чувствовать, вряд ли почувствует и сейчас. Как быстро начал разговор. Отрезвил от воспоминаний и вернул в реальность, где я променяла семью на человека, который два года водил меня за нос. Показывает мне, что знает об этом.

- И как на новом рабочем месте?

Всем своим видом давая понять, что его осведомленность не сбивает меня с толку, и я сама прекрасно обо всем знаю.

- Ты мне лучше скажи – оно стоило того, Оксана? Разбить нашу семью, чтобы даже не построить новую? – откинулся на спинку стула и постучал зажигалкой по столешнице, поворачивая ее в пальцах – обручальное кольцо так и не снял.

- Так, значит, вот о чем мы должны поговорить? Если так, то я не намерена это обсуждать с тобой. Я осведомлена обо всем, что касается Руслана, и как-нибудь сама разберусь в своей личной жизни.

- Ты до сих пор в ней не разобралась, Оксана. А твоя жизнь касается и меня, потому что у нас сын и твой..., - он подыскивал нужное слово намеренно долго, чтобы унижить, а я понимала, что таки да, таки я его не знаю. Не знаю Сергея таким. Он раньше не был способен ударить побольнее.

- Руслан ставит под угрозу не только свою собственную жизнь, но и жизнь нашего сына тоже, а это уже касается и меня.

Я медленно сделала глоток из чашки.

- И что? Если ты думаешь, что сообщил мне какую-то особо секретную информацию – то ты ошибаешься, Сергей. Когда я уезжала в Валенсию, ты дал на это согласие и отпустил со мной Ваню.

- Я думал, ты будешь счастлива! Я думал, Оксана, что ты побудешь там одна и вернешься. И никто тогда не знал, что твой... Что Он жив.

- Теперь довольно поздно думать об этом, ты не находишь? Мы все решим. Все проблемы. И я не хочу обсуждать Руслана с тобой. Я вообще не понимаю, что ты хочешь мне этим сказать.

- Конечно... не хочешь. Ведь так больно разочаровываться в ком-то, кому всецело доверял, а оказалось, что тебе просто долгое время лгали. Я прекрасно тебя понимаю.

Я отвернулась к окну и смотрела, как по лужам моросит мелкий дождь. Ударил снова. Метко. Прав. Заслужила.

- Ты в курсе всех дел Руслана? Знаешь, что вообще происходит?

Я уверенно посмотрела Сергею в глаза:

- Конечно.

- В таком случае ты должна знать, что его компания на грани банкротства, что отец оставил массу долгов после себя, и эти кредиты выбивают из Руслана и скоро начнут требовать иными методами.

- Я думаю, он справится с любой проблемой, - уверенно ответила я, потому что именно в этом действительно не сомневалась.

- Не уверен.

- Зачем ты меня позвал? Рассказать о том, что ты все знаешь? Молодец. Я восхищена твоей осведомленностью. Или затем, чтобы принизить меня? Так это не так просто сделать. Я знаю обо всем, что касается Руслана, и что бы он ни сделал - это на наше с детьми благо.

- Ты сама-то себе веришь? Такая взрослая и такая наивная. Я бы все же несколько раз подумал, прежде чем доверять человеку, который спит с тобой, а на людях появляется с совершенно другой женщиной, а тебя скрывает от всех. Но это твой выбор.

- Например, где появляется? - спросила я и отодвинула от себя чашку.

- Например, на банкете в честь немецких предпринимателей, которые приехали заключить с ним сделку. Ведь он должен быть там со своей парой, но это явно не ты, Оксана! Я так понимаю, что об этом ты не знала.

- Знала, - эхом повторила я, а сердце ухнуло вниз.

- Значит, знала и о том, что если они заключат договор, то им обоим придется уехать на время в Германию?

Я вдруг резко посмотрела на Сергея.

- К чему все это? Унизить Руслана в моих глазах, очернить, посеять сомнения? Зависть и ревность?

- Сомнения? Шутить? Конечно, никаких сомнений - ты безумно любима женатым мужиком, и ему хватает бабла содержать вас обеих. Считай это чем хочешь, но он воспитывает моего сына как ни крути... а Ваня знает, что у Руслана другая женщина?

Я вскочила со стула и принялась лихорадочно надевать пальто.

- Я больше не намерена говорить об этом.

Но Сергей вдруг схватил меня за руку и сильно сжал.

- Оксана, я не для этого тебя позвал. Это скорее отголоски эмоций. Я просто хочу, чтоб ты знала - Руслан не говорит тебе всей правды, и вам угрожает опасность. Понимаешь? Не только ему, а вам всем!

Можно подумать, я этого не знаю. Знаю. Отлично знаю, и не надо бить меня этим снова и

снова.

- Сергей, что ты хочешь от меня услышать?

Он усмехнулся вдруг совсем иначе, с какой-то горечью.

- То, что я хочу услышать, ты мне уже никогда не скажешь. Я просто хочу, чтобы ты очнулась немного от своего помутнения рассудка и поняла, что мир не вертится вокруг твоей страсти, чтобы подумала и о сыне. О дочери своей.

- Бессмысленный разговор, Сергей.

- Вижу, что бессмысленный, Оксана. Просто, когда он обретет для тебя смысл, может быть уже поздно.

- Я позвоню тебе сама, когда буду в Валенсии, и дам тебе поговорить с Ваней. Рада была увидеть тебя снова, Сергей.

Вышла из кафе и направилась к такси, стоящим в ряд вдоль тротуара.

18 глава

Алекс смял пальцами пластиковый стакан и сунул в пакет для мусора, закурил, снова всматриваясь в её окна – темно, жалюзи закрыты. Хотя, он бы не пропустил, несколько часов здесь торчит, с того момента как позвонил в колледж и узнал, что Кэтрин задержалась на работе допоздна. Последнее время он словно вернулся на работу патрульным, патрулировать её окна.

Тихо потрескивала рация, иногда он слышал короткие сообщения. Дождь моросил по лобовому стеклу, и дворники размазывали капли, равномерно и монотонно поскрипывая резиной.

Увидел её мгновенно, даже отреагировал раньше, чем понял, что это Кэт идёт в светлом жакете, с зонтиком и портфелем под рукой. Скорее всего, зашла в супермаркет. Алекс даже знал, что она купила – пакет молока, бисквитные печенье и кофе с сигаретами. Заславский вышел из машины и пошёл ей на встречу, приподнимая воротник куртки и щелчком отбрасывая окурок на мокрый асфальт. Кэтрин не видела его, она явно о чём-то задумалась, шла медленно, несколько раз остановилась и что-то рассматривала в руке. Алекс даже знал, что сейчас она забавно хмурит брови, как всегда, когда о чём-то напряжённо размышляет.

- Катя! – позвал по-русски.

Она подняла голову, и он резко выдохнул, когда увидел на её лице лёгкое недоумение и даже раздражение, которое она тут же спрятала за фальшивой улыбкой. Дьявол её дерит, когда-то она улыбалась ему искренне, бросалась на шею и целовала в губы, обволакивая его запахом шампуня и карамельного блеска для губ. Какого хера всё изменилось? Что он сделал такого, чтобы она с ним вот так? Вот именно, что ничего не сделал. НИЧЕГО, чтобы удержать её и доказать, насколько любил.

- Привет, Алекс, – поправила прядь светлых волос за ухо и посмотрела на него, слегка нахмурив тонкие брови. Всегда поражался, насколько она красивая, иногда Алексу казалось, что Кэт не настоящая, а фарфоровая, такая хрупкая, что едва коснувшись можно сломать. На

её щеке блестели капли дождя, и ему невыносимо захотелось их вытереть большим пальцем. Сунул руки в карман и сжал их там в кулаки.

- Я звонил тебе вчера целый вечер и оставил сообщение. Ты слушала?

- Нет, - она отвела взгляд, и Алекс почувствовал приступ ярости, который тут же перешёл в саднящую неприятную боль разочарования, - мне кажется, мы уже давно всё обсудили. Прости, я сегодня сильно устала и хочу домой.

- Я по делу, Кэт, - прищурился, когда увидел на её лице облегчение, - поднимемся к тебе?

- Нет, давай поговорим здесь.

- Как скажешь, может в машине тогда?

Алекс с трудом сдерживался, чтобы не схватить Кэт за плечи не тряхнуть хорошенько. Можно подумать, если она пригласит его в дом, он станет её помогать.

- Давай в машине, - согласилась Кэт и сунула что-то в карман жакета. Алекс открыл дверцу полицейского авто перед ней и Кэтрин грациозно села на переднее сидение. Он судорожно сглотнул, увидев её тонкие лодыжки, затянутые в чёрный капрон, обошёл вокруг машины и сел рядом. Слегка приоткрыл окна, впуская свежий воздух.

- Я насчёт Аниты, Кэт. Пару вопросов.

Удивлённо посмотрела, слегка приподняв одну бровь.

- Аниты?

- Да. Она же была твоей пациенткой, верно?

- Верно. Я думала, полиция больше не интересуется этим делом.

Алекс смотрел на женщину, с которой прожил вместе больше трёх лет, и ему казалось, что он совершенно её не знал. Особенно сейчас, когда её зелёные глаза лихорадочно блестели, и она старалась на него не смотреть. Кэтрин хочет побыстрее от него избавиться, скорее всего она даже слушает его краем уха, а думает о чем-то другом... или о ком-то. Хотя, если бы был другой, то Заславский бы уже знал об этом.

- Да, дело почти закрыто. Ты уже наверняка слышала о втором самоубийстве, о Вере Бероевой?

Кэт повернула голову и наконец-то Алекс увидел в её глазах искру интереса.

- Да, она так же училась в нашем колледже, но она не была моей пациенткой. А при чем здесь Анита?

Алекс закурил ещё одну сигарету, он не знал говорить ли ему сейчас об этом Кэтрин, о своих сомнениях. Раньше они часто обсуждали вместе те дела, которые он вёл и иногда мнение Кэт ему очень помогало. Возможно, эта привычка до сих пор осталась.

- Вера порезала вены итальянским стилетом, Кэт. Эти два самоубийства очень похожи.

На секунду Алекс увидел, как румянец отхлынул от её щёк и Кэт медленно забрала у него

сигарету, затянулась сама, так же медленно вернула ему обратно. Бросил взгляд на её тонкие пальцы и заметил, что она сняла кольцо, которое он подарил ей на последнюю годовщину. Ещё один удар под дых.

- Ты думаешь...они были как-то связаны между собой? - спросила она и на бледном лице появилась тень беспокойства. Алекс мог поклясться, что он видит гораздо меньше эмоций, чем Кэтрин испытывает на самом деле.

- Не знаю. Я у тебя хотел спросить. Упомянула ли Анита о чем-то таком, что могло бы их связать? Например, о дружбе с кем-то похожим на Веру? Что-то странное. Особые увлечения, сайты, игры онлайн, знакомства?

- Алекс, Анита и так была странной, очень странной. Всё что она упоминала и говорила выходит за привычные рамки нашего с тобой понимания.

Он задумался, глядя как капли стекают по стеклу. Слишком всё просто и в то же время запутанно до невыносимости. У них есть подсказка - два одинаковых, словно скопированных самоубийства, и в тот же момент ничего такого, за что можно зацепиться. Так не бывает.

- Алекс...что происходит? Ты ведь не просто так спрашиваешь? Тебя что-то настораживает, да?

- Да. Я пока не совсем понимаю, что именно, Кэт, но мне кажется... всё неправильно. Всё, что мы видим, неправильно. Я вторые сутки думаю об этом. Скажи, Кэт, эти порезы на её руках, они были и раньше. Ты их видела?

- Да, - Кэтрин достала сигарету из пачки, и Алекс чиркнул зажигалкой, давая ей подкурить, - видела. Она говорила, что ей их наносит кто-то другой.

Алекс быстро посмотрел на Кэт.

- Что значит, кто-то другой? Кто? - внутри тут же вспыхнул фанатичный интерес, предвкушение.

- Она считала, что некий любовник приходит к ней по ночам и режет её итальянским стилетом. Но это не так, Алекс, она наносила их сама. Намеренно не задевая вену, такие лёгкие царапины, скорее, чтобы оставить следы, чем причинить себе вред. Я бы не удивилась, если бы узнала, что она их выкладывала в интернет...фото этих порезов.

Заславский сунул руку за пазуху и достал снимки мёртвых девушек, выбрал тот, где крупным планом было снято порезанное запястье Аниты.

- Посмотри.

Кэтрин взяла снимок, и её рука дрогнула, Алекс увидел, как она судорожно глотнула. Из-за бледности веснушки на сливочных скулах стали чуть ярче.

- Это совсем другой порез, - наконец-то услышал он её севший голос, - совсем другой.

- Ты, как её психолог, считаешь, она могла нанести его себе сама?

Кэтрин вскинула голову, несколько секунд смотрела Алексу в глаза.

- Я вообще не считала, что Ани может себя убить. Да, она была подвержена депрессиям, но она хотела жить, а эти... эти порезы нанёс человек, который не просто хотел уйти из жизни, а

хотел сделать это очень быстро. Алекс...

Ему показалось, что в глазах Кэтрин блеснули слезы.

- Неужели я не поняла этого, когда говорила с ней? Неужели я не почувствовала этой опасности? Но как? Все тесты, беседы...я...

Алекс забрал снимок и спрятал в пакет, потом привлек Кэтрин к себе, но она высвободилась из его объятий очень быстро, даже грубо.

- Мне пора.

- Катя, - позвал по-русски и увидел снова... мать её, как она напряглась.

- Не начинай, - подняла обе руки вверх, - не нужно, не сейчас.

- А когда? - вырвалось у него, - Когда, Катя? Я как идиот жду уже четыре месяца, когда да?

Кэт полоснула его яростным взглядом, можно подумать, что его вопрос подействовал на неё, как красная тряпка.

- Алекс, никогда. Об этом я тоже уже говорила. Всё, я ухожу. Если будут ещё вопросы, вызывай к себе повесткой.

Резко распахнула дверцу и вышла из машины. Алекс увидел на сиденьи чёрный картонный прямоугольник, схватил его и выскочил за ней.

- Кэт!

Она ускорила шаги, не оборачиваясь.

- Кэт! - хотел отдать визитку, но так и не отдал. Почему-то сунул обратно в карман.

Рванный бордовый знак бесконечности переплетался с именем: Данте Лукас Марини.

- Баааай! Все! Не иди за мной!

Вернувшись в машину Алекс яростно ударил руками по рулю, ещё раз и ещё. Чееерт! Твою мать, а!? Но почему? Почему вот так?! Он же бл***ь скучает по ней, он ...Твою мать!

Алекс яростно ударил руками по рулю, ещё раз и ещё. Чееерт! Твою мать, а! Но почему? Почему вот так? Он же, бл***ь, скучает по ней, он ...Твою мать!

Долго смотрел ей вслед, пока светлый силуэт не скрылся за дверьми подъезда. Имя с визитки крутилось в голове, пульсировало назойливо и монотонно. Он его слышал, несомненно слышал. Две секунды и его фотографическая идеальная память копа с многолетним стажем тут же выдала информацию. Алекс повернул ключ в зажигании, и машина с рёвом сорвалась с места. Данте Лукас Марини упоминался совсем недавно в связи арестом Аниты Серовой за попытку незаконного проникновение в поместье итальянского бизнесмена.

Каждая глубокая затяжка слегка першила в горле и обволакивала лёгкие терпким привкусом горечи.

Данте смотрел, как красиво отливает алебастром женское тело на черных шёлковых простынях. Ему нравилось сочетание чёрного, красного и белого. Иногда только чёрного и белого. У него была слабость к молочной коже, именно сливочно-молочной. Не светлой, как мел или розовой. Такой цвет кожи бывает только у европейцев, чаще всего у русских, украинцев.

Посмотрел на женщину в черно-бордовых кружевах и снова затянулся сигаретой, глядя на неё сверху вниз, полностью одетый, в элегантную тёмную рубашку с распахнутым воротом и брюки с безупречными «стрелками», расставив длинные ноги, сложив руки за спиной и слегка прищурившись. Красные блики освещали его смуглое лицо без единой эмоции.

Она красивая. В его постель редко попадают те, кто не достоин украшать глянцевые модные журналы. Данте любит только самое лучшее. Ее тонкие лодыжки в чёрном капроне плавно переходят в сильные икры, стройные бедра. Она то сводит, то разводит ноги, открывая его взгляду тонкое кружево, под которым просвечивает её влажная плоть. Данте ещё не прикасался, но он был уверен, что не просто влажная, а мокрая. Её тело подрагивает, он видит, как женщина нетерпеливо закусывает алые губы, как вертит головой, пытаясь избавиться от повязки на глазах, грудь судорожно вздымается и опускается и Данте знает, как болезненно напряжены её соски в ожидании прикосновений.

Медленно затягивается сигаретой и выпускает дым в полумраке гостиничного номера, окутанного красным тусклым освещением. Он наклоняется, проводит рукой по женской ноге, подбираясь к бедру, надавливает на живот, скользит по рёбрам, но так и не доходит до груди. Слышит вздох разочарования.

Женщина молчит, она и будет молчать, пока он не разрешит ей заговорить, а он не разрешит, потому что ему не нужна её болтовня. Ему больше нравится смотреть на возбуждённое до предела, изнывающее, наэлектризованное тело, на тонкие кисти рук, в которые впивается туго затянутая верёвка, на жилку, пульсирующую сбоку под скулой, на пальцы рук, которые то сжимаются, то разжимаются в ожидании. Он знает, как сильно она хочет его прикосновений, боли и наслаждения, которые он может ей подарить, но сегодня она этого не получит. Скорее всего, не только сегодня, а уже никогда. Это их последняя встреча, и она об этом знает, последняя, потому что его больше не возбуждают ни её покорность, ни её запах, ни её крики наслаждения и вопли боли, даже слезы, которые прямо сейчас текут по щёкам, а раньше он любил их слизывать. Его возбуждал солёно-горький вкус её страданий, но ведь с губ срывались стоны удовольствия. Ему нравилось это сочетание, впрочем, как и ей... да и далеко не только ей. Хотя, Данте мог играть с ними в любую игру, если ему самому этого хотелось.

В этот вечер он испытывал удовольствие иного рода, от её эмоций. Ей больно, потому что она не сможет без его прикосновений, а ему на это плевать. Завтра, когда они встретятся в обычной обстановке, она опустит взгляд, покорно ожидая новой встречи, а он даже не заметит этого, потому что ему уже не интересно.

Оргии, извращения, наркота, бешеный секс всё осточертело. Он пресытился до такой степени, что больше уже ничего не будоражило, каждая игра заканчивалась предсказуемо просто, каждая женщина в его постели была похожа на предыдущую. Все на одно лицо.

Годы, проведённые в Аргентине, изменили его, именно там он превратился в неуправляемого, кровожадного ублюдка. Он упивался властью, возможностями, деньгами, шлюхами и

кокаином. Соскочить оказалось не просто, а он и не собирался соскакать. Быть безжалостным монстром гораздо лучше, чем валяться в канаве с ножом в спине или чувствовать, как плоть живьем пожирают черви под слоем земли, где тебя закопали более успешные конкуренты.

Для Данте давно перестали существовать моральные принципы. Плевать, кто встал на пути: друзья, враги, знакомые - всех в жернова и в порошок, если мешают ему лично. Его боялись до суеверной дрожи и липкого пота. Он прекрасно знал об этом и получал удовольствие сродни сексуальному удовлетворению. После смерти отца он возглавил бизнес и уже через месяц никто не смел посмотреть ему в глаза, чтобы при этом не почувствовать тошнотворные спазмы ужаса или позывы к трусливому мочеиспусканию.

Еще несколько минут смотрел на женщину, потом достал из-за пояса стилет и провёл кончиком лезвия по её шее. Спускаясь всё ниже, царапая стоящий торчком сосок, слыша её жалобный стон, полный мольбы о продолжении. Потом резко разрезал веревку.

- Трахни себя сама.

Прошептал ей на ухо и вышел из номера, когда хлопнула дверь он услышал сдавленные рыдания, он знал, что она сделает так, как он сказал, будет размазывать слезы по лицу и ласкать себя дрожащими пальцами, думая о нём. Она будет делать это не только сегодня, а ещё долгое время после того, как он забудет, как её зовут. Кстати, а как её и правда зовут?

Ступая по коридору, по направлению к лифту он достал сотовый и набрал чей-то номер.

- Ну что? Узнал? Значит, плохо ищешь. Я хочу знать о ней всё. Как ты сказал? Сбрось мне её номер.

Нажал на кнопку вызова лифта и вошёл в кабинку, когда он спустился в холл отеля, сотовый пикнул смской. Данте вышел на улицу и направил пульт сигнализации на свой Bugatti Veyron, удерживая смартфон между ухом и плечом.

- Ола ола, крошка, не ожидала, да? Так когда начнём играть в грязные игры? - усмехнулся, усаживаясь за руль и включая музыку, прикуривая сигарету, - для начала я приглашу тебя в «Домино».

Я захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, закрыла глаза. Несколько секунд постояла и, сняв жакет, скинула туфли, поставила раскрытый зонтик в прихожей, пошла в кабинет, взяла в руки тетрадь и села в кресло. Несколько минут я листала страницы. Искала. Сама не знаю, что. Точнее, нечто, что уже беспокоило изнутри, но я всё ещё не могла определить, что именно. Пока не остановилась на пятнадцатой странице.

«Я хотела подарить ему всё, что он попросит, а он не просил, просто брал. Требовательно, властно. Я хотела покоряться ему, я могла часами стоять на коленях и ждать, пока он разрешит мне поднять голову и посмотреть на него. Просто посмотреть. На него можно любоваться бесконечно. Да, я хотела подарить ему бесконечность во всем. Я могла бы бесконечно любить его, позволять делать с собой, что угодно, лишь бы знать, что ему хорошо.

Бесконечность...как бы я хотела стать для него бесконечностью, только знала, что этого

никогда не будет и что я скоротечна в его жизни как вспышка молнии. Если бы он попросил меня умереть, я бы умерла для него. Это страшно...так зависеть. Жутко терять себя саму, растворяясь в мужчине, для которого ты просто игра... когда-нибудь эта игра меня убьет. Я знаю. Может, в этом и будет моя бесконечность? Вчера я выполнила его просьбу, и этот знак принадлежности нарисован на моём теле».

Несколько минут я смотрела на эту запись, датированную июлем месяцем этого года, захлопнула дневник, открыла ноутбук.

«- Ведь всё имеет конец, а я хочу, чтобы длилось бесконечно.

- Что именно не должно заканчиваться для тебя, Вера?

- То, что составляет смысл жизни».

Я бросилась к сотовому, полистала список контактов и набрала номер Юлии.

- Добрый вечер, простите, если поздно.

На том конце провода мне не особо были рады, и проклятое чувство вины снова скovyрнуло мозг.

- Я не задержу вас надолго. В последние дни Анита делала себе татуировку, что-нибудь, какой-то знак, символ, рисунок на коже? Сделала? И что это за знак?

Я снова посмотрела на визитку и шумно выдохнула, услышав ответ Юлии Серовой.

- Спасибо... Нет, просто поинтересовалась. Мы можем снова встретиться? Я могу к вам приехать? Да, я понимаю. Может завтра, после обеда? Спасибо, я обязательно вам перезвоню перед приездом.

Я заварила себе крепкий кофе и снова уселась перед ноутбуком. Только ближе к полуночи внезапно вспомнила, что Ли мне так и не позвонила.

19 глава

Он уехал и не просто на несколько часов, а уехал надолго.

Первые дни я провела у себя, все еще ожидая, что Нейл вернется, он всегда возвращался. Все это время, что я нахожусь в этом доме не было ни дня, чтобы он не присутствовал.

Я бы никогда не призналась себе, что его отсутствие, как и присутствие, я чувствую физически. Как противоречивы собственные эмоции, какая дикая внутренняя борьба, потому что я должна радоваться, что его нет, а вместо этого я подхожу к окну в безмолвном ожидании, когда распахнутся ворота, и его машина въедет на территорию особняка. Острая нехватка присутствия, уже знакомая мне неестественная ломка. Только раньше я скучала по своим мыслям о нем, по строчкам о нем, по его образу перед глазами, а сейчас...мне не хватало его присутствия. Абсурдно, но каждый день внутри меня что-то надламывалось...Со временем я пойму, что это осколки моего неприятия Нейла настоящего, это куски той маски, которую я на него надела и долгое время любила этот восковой слепок, совершенно не похожий на

оригинал, а под маской оказался звериный оскал...но, черт возьми, он был настоящим. Но я уже не знала, что лучше - лживая маска и розовые очки или та правда, которая выворачивает наизнанку и потрошит мое сознание, меняя восприятие, ваяя реальную зависимость, привязанность, тягу.

Но даже дом без него стал пустым, словно Нейл своим присутствием заполнял пустоту, оживлял это строение и превращал в живой организм, который дышал только в его присутствии.

Еще с самого первого дня меня поражало это здание, оно жило отдельной жизнью, по своим законам, как и его обитатели. Я часто думала о том, что их держит здесь? Почему все они остаются в этом доме, хотя смертельно боятся его хозяина? Как всегда, ответов не было. Но я чувствовала, что помимо страха все эти люди фанатично преданы Нейлу. Для меня, привыкшей к равенству и демократии моего мира, подобные средневековые правила были ужасающими.

Все эти дни я проводила на этаже со слугами. Поначалу они сторонились меня, замолкали в моем присутствии, но я неизменно приходила к Мие, к моему маленькому подарку, который наконец-то стал походить на обычного ребенка, а не на восковую куклу. И постепенно отношение слуг изменилось, они начали отвечать на мои вопросы, а иногда и разговаривать в моем присутствии, смеяться. Они мне доверяли, потому что я спасла одну из них, такую же как они, а в этом мире не привыкли к чужой жалости, к состраданию тех, кто выше тебя по положению, а я была выше. Для них я в ином статусе - статусе любовницы Нейла Мортифера. Этого не произносили вслух, но этим были наполнены их взгляды, которые они бросали на меня. Кто-то с завистью и ненавистью, кто-то с восхищением, а кто-то с сочувствием и, пожалуй, последние были близки к истинному положению вещей. Потому что я сама могла себе всего лишь посочувствовать и позавидовать таким, как они. Они не имели никакого значения для Нейла, тогда как я жила под его пристальным вниманием, даже сейчас, когда его здесь не было, я чувствовала, что каждый мой шаг строго проконтролирован.

Единственная, кто искренне была мне рада - это Мия. Дети не умеют лицемерить, и в ее огромных глазах вспыхивал огонек, который согревал меня. Я сама обустроила ее комнату и с наслаждением расчесывала тоненькие волосики Мии перед сном, я рассказывала ей сказки на ночь и заботилась о том, чтобы в ее рацион входили необходимые для ребенка витамины.

В свое время я мечтала, как буду так же заботиться о своем собственном ребенке, но нам со Стефом не повезло. Я так ни разу и не забеременела. Походы по врачам не принесли ничего, кроме разочарования. Они говорили, что я бесплодна. Приемного ребенка Стеф не хотел. И когда я смотрела на Мию, я представляла себе, что она могла бы быть моей дочерью. Только внутри постоянно билось чувство, что это все ненадолго, что в любой момент ОН может передумать и отобрать ее у меня.

В этом мире нет ничего, что могло бы принадлежать мне, а если и принадлежало, то, скорее, для видимости и никогда по настоящему моим не станет.

Имя мы придумали с ней вместе, Мия очень хотела, чтобы наши имена были похожи.

С каждым днем она менялась, а я вместе с ней, мы переставали бояться. Наверное, каждому человеку нужно о ком-то заботиться, чтобы чувствовать себя значимым, нужным. Мое сравнение кому-то покажется циничным или кощунственным, но именно поэтому люди заводят себе домашних питомцев. Им нравится заботиться, нравится приручить кого-то, кто будет их

абсолютно и безоговорочно любить и в тоже время зависеть от них. В каждом из нас живет хозяин. Кто-то деспотичный, кто-то добрый и мягкий, но всякий раз, когда мы взваливаем на себя заботу о ком-то, мы тешим свое собственное эго намного больше, чем реально испытываем привязанность к зависимому. И я любила Мию именно за это – она создала для меня иллюзорный смысл существования там, где не было вообще никакого смысла ни в чем. Во мне особенно.

Через несколько дней я все же познакомилась со слугами, Лиам представил мне всех по именам и рассказал об обязанностях каждого из них. Он так же сообщил, сколько времени они работают у Нейла, и, оказалось, что некоторые родились в этом доме, что их семьи служат Деусу столетиями.

Мне захотелось спросить, каким образом он принудил их служить ему так долго, но я не решилась. Зато я спросила у Лиамы, с ним мы общались все чаще.

Ответ меня поразил – никто из них не работал у Деуса насильно, потому что оказывается намного безопасней находиться в этом доме, чем за его чертой, где смертные являются постоянной добычей. Нейл далеко не самый жестокий хозяин, в отличие от других Деусов, и, хотя он и внушает ужас своим подчиненным, он не трогает их, если не нарушаются неписанные законы этого дома. Тогда, как в других особняках слуги меняются постоянно, потому что являются не только обслуживающим персонажем, но и развлечением хозяев. Едой.

Мне было страшно спросить, что происходит с теми, кто нарушает правила в этом доме. Ни для кого не секрет, что в подвалах особняка содержатся сотни людей для разных нужд хозяина, но эта тема никогда не затрагивается. Как они могут мысленно отстраняться от этого? Как могут настолько хладнокровно закрывать глаза?

А потом понимала, что они не знают ничего другого, они впитали это с молоком матерей, выучили столетиями рабства и подчинения, где не существовало даже малейшего шанса на изменения. Они считали Божьей благодатью прислуживать Нейлу и оставаться в живых, пытались пристроить своих близких в то место, которое давало хоть малейшую гарантию безопасности. Они выживали, как могли. В ошейниках и на коленях. И если ошейники были материальными, и я видела их на шее каждого из слуг, то на коленях они стояли перед ним ментально, ползали и целовали носки его сапог. Я понимала, что стоит Нейлу щелкнуть пальцами, и они станут на колени по-настоящему. А я? Я готова стать перед ним на колени?

Увидев, что от скуки я схожу с ума, Лиам устроил мне экскурсию по всему особняку, начиная с верхних этажей и заканчивая нижними. Сама бы я точно там заблудилась потому что дом походил на лабиринт и, словно намеренно, приводил меня туда, куда приходить нельзя. Та часть дома, куда имел доступ только Нейл и несколько доверенных слуг. Раньше я в ней не бывала, так как даже не подозревала о её существовании. Лиам привел меня сюда, чтобы сказать, что это запрещенный сектор. Хозяин приходит в бешенство, если кто-то даже просто крутится рядом, не то что входит туда. Многие сильно пострадали за свое любопытство, и Лиам искренне не советует мне приближаться к этому сектору.

Как интересно устроен человеческий разум, точнее мой собственный, я не могла думать больше ни о чем другом, кроме как об этом секторе, ключи от которого были только у Лиамы и у Сильвии. Точнее не ключи, а пластиковая карта с отпечатками пальцев хозяина. Потому что тяжелая дверь открывалась лишь тогда, когда к маленькому дисплею возле замка прикладывался этот своеобразный ключ.

Меня пожирало любопытство, один из самых противных моих пороков. Я, не переставая, мысленно возвращалась к сектору снова и снова, строя самые разные предположения о том, что там могло находиться. Больше всего мы хотим узнать тайны того, кого боимся, словно в надежде получить оружие против своего страха или, наоборот, понять, чего именно стоит опасаться больше всего. Но не всегда стоит избавляться от страха, потому что он и есть тот самый инстинкт самосохранения, благодаря ему, мы избегаем ситуаций, которые могут привести нас к смерти. Природа заложила в нас этот механизм, и он идеально работает в моменты опасности.

Ночью, когда все звуки в доме стихли, я вышла из своей комнаты, наведальась к Мие и ...сама не заметила, как пришла в ту самую часть дома. Я долго рассматривала круглую ручку под дисплеем и, как и любой, кто стоит перед закрытой дверью, попыталась ее открыть. Повернула несколько раз, но дверь, естественно, не поддавалась.

Я услышала позади себя шорох и быстро обернулась, спрятав руки за спиной, прислонившись к двери, и в этот момент послышался характерный щелчок открывшегося замка.

Вздрогнув от неожиданности, резко отскочила, и мои глаза расширились от удивления. Дверь отворилась. Дыхание участилось, и я инстинктивно захлопнула ее обратно. Несколько секунд смотрела на ручку. Потом протянула пальцы и прижала их к дисплею. Снова сухой щелчок, и меня пронизало током, в горле резко пересохло. От догадки пульсировало в висках, но я не могла в это поверить – закрытый сектор дома открывался и от моих отпечатков пальцев. То есть я могла входить в эту часть здания, и никто, кроме Нейла не мог разрешить мне доступ.

Трещина внутри...та самая, она стала больше, осыпались первые осколки выстроенной мною брони. Те самые осколки безопасного страха. Трудно продолжать бояться того, кто, как оказалось, доверял тебе...

Выдохнув, перешагнула порог и затворила за собой дверь.

Я словно попала в другое измерение. Потому что здесь меньше всего было черного.

Эта часть дома пестрела, пусть и приглушенными, но совсем иными цветами.

Сиреневый, голубой, синий, белый...Пастельные тона, которые так безумно нравились мне самой. Я зашла в одну из комнат и замерла – она напоминала мне мою собственную спальню в нашем со Стефом доме. Я сама выбирала для нее дизайн, сама покупала шторы, краску для стен, ковер и тумбочку у кровати. Нет, здесь не было полной идентичности, но такое впечатление, что ее обставила именно я, именно в моем вкусе и именно для себя. Захотелось попятиться назад и быстро захлопнуть дверь. Потому что это похоже на сюрреалистический кошмар. Я подошла к столу, отодвинула ящик. Аккуратно сложенные вещи. Нижнее белье, косметика, украшения.

Открыла одну из коробочек, и мозг пронзило молнией, я даже поморщилась от боли. На бархатке кольцо, похожее на змею, чье тело усыпано очень мелкими драгоценными камнями. Но не оно само меня поразило, а воспоминание...Когда-то давно, после аварии, в больнице я заметила светлые полосы на своем безымянном пальце, такие, которые остаются если очень долго, не снимая, носить украшение, часы, цепочку. Когда кожа загорает на солнце, а снизу остается след. Так вот на моем пальце был след, похожий на очертания этого самого кольца.

Протянула руку и взяла дрожащими пальцами перстень, надела на палец и сжала руку в кулак – подходит идеально. Быстро сняла и положила обратно. Захлопнула ящик.

Еще одна спальня...с огромной широкой постелью, застеленной так же черным шелковым бельем. Осмотрелась по сторонам и судорожно вздохнула, увидев на спинке стула тоненький халат, словно еще вчера сброшенный кем-то. Тонкая красная ткань сверкала, как зарево, на черной деревянной спинке. Поддавшись порыву, я взяла ее в руки, поднесла к лицу, пальцы разжались, и халат бесшумно лег пятном у моих ног, подняла и повесила обратно.

Ощущение, что я влезла туда, куда лезть не имела права, не покидало. Но остановиться уже не могла. Открывала ящики стола, и каждая находка шокировала все больше и больше. Женские предметы туалета, крема... и засушенные цветы в одном из ящиков. Семнадцать, и каждый из цветов словно «моложе» своего соседа, последний вообще еще свежий, хоть и завядший. Это не могло быть правдой. Монстр не мог собирать все эти цветы, ровно столько, сколько, по его словам, я отсутствовала. Но факт оставался фактом. Еще одна маска? А под ней?

Почему-то последнее напугало меня больше, чем все, что я «видела» в нем до этого. Нас пугает то, что мы не понимаем, и я понимала все меньше и меньше.

В последнем ящике я нашла медальон, подняла за цепочку и нажала на кнопку сбоку. О Боже! У меня задрожали руки, и я почувствовала, как по спине поползли мурашки, от затылка до копчика - там внутри на портрете было мое изображение.

Моложе лет двадцать, с распущенными волосами, с блеском в глазах и нежной улыбкой на губах. Я улыбалась тому, кто делал этот снимок. Не просто улыбалась я светилась счастьем. Так смотрят влюбленные женщины на того, кого обожают и им отвечают взаимностью.

Рядом с медальоном стопка свернутых вчетверо квадратов бумаги, когда я развернула один из них, я чуть пошатнулась и сжала записку в ладони. Моим почерком там было выведено его имя...

«Нейл, я так сильно тоскую по тебе, каждая минута похожа на вечность».

«Сегодня я сделала это три раза...Ты меня накажешь?»

«Я люблю тебя, я так сильно тебя люблю, что мне больно от этого».

- Теперь вы понимаете кем были для него?

Я вздрогнула и быстро обернулась - Лиам стоял в дверях и смотрел на меня своим неизменно холодным, равнодушным взглядом. Нет, я ничего не понимала, мне было не по себе, и у меня подгибались колени. Зверь не мог любить меня, это невозможно, такие не умеют...

- Уступите!

Отрицательно качнула головой.

- Я потеряю себя.

- А вы разве еще не потеряли? Ведь вы здесь. Видите, КАК много вас здесь? Вы во всем и в то же время вас нет.

Лиам ушел, а я все еще оставалась в этой комнате. Мне казалось, что я попала в какое-то зазеркалье, изнанку самой себя и Нейла. Туда, куда никого и никогда не пускают. В сокровенное. Притом не в свое, а в его сокровенное. И это было самое жестокое открытие для

меня. Не то, что Нейл показал мне в замке императора, не то, что я видела до этого в каждом его слове и поступках, а то, куда он не впустил бы меня, а возможно даже и себя самого.

Слова. Как много можно сказать и как мало можно из них понять. Даже если кто-то кричит, мы можем не слышать ни звука. И я не слышала ничего из того, что говорил Нейл, а сейчас эта комната говорила со мной тишиной. Глухой, очень чуткой и звенящей тишиной, в которой я слышала шепот каждого предмета, каждого атома в воздухе, который пропитался прошлым... И я уже не могла отрицать, что это прошлое было. Наше с ним прошлое, которого я не помню.

Несмотря на то, что это его территория, в этой комнате было так много меня, как, пожалуй, нигде больше за всю мою жизнь.

Я снова открыла ящик стола с розами, разложила их на постели. Первая совсем черная от времени, как и несколько последующих, а самая последняя с подпаленными лепестками все еще имела запах. Зачем он складывал их в ящик?

Думал обо мне?

«- Никогда не говори никогда, малыш. Даже бессмертным не дано заглянуть за ширму вечности. Кто знает, что находится там, на границе эпох?»

- Есть вещи, неподвластные смене времен, Нейл. Как моя любовь к тебе».

Вздрыгнула и обернулась по сторонам. Голоса. Они звучали у меня в голове так отчетливо, что по коже пошли мурашки. И неясные образы, от них пульсировало в висках, стало не по себе. Я подошла к постели и села на краешек. В животе взметнулся дикий вихрь бабочек, но мне казалось, что их крылышки обгорели и они хаотично мельтешат внутри меня, испуганные, оглушенные, сошедшие с ума. Закрыла глаза... и образы... я увидела их, как сквозь туман...Точнее, я увидела Нейла...но не себя, потому что это я говорила...Это был мой голос, который нежно шептал:

«Есть вещи, неподвластные смене времен, Нейл. Как моя любовь к тебе»

Я откинулась на подушку и зажмурилась, сжала виски пальцами, чтобы избавиться от голосов, от навязчивого эха, от провокации собственного воображения.

«Когда они повернули регулятор на компьютере в моей камере, я словно прошла сквозь стены и оказалась в таких местах, о существовании которых не подозревала. На обшарпанных улицах с разбитыми фонарями, где в сумраке скользили жуткие, объемные тени в поисках плоти, как голодные хищники. Я слышала леденящие душу крики, видела море крови и истерзанные тела. Видела существ, совершенно не похожих на нас, настолько отвратительных, что кровь стыла в жилах, и я беззвучно кричала от ужаса. Шла через языки пламени, обжигая босые ноги, заглядывала в окна заброшенных домов, спотыкалась о кости на развороченном кладбище...а иногда...среди жутких тварей я видела живых людей. Так похожих на нас. Но они выглядели иначе, они держались за руки, прижимались друг к другу и смеялись. Смех. Мне почему-то казалось, что я никогда в жизни не смеялась. Но ведь я была счастлива? Точно была. А сейчас я словно шла сквозь них, сквозь этих людей, слышала биение их сердец, чувствовала дыхание, видела мир их глазами - полный разных оттенков, запахов, звуков, и вдруг в это счастье ворвались тени в черном, они растоптали цветы, убивали их детей, насиловали их женщин. Грязно, грубо, отвратительно, жутко. Уродливо до тошноты. Раздирали их плоть...и я видела,

как разбивается счастье, рассыпается, превращаясь в пепел, насколько оно хрупкое. Где-то в уголках моей памяти пульсировало навязчивое чувство, что и мое счастье разбилось. Я видела, как смех на их лицах превращается в гримасы боли и ужаса, мне стало страшно.

Нейл! Где же ты?

Жутко. Я рыдала, стоя на коленях, кричала и умоляла прекратить эти пытки, не трогать их или не мучить меня этими жуткими картинками.

А потом я снова шла, шатаюсь среди останков, спотыкаясь о мертвые тела. Крупные капли дождя смывали кровь с истерзанных жертв. Их широко распахнутые глаза смотрели в грозное небо, а слезы смешались с грязными потеками воды. Матери прижимали к себе мертвых детей, и я кричала от ужаса, меня раздирало от их горя, от осознания их беспомощности перед чудовищами, возмнившими себя Богами.

Нейл! Забери меня отсюда! Мне страшно!

Я поскользнулась и упала на них, собственный крик оглушил меня саму – я увидела среди мертвецов Мию, захлёбываясь слезами, я трясла ее за плечи и умоляла проснуться, я шептала, что заберу ее и никому не дам в обиду. Но ведь мы обе знали, что я лгу. Я такая же никто, как и она. На меня саму надвигались те же тени...я видела их идеально красивые лица и голодный блеск в глазах. Они тянули ко мне руки и смеялись.

Нейл! Пожалуйста забери меня! ...

Нет, он не придет за мной, я сама прогнала его, я сама оттолкнула, он не захочет меня слышать.

И вдруг сквозь крики и жуткий смех тварей:

- Тихо, маленькая, тихо. Проснись Посмотри на меня. Я здесь, девочка. Я с тобой.»

Распахнула глаза и вскрикнула, когда увидела бледное лицо Нейла, склонившегося ко мне. Неожиданно для себя обхватила его за шею дрожащими руками и сильно прижалась к нему, захлебываясь слезами. Еще не понимая, что уснула в запрещенном секторе, на его постели и сейчас все уже наяву.

- Не уходи, - вырвалось само, тихим отчаянным всхлипом, а уже через секунду мне казалось, что нет ничего более естественного, чем попросить его остаться со мной.

Почувствовала, как Нейл крепко прижал меня к себе, зарываясь пальцами в мои волосы.

- Спи, я здесь. Это просто кошмар. Просто кошмар, маленькая.

Устроился на подушках, привлекая меня к себе на грудь, а я приподняла голову и посмотрела ему в глаза. Долго. Молча. Так много вопросов и не хочется задавать ни одного. Показалось, что он взволнован, но разве это возможно? Тяжелый взгляд и бледное лицо, покрытое многодневной щетиной. Поднял руку, убрал с моего лица слипшиеся, влажные волосы, провел большим пальцем по щеке, и я не сразу поняла, что он вытер мои слезы, но ласка пронизала все тело...Не возбуждением, а чем-то новым. Чем-то, что я никогда бы не подумала, что могу испытывать именно к нему....Только от этой ласки стало больно в груди. В полумраке спальни

он казался немного иным, точнее, Нейл сейчас вообще казался мне иным, словно резкие черты лица смягчились, а в светло-синих глазах отражалось сомнение и ожидание. Палец все еще гладил мою щеку, прошелся по дрожащей нижней губе и Нейл снова привлек меня к себе. Не настойчиво, мягко.

Я медленно, судорожно выдохнула и склонила голову к нему на грудь. Под щекой билось его сердце очень гулко и быстро, словно в моем кошмаре мы побывали вдвоем. Но разве такие, как он, могут бояться?

Постепенно дыхание выравнивалось, и я чувствовала, как Нейл продолжает гладить мои волосы, спину, а потом...сквозь сон, прикосновения губ к макушке и шумный вздох... Улыбнулась краешком губ. Он втянул мой запах. Это была моя первая улыбка ему, но он ее не видел.

Никогда еще за все время моего пребывания в этом доме я не чувствовала себя настолько в безопасности... И именно с тем, кого опасаться надо было больше всего в этом мире и в этом доме. Только мое подсознание реагировало совсем иначе, я успокаивалась в его объятиях так противоестественно и в тот же момент правильно.

Потому что я наконец-то именно уснула, а не забылась тревожным сном. Словно, это было так привычно - засыпать у него на груди.

20 глава

Я должна была увидеть это своими глазами, увидеть, чтобы принять то самое окончательное решение, после которого уже ничего не станет прежним. Дойти до той точки невозврата, где сама себе смогу сказать - ХВАТИТ. Наигралась в любовь, в криминал, в великую страсть. И дело не в ревности, нет. Она второстепенна. Я бы ревновала его к любой женщине, которая строит ему глазки. Ревность, как и любовь, имеет самые разные оттенки. Этот оттенок грязный, отдающий гнилью, замешанный на лжи, на предательстве, на маскараде и попытках сделать из меня идиотку. Я не маленькая девочка, не взбалмошный подросток с чувством вселенского максимализма. Нет. Я бы на многое могла закрыть глаза в силу возраста и опыта, я бы даже могла простить мелкую интрижку. Как бы это унижительно ни звучало, но с возрастом становишься умнее, терпимее, думаешь не только о собственной гордыне. Есть и иные ценности. И я думала об этом все время. Я копалась в себе. Только понимала, что это не просто интрижка и это даже не измена - это долговременная непрекращающаяся ложь. В глаза. Цинично. Другой мир, другая жизнь, друзья, партнеры. Никто не знает о моем существовании, о том, что у него есть дочь. Я - это какой-то маленький мирок, спрятанный от всех, то ли потому что стыдно, то ли потому что настолько несущественно для самого Царева Руслана. Не престижно, не модно. Лариса Лешакова с внешностью модели, с богатым папой, связями намного выгодней смотрится с молодым бизнесменом, чем тетка под сорок, полностью от него зависящая. Но зачем-то я ведь ему нужна. И он продолжает мне лгать - вот от чего больно. Как смотреть на него теперь? Как верить словам? Если каждое вызывает сомнение. Если хочется проверить, если больше не можешь положиться на человека. Вот, что страшно. Можно простить все... Но как дальше жить с этим? Я не уверена, что смогу. Эта жизнь превратится в ад, в вечное недоверие, проверку телефонных звонков, переписок, подозрения, если задержался на час. Так можно сойти с ума.

Вот чего я не хотела бы себе и нам. И если трезво смотреть со стороны - это и есть конец. Не злость, не обида, не ревность - а потеря доверия.

Я приехала на квартиру и сбросила все вещи возле порога, так и пошла голая в комнату – распахнула шкаф. На последнее свидание обычно надевают все самое красивое, и я выбрала то платье, которое Руслан любил больше всего, которое выбирал для меня в Валенсии, когда мы отмечали наши совместные два года. Темно-бордовое, до колен, с откровенными разрезами по бокам и полностью открытым верхом. Без единого украшения или рисунка – простое и строгое, но оно и само по себе было слишком роскошным, чтобы чем-то его украшать. Распустила волосы, накрасилась и долго смотрела на свое отражение, понимая, что внутри зарождается мерзкий страх разочароваться окончательно, появляется желание спрятаться, укрыться, не знать, и я начинаю себя ненавидеть за него, презирать. Если я способна закрыть глаза сейчас, то потом мне придется их закрывать всегда и на все. Лучше остаться одной, чем ненавидеть и себя, и его.

Решительно взяла сотовый и набрала одного из ребят Руслана, готовая к тому, что, скорее всего, ничего не выйдет и придется искать другие способы узнать, где проходит этот проклятый банкет, но мне повезло. Иногда, когда ты всеми силами хочешь, чтобы хоть что-то тебя остановило, то словно вопреки всему у тебя получается все с первого раза, и тебя несет в самую пропасть без единого препятствия. Мне и адрес назвали, и предложили подвезти, а я даже и не отказалась, мне было наплевать, что скорее всего этот дурачок получит от Руслана по голове, а, возможно, и вовсе не досчитается зубов. Какая мне разница. Я уже не могла свернуть – мне нужно было увидеть. Я была просто обязана решить для себя.

Артём приехал за мной через десять минут, и пока я ждала внизу, а потом и ехала по улицам города, я снова и снова прокручивала в голове слова Сергея и понимала, что всё это время никогда не задумывалась о том, что бросила на алтарь этой любви буквально всё. Свою прошлую жизнь, стабильность, благополучие Вани, карьеру. Неужели напрасно? Неужели меня так виртуозно обманывали и пользовались мною, как вещью, как удобной и всепрощающей идиоткой, готовой закрывать глаза на его отъезды, на ложь, на постоянное отсутствие и наивно верившей, что она единственная.

Артём припарковался у огромного банкетного зала с зеркальными окнами, роскошным центральным входом, возле которого кишели репортеры. Я вышла из автомобиля и, медленно выдохнув, поднялась по лестнице, мысленно надеясь, что у меня не попросят приглашение. Конечно же, напрасно – у каждого из гостей в руках была золотистая именная карточка, и я замялась у резных поручней, беспомощно оглядываясь по сторонам, пока вдруг меня не взяли под руку.

- Я знал, что ты захочешь проверить. Могу провести.

Медленно подняла глаза на Сергея. При полном параде. Снова не похож на себя. Словно вижу его впервые. Только нет больше мыслей о том, что мог и раньше так. Они испарились. Сейчас мне было не до этого – не до оценки того, как выглядит бывший муж. Я думала лишь о том, что через какие-то считанные минуты я буду собирать себя по кусочкам.

- Конечно, знал. Для этого и рассказал. Удивляешь меня – никогда не думала, что ты умеешь продумывать шаги наперед.

- Я и сам не думал. Оказывается, я много чего умею, Оксана. Ну, так как? Идем? Или побоишься? Устроит дома скандал? Теперь он приревнует ко мне?

Бросил мне вызов. Бояться? Нет, мне уже нечего бояться. Кажется, весь страх остался за порогом нашей квартиры, когда я вышла в твердой решимости рвать все с мясом или поверить, и успокоиться, наконец-то. А еще вот это – пусть увидит с Сергеем. Пусть поймет, как это

больно знать, что тебя променяли на другого.

- Идём, - он подставил локоть, и я оперлась на него, поднимаясь по ступеням.

Когда вошли в залу, наполненную людьми, я убрала руку и поблагодарила Сергея.

- Когда достаточно убедишься - набери меня, я отвезу тебя домой.

- Я сама доеду, Сережа. Спасибо за беспокойство и спасибо, что провел.

Усмехнулся, пригладил волосы:

- Не стоит благодарности. Я же знал, что ты приедешь.

И ушел в глубь залы, оставив меня одну. Я недолго искала Руслана взглядом - он был слишком заметным среди толпы хозяев вечера. Слишком заметным всегда, притягивающим взгляды, внимание женщин. В элегантном костюме с расстегнутым темно-синим пиджаком и небрежно распахнутым воротом голубой рубашки. С этим беспорядком на голове и слегка поднятыми к локтям рукавами пиджака, так что видны его татуировки, уползающие под манжеты рубашки. Сильные руки, которые завораживают мужественностью. Развязный, наглый, отрицающий все правила и дресс-код любого заведения. Именно живой, по сравнению с другими гостями, закупоренными в чуть ли не смокинги и бабочки. Лариса держала его под руку и о чем-то мило говорила с гостями, а он, чуть нахмурившись, слушал, что ему рассказывает, по-видимому, теще. Все это время Лариса висела на Русе, как на вешалке. Лгнула, что-то шептала на ухо, снимала воображаемые пылинки с пиджака. Их фотографировали, а она позировала, такая счастливая, что мне хотелось подойти и плюнуть ей в лицо. И когда Руслан поцеловал её в губы, я слегка пошатнулась, чувствуя, как пересохло в горле. Я не слышала поздравлений, которые произносили в микрофон, я даже вообще не поняла, в честь чего затеяли этот банкет, просто с каждой секундой осознавала, что точка невозврата все же пройдена. Я в эпицентре этой точки с обратным отсчетом в висках. Пока не выстрелило адреналином прямо в сердце - Сергей не обманул, один из немцев сказал о своем приглашении для супругов в Германию, где он с удовольствием примет их у себя дома, и они вместе перережут красную ленточку в новом филиале концерна. Лариса пиццала и хлопала в ладоши, целуя Руслана в щеку, а он прижимал ее к себе и улыбался. Интересно, он рассчитывал отправить меня в Валенсию, а потом из Германии звонить и говорить, что решает свои проблемы и скоро будет дома, пока эта сука делает ему минет в роскошном особняке этого лощеного немца, который лыбится во все свои тридцать шесть?

- Хочешь, познакомлю со всей компанией, а Оксана? Или все же домой? Да так, чтоб никто не заметил?

Не обернулась, сжимая руки в кулаки и продолжая смотреть, как Лариса поправляет лямки серебристого платья и что-то шепчет Руслану на ухо.

- Познакомь, - неожиданно для себя, впиваясь ногтями в ладонь. Пусть познакомит, хочу посмотреть ему в глаза, когда поймет, что я все знаю. Знаю, как водит меня за нос. «Я нигде с ней не бываю. Я месяцами ее не вижу.»

А сам от меня к ней, а от нее ко мне.

- Обязательно, вот перестанешь дрожать от злости, и познакомлю. А пока выпей шампанского и расслабься.

Я повернулась к Сергею в надежде увидеть триумфальную улыбку, но он не улыбался, а внимательно смотрел мне в глаза. И мне стыдно. Нет, не потому что так поступила с ним, а потому что он последний, кто должен был наблюдать все это.

- Наслаждаешься?

- Чем? Тем, как разбиваются твои иллюзии? Нет. Мне это ничего не даст. Сожалею.

- Не смей меня жалеть, - сказала и самой стало противно.

- Мне не тебя жаль. Мне жаль, что ВОТ ЭТО испортило нам жизнь. Обоим.

Протянул мне бокал.

- Жизнь нам испортило не ВОТ ЭТО, а отсутствие той самой жизни в принципе. Сила инерции иссякла, и толкать стало некому: я больше не хотела, а ты вообще покорился силе притяжения дивана и рыболовной сижки. Кстати, как рыбалка? Друзья?

Стиснул челюсти, а я снова посмотрела на Руслана с Ларисой, а перед глазами она в его объятиях, в постели, на столе, на полу извивается под ним, запрокинув голову, и у меня в груди дерет с такой силой, что хочется заорать.

- Ты тоже умеешь больно ударить, Оксана.

- Видишь, иногда все же полезно изучать не телевизор и газету, а свою женщину. Чтоб знать все, на что она способна, - то ли ему сказала, то ли Руслану. Потому что все еще смотрела на них с Ларисой.

- Если бы она не строила из себя ханжу и не симулировала оргазмы, то была бы интереснее телевизора и газеты.

Я усмехнулась и посмотрела ему в лицо. Это упреки? Сейчас? Когда смысл в этом равен нулю?

- Надо было стараться лучше, чтоб не симулировала. Хватит. Это уже давно не имеет никакого значения - ни мои оргазмы, ни твой телевизор, ни твоя рыбалка и друзья. Мне это не интересно больше, Сережа. И изменить ничего нельзя, да и не надо. Так что не маши кулаками вхолостую. А давай, знакомь, раз предложил. Ты ж все это предвидел. Доиграй свою партию до конца.

Меня слегка потряхивало, и я буквально вцепилась в руку Сергея, когда он провел меня к хозяевам банкета. Нас не сразу заметили - Лешаков был увлечен беседой с немцами, а Руслан смотрел в глубь залы, потягивая то ли виски, то ли коньяк. Правда, Лариса сразу отсканировала меня с ног до головы, и я не сомневалась, что она меня узнала, потому что побледнела и сжала челюсти. Значит, все же ей обо мне известно так же, как и мне о ней. Но даже это не утешает, а наоборот, заставляет внутренне сжаться от ярости.

Первым нас заметил тесть Руслана и буквально расплылся в улыбке. Мерзкий тип. Иногда лицемеров видно за версту, особенно по глазам - маска улыбается, а глаза нет, они либо равнодушны, либо полны ненависти.

- Ого, какие гости! Сергей, да ты не один! Я думал, не придёшь. Ты ж сказал: дела, работа.

- Ну, какие дела, когда само начальство зовет на банкет. Грех отказываться. Да и женщина

согласилась со мной пойти, а в приглашении имелась такая опция, Дмитрий Олегович.

- И я рад, что она имелась. Познакомь нас со спутницей. Что за необычайно красивую незнакомку ты привел с собой сегодня? А говорил, что затворник, и это не по твоей части... Кто же она, таинственная женщина Сергея Новикова?

- Это моя... моя жена - Оксана.

Я замерла и словно полетела в пропасть от неожиданности. Сергей это сделал либо намеренно, либо по привычке, но я действительно не ожидала, что он так скажет. Знаю, что Руслан обернулся резко, но мне показалось, это было настолько медленно, что каждая доля секунды выбивала из меня дыхание.

Когда его взгляд остановился на мне, в его руке треснул бокал. Тут же подлетел официант, закудаhtала Лариса, а он оттолкнул официанта с салфеткой и сбросил руку Ларисы, продолжая сверлить меня взглядом, и я видела, как его глаза наливаются кровью. Слегка склонила голову и улыбнулась, чуть прищурившись.

Не нравится? А мне по фиг, что тебе не нравится. Мне тоже много чего не нравилось. И я больше не собираюсь считаться с тобой, как и ты со мной! И какая-то часть меня понимала, что все же не стоило этого делать... Та самая, которая все же его знала... та самая, которая, как дьявол, толкала меня именно на этот поступок. Из ярости и отчаяния.

- А я вижу, вы знакомы? - пропел Лешаков, - когда ты уже успел познакомить свою жену с Русланом и Ларисой?

- Еще как знакомы, - Руслан вдруг схватил меня под руку и потащил к выходу на лестницу, - пошли, поближе познакомимся, ЕГО жена Оксана.

- Руслaan! - писклявый голос Ларисы вслед и удивленное хмыканье Лешакова.

Этого не предвидела даже я. Что угодно, но только не то, что вот так, при всех, при Ларисе своей и тесте, при всех этих журналистах и репортерах. Я попыталась вырваться, но он сжал пальцы сильнее. Вытащил меня в коридор и толкнул к стене с такой силой, что я ударилась головой и тихо всхлипнула. Руслан тут же впечатал кулаком возле моего лица так, что слегка осыпалась краска со стены, а у меня потемнело перед глазами.

- Это что? Это гребаная месть? Что это за херня, мать твою?

- Это то, что я не идиотка и все знаю! Это то, что я хотела, чтобы и ты понял - я все знаю! Не надо делать из меня дуру!

- А ты и есть дура!

Хотела вырваться, но Руслан сильно тряхнул меня за плечи, впечатывая обратно:

- Стой на месте! Ты когда с ним успела, а? Вчера? Позавчера? Вот зачем приезд и игра в «не верю», да? Все до банального просто? К нему приехала?

- А ты с ней когда? До меня или после? А может в промежутках?

- Да насрать, когда, если ты уже успела настолько пообщаться, что он тебя по банкетам таскает!

Я выдохнула, понимая, что еще никогда не видела его в такой ярости. Точнее видела, но не по отношению ко мне. Он словно слетел с тормозов, и у меня запульсировало в висках «бешеный»... Он же бешеный и на моих глазах человека расстрелял. Я на секунду забыла, кто такой Руслан Царев.

- Лучшая защита - нападение? - я уперлась руками ему в плечи, - когда ты собирался сказать о Германии? Что еще за лапшу ты собирался навешать мне на уши? Убери руки, Руслан, это конец.

- Нееет. Это начало! Конец будет, когда я решу, что это конец!

- Не решишь, потому что я уже все решила. Ухожу от тебя. Понятно? Я ухожу от тебя! Именно поэтому я позволила себе...

Он не дал мне договорить, а влепил пощечину с такой силой, что голова склонилась к плечу.

- Позволила, да? Уже позволила? Когда успела только? У меня в квартире? Или к нему сгоняла?

От неожиданности из глаз брызнули слезы, и я зажала щеку ладонью. Во рту появился солоноватый привкус крови.

- Не трогай её!

Голос Сергея словно вырванная чека из гранаты, и я уже вижу, как Рус развернулся со сжатыми кулаками, продолжая одной рукой вдавливать меня в стену.

- Исчезни! Пошел на хрен отсюда! Закрой дверь с той стороны!

Снова повернулся ко мне, и я понимаю, что он не в себе, потому что с такой силой сжимает челюсти, что я слышу скрежет его зубов.

- Позволила, пока я вытаскиваю нас из дерьма? Позволила, пока я себе не позволял на хрен насильно вытолкать тебя в Валенсию? Пока я не позволял себе с тобой обращаться, как с надоедливой, ревнивой дурой, которой ты вдруг стала?

- Оставь ее в покое, сопляк!

Руслан даже не повернулся к Сергею, только повел плечом, показывая раздражение, но я инстинктивно чувствовала, что еще одно слово от Сергея, и Руслан переключится на него.

- Сергей, уходи. Мы сами разберемся. Уходи, пожалуйста! - крикнула я, глядя в глаза Руслану.

- Ну что, увидела? Убедилась? Что теперь? К нему, да? Прости, любимый, я виновата, прими меня назад, я больше не буду ни с кем трахаться? Натрахалась? Насосалась и домой к лоху своему?

Снова удар у моего лица, а я зажмурилась, чувствуя, как трясет всю от ужаса и от понимания, что - да, не знаю его, не знаю, на что способен в ярости, а он словно на какой-то грани и вот-вот сорвется.

- Отвали от нее!

Сергей, видимо, схватил Руслана за плечо, но тот обернулся и первым же ударом опрокинул соперника на колени. Я смотрела расширенными глазами, как они дерутся, а точнее, как

Руслан бьет Сергея в живот и головой о стену. Без остановки, как на одной ноте. Секунда – удар. Стало страшно. Бросилась к Руслану, пытаюсь оттащить.

- Не надо! Не надо, Руслан. Он просто провел меня в зал! Прекрати! Не трогай! Ты убьешь его!

Он обернулся и посмотрел на меня сумасшедшим взглядом, отшвырнул Сергея к лестнице.

- Убью, но не его, а тебя.

Выбежали люди, ошарашенные немцы, администрация банкетного зала. Я всхлипнула, прижимая руку к горячей щеке и глядя, как Сергей поднимается с колен, сплевывая кровь. Руслан схватил меня за локоть и потащил за собой по лестнице.

- Не прикасайся ко мне! Ты ненормальный! Я не пойду с тобой никуда! Я поеду в гостиницу. Я не хочу идти с тобой сейчас!

- Мне по хрен, чего ты хочешь! Пошла в машину! Хотела сюда приехать? Теперь расхлебывай!

Я слышала, как вслед нам щелкают фотокамеры, как перешептываются люди, как кто-то просит вызвать скорую Сергею.

21 глава

Обряд инициации Деуса едва ли не единственный наглядный пример того, насколько важно сильное потомство, способное отстоять фамильные территории и блага в случаях междоусобиц. Высшим хищникам не дано любить бескорыстно, беззаветно и искренне даже собственных детей. Любить своего ребенка просто так, лишь за то, что он у тебя есть. Без того, чтобы возлагать на него какие бы то ни было надежды или обязанности. Деусы, как и животные в мире смертных, сами убивают неспособных выжить, да и просто гораздо более слабых детей. Это не жестоко, не цинично. Это естественно, честно и объясняется самой природой Деусов. Зачем кормить и тратить время и ресурсы на того, кто не сможет стать впоследствии достойным членом стаи – семьи?

Первые двадцать лет своей жизни Деусы питаются большей частью силой своих родителей. И отчет ведется с момента, когда мать всё ещё носит его в себе. Иначе он обречен на смерть. И слабостью здесь считались не столько физические недостатки, сколько отсутствие силы. Неспособность защитить себя и свой род. Таких безжалостно отправляли на Необитаемые земли.

Я достаточно изучал чужие миры и понял, что только смертные способны любить другое существо только потому, что оно одной с ним крови. Каким бы немощным и чахлым оно ни было. Необъяснимая готовность матери пожертвовать собой ради жизни своего слабого ребенка; отцы, которые молча прощаются со всем имуществом только за одно обещание врачей выздоровления их больных чад. Что может быть глупее и бессмысленнее? Лишать себя и свою семью возможностей к существованию ради того, кто никогда не станет ей опорой?

Для такого, как я, подобная информация была не просто удивительна, она вызывала шок и неприятие. Пока я не понял, что именно в этом и состояло наше основное отличие от смертных. Жалкие ничтожества, именуемые людьми, попросту оказались гораздо сильнее морально и благороднее своих Господ. Быть готовым вспороть себе вены и подставить шею на

ужин Деусу только за его лживые слова о том, что детей не тронут, всё же понимая, что это обман. Обман...Как так? Спокойно идти на собственную смерть, зная, что это всё равно не спасёт твоих близких. А по сути - совершенно непонятный страх смертных пережить своих детей.

Они хоронят родителей, любимых, братьев и сестёр и плачут, обвиняя небеса в потерях, но смиренно принимая их. Но люди никогда не прощаются насовсем со своими детьми. Даже опустив их тела в холодную землю, они не отпускают до конца души, раз за разом призывая их к себе...либо, наконец, окончательно сдавшись, следуя за ними добровольно. Часто с улыбкой облегчения на губах.

Верх сумасшествия. Но ведь любое благородство таит в себе целую палитру ярких оттенков безумия. Способность не просто отказаться от личной выгоды в пользу другого человека...пресловутое благородство...или всё же один из признаков сумасшествия?

И теперь мне предстояло несколько дней подпитывать собой плод, что означало находиться рядом с его матерью. Несколько дней. Слишком долгий промежуток времени для нас. Конкретно для меня. Потому что Селена явно ждала нашей встречи. Не нужно быть Высшим, чтобы читать её мысли. Женщины действительно подобны открытой книге, если заинтересованы в мужчине. Их выдаёт блеск в глазах и сбившееся дыхание, изменившийся аромат тела и откровенное «ДА» во взгляде. И это тоже, мать её, природа. Перед ней бессильны и нищие голодранки, и богатые аристократки, и самые последние шлюхи, и чопорные монашки. Абсолютное согласие перед своим мужчиной. Так самки реагируют на самых сильных и интересных самцов в окружении, склоняют головы, подпуская всё ближе и ближе, заигрывая и позволяя обхаживать себя. Для того, чтобы после покорно отдаться самому достойному.

Селена был идеальной женой на протяжении этих дней. Да, что уж говорить, она была бы идеальной женой для любого высокопоставленного Деуса. Абсолютно не глупая, она отлично понимала, как следует держать себя в высшем свете, и каких ответов хотят услышать от принцессы Единого Континента. Селена Мантелла могла бы составить достойную партию даже самому императору.

- Ты снова задумался. - С бокалом крови в руках плавно подошла к моему креслу и присела на подлокотник.

- Что-то произошло, Селена?

- Нет, - пригубила напиток и зажмурилась от удовольствия, - пока что нет.

- В таком случае, зачем ты пришла ко мне?

- У меня была, - пальцами пробежалась по вырезу моей рубашки вниз, - парочка идей, как нам скрасить это время здесь, - склонившись к моему уха, - на самом краю Континента.

Прислушался к себе, понимая, что ощущаю лишь скуку и пустоту. Несмотря на откровенный прозрачный наряд, которым она едва прикрыла свои крутые формы, несмотря на аромат её возбуждения, тут же коснувшийся ноздрей, и лихорадочный призыв на дне глаз. А я смотрю на неё и чувствую лишь привкус фарса на языке. Словно смотришь дешёвую постановку режиссёра средней руки, постановку, которая проваливалась с треском на глазах у публики.

Перехватил её руку, сжимая запястье.

- Я думал, ты достаточно умна, чтобы не играть в эти игры, Селена. Хотя бы потому что знаешь — мне они не интересны.

- А что тебе интересно? - зашипела, выдёргивая ладонь, - Пропадать в своем замке в полном одиночестве? Я всё-таки твоя жена. Беременная жена, а не потаскушка с улицы, которую можно запереть...или,- прищурилась, подаваясь вперёд,- всё же не один, да, Мортифер?

- Да. Не один. - в её глазах промелькнула ярость и тут же затаилась где-то в глубине, - Правда, я думал, твои шпионы давно тебе донесли об этом. Разве нет? - улыбнулся, увидев, как она сжимает ладони в кулаки.

Думала, я буду отрицать? Значит, всё же я слегка ошибался в её умственных способностях.

- Послушай, милая. Единственное, что нас с тобой связывает, это обещание моего императора твоему отцу дать тебе МОЮ фамилию.

- В обмен на наши ресурсы и земли.

- В обмен на ваши ресурсы и земли. И до недавнего времени тебя устраивали условия нашей сделки. Так ведь?

Прищурилась, закусив губу. Секундная борьба, и здравый смысл всё же побеждает гнев. Хорошая девочка.

Склонила голову набок.

- Алекрикс сообщал, что приедет сегодня на ужин.

- Я учту. Можешь идти.

И она молча ушла, хотя нам по большому счёту и не нужны были слова. Достаточно было приспустить завесу её мыслей, чтобы ощутить физически на себе её злость и недоумение, желания и обиды. И ярость. Ярость, столь сильную, что, казалось, можно увидеть, как она пульсирует под её кожей, как переливается разными оттенками бордового, смешавшись с кровью. Цвета ревности. Яркие настолько, что режет глаза. Если, конечно, представить, что эта Деус способна на ревность. Скорее, нежелание потерять свое положение, стабильность в обществе и мужчину, обеспечивающего их. Невероятно красивая, стройная, яркая, словно бабочка. Сексуальная настолько, что многие Высшие согласились бы рискнуть собственными жизнями, но оказаться в её постели.

Вот только я никогда не любил бабочек. Мне они всегда казались слишком мерзкими существами. Никогда не понимал тех, кто восхищался ими. Ведь я отлично помнил, какими тварями они бывают большую часть своей жизни. Оторвать им крылья, и от красоты не останется и следа. Лишь крошки на пальцах.

Усмехнулся, поймав себя на мысли о Лие. О той, кто сводила с ума одним взглядом, одним своим присутствием рядом. Дьявол! Прошло всего три дня, а я уже подышал от желания увидеть её, прикоснуться к шёлковой коже, просто, блядь, почувствовать её дыхание. Пусть даже за дверью. Она точно не могла быть серой бабочкой с иллюзорными крыльями. Ночной цветок, подобно лучу солнца, рассекающий своей красотой полог тьмы. Цветок, которым хочется любоваться бесконечно. Который хочется сорвать ко всем чертям собачьим и спрятать. Чтобы никто и никогда не смел коснуться его нежных лепестков, не смел любоваться его изысканным бутоном и вдыхать тонкий аромат. Иногда мне казалось, что легче смять его в

ладонях и раскрошить на мелкие части, чем позволить другим приблизиться к нему. Скорее сдохнуть самому или убить каждого, кто посмеет отобрать её у меня.

Это ощущение появилось не сразу. Только сейчас, после того, как вернул её себе. Наверное, стоило едва не скончаться без неё в нашем грёбаном мире, чтобы почувствовать, насколько она необходима мне. Наверное, куда легче перестать дышать вообще, чем отпустить её снова. Куда бы то ни было.

А после – долгие разговоры с императором и его приближёнными, приглашёнными на столь значимое событие, как инициация наследника правящей семьи, томные улыбки их жён и самоуверенные взгляды Селены в их сторону. Взгляды, не больше. Потому что она не могла выразить их словами. Потому что сучка чуяла, что я не позволю ей обозначить мою принадлежность ей.

Потому что принадлежать кому-то означает полностью потерять право управлять собственной жизнью и мыслями. Потому что это долбаное право я потерял давно. Его вырвала у меня из рук маленькая оборванка с огромными глазами. Отобрала и спрятала где-то на самом дне голубого взгляда.

Дальше началась непосредственно самая церемония инициации. Под тёмными сводами пещеры, в болоте которой, согласно легендам Единого Континента, сотни тысяч лет назад появились из тяжёлого смрада бестелесные духи, пересекающие границы нескольких Вселенных и вселившиеся в хищников этого мира. Именно так когда-то появилась особая раса – Деусы, самая сильная раса Единого Континента и близлежащих территорий.

Самое главное во время ритуала – не прерывать связь с матерью плода. Держать её за руку, обнимать за плечи, что угодно, но не позволить прерваться потокам силы, сконцентрировавшимся в месте соприкосновения наших тел. Так соединялись духи матери и отца, устремляясь единой волной в тело плода, наполняя его энергией и питая собой.

Этот обряд иссушает напрочь даже всемогущих высших, забирая всю энергию и оставляя чувство полного опустошения. Ощущение, будто тебе выпотрошили все внутренности и оставили лежать на холодной земле, несмотря на то, что ты способен ходить и даже разговаривать.

Это случилось именно во время обряда. Ворвалось в мозг мощной струёй отчаяния и страха. ЕЁ СТРАХА. Громкий крик, пронзивший всё тело судорожной волной нашей связи. Связи, от которой Селена, стоявшая рядом, пошатнулась и едва не упала на колени. Подняла изумлённые глаза к моему лицу и покачала головой. Сейчас она видела все мои мысли, слышала голос Лии в моей голове, а я чувствовал её ненависть и боль от осознания принятого мною решения. Хотя, чёрта с два, я что-либо решал в этот момент. Чёрта с два, я мог связно думать. В голове пульсировала единственная мысль, лишавшая свободы выбора. С Лией у меня никогда не было выбора.

«- Нейл! Пожалуйста забери меня!». Её слёзы в голосе холодным цунами по коже, и я разрываю контакт с женой, чтобы мгновенно оказаться в тёмном водовороте нашей с Лией связи. Несколько мгновений, показавшихся вечностью, и она в моих руках, испуганная, с

мокрыми дорожками на щеках.

- Тихо, маленькая. Тихо. Проснись. Посмотри на меня. Я здесь, девочка. Я с тобой.

Истерика страха, затихающая, как только она открыла бездонные озёра глаз и посмотрела на меня.

Прижимаю её к себе, целую волосы, глядя плечи и шепча успокаивающие слова. Ей. И Себе. Потому что испугался не меньше её. Потому что думал, что теряю её. Потому что лучше десять раз принять наказания, налагаемые императором за мой побег, чем позволить ночному кошмару забрать её у меня. Не отдам никому и ничему. Даже её собственным видениям.

Мы пролежали больше двенадцати часов в постели. Лия спала, устроившись на моей груди, а я не позволял себе даже дышать, чтобы не помешать ей. Нам всегда хватало одного дыхания на двоих. Мысленно приказал Лиаму приструнить слуг и не позволять им шуметь. Только приготовить обед для моей девочки. Дом погрузился в безмолвие сна. Словно огромный зверь он накрыл нас своеобразным куполом, закрывая от звуков и запахов, обеспечивая защиту от визитов посторонних.

И только когда Лия проснулась и смущённо отстранилась от меня, пряча взгляд и румянец на бледных щеках, я открыл пространство вокруг нас, позволяя окружающему миру тихими шагами войти в наш маленький.

- Я...прости..., - склонив голову, тербит край одеяла.

- За что?

- Я...позвала тебя. - едва слышно.

- И я пришёл, малыш.

- Это бы всего лишь сон? Я... просто испугалась, - подняла голову, и сердце сжалось, когда увидел отголоски страха в светлом омуте глаз.

- Я знаю. Не думай об этом. Это уже прошло.

- Это ведь не сон, так? - кивнул, соглашаясь с ней. Нет смысла лгать и переубеждать. Чем раньше она осознает, в каком месте оказалась, тем лучше и безопаснее. Для неё, в первую очередь, - А что это? - сглотнула, сжимая кулачки.

- Это твои воспоминания, любимая. Ты будешь видеть их до тех пор, пока не вспомнишь всё.

Лия грустно улыбнулась, опустив глаза.

- Но почему я вижу только кошмары, Нейл? Разве у меня не было хороших воспоминаний? Разве у меня не было здесь друзей? Почему я слышу голодное рычание ужасных монстров и крики о помощи, а не счастливый смех близких мне...людей? - Водит пальчиком по простыне, неосознанно. Скорее всего, сама не понимает, что выводит своё имя. А мне не нужно смотреть, чтобы знать, что она пишет. НМ13. Одна из её привычек. - Разве я была настолько несчастна здесь, что в моей памяти не сохранилось ни одного хорошего «кадра»? Почему она выдаёт одни фильмы ужасов? Я не хочу видеть и чувствовать только боль, понимаешь?

Её слова будто лезвием по венам, вспарывая кожу и пуская кровь, не оставляя шансов выжить.

И я стискиваю зубы, чтобы не поддаться навязчивому желанию притянуть её к себе и успокаивать, забирая в поцелуях все её тревоги. Безумная жажда опрокинуть её на кровать и, ворвавшись в соблазнительное тело, заставить забыть о произошедшем. Моя неутолимая жажда по ней. Особенно сейчас, когда она со сна, полуголая и такая горячая, беспомощная. Чистый соблазн. Куда больший, чем десяток разодетых и надушенных шлюх, которые окружали меня всего несколько часов назад.

Но я напоминаю себе, что хочу вернуть себе Лию. Всю. Вместе с душой и сердцем, а не только её тело.

- В твоей жизни было много улыбок и смеха, Лия. Но даже счастье бывает пронизано болью настолько, что другим со стороны оно может показаться вовсе и не счастьем. И только тем двоим, в чьих оковах оно бьётся пойманной птицей, счастье и открывает своё истинное лицо.

Боль. Яркая. Ослепительная.словно кто-то сдавил голову тисками, и тут же в уши ворвалось яростное рычание зверя, словно острыми когтями вспоровшее её ментально на множество лоскутов.

- ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА. ВО ДВОРЦЕ.

- Ты, мать твою, совсем охренел?

Таким я его не видел почти сотню лет. Император не просто был в гневе. Он готов был рвать и метать. И больше всего злило его то, что он не мог сделать со мной ни того, ни другого.

-Ты прервал обряд инициации собственного сына! Ты понимаешь, что ты натворил?

- С каких пор мой император стал сомневаться во мне?

- С тех самых, - Алерикс впился руками в воротник моей рубашки, притягивая к себе и оскалившись, - как ты, грёбанный ублюдок, начал размениваться такими категориями, как долг и будущее короны ради...ради кого, Нейл? Ради грязной девки, которую много лет назад отмыл, накормил, периодически потраховал, от которой благоразумно избавился и которую снова приволок в наш мир? Она стоила того, чтобы рисковать будущим ТВОЕГО ребенка?

Страхнул с себя его руки.

- Мне бы позавидовали все студенты на Континенте. Слушать лекцию о семейной жизни от самого Алерикса Мортифера.

- Не паясничай, Нейл. Тебе это не идёт. Я бы лучше послушал ответы на свои вопросы.

Склонил голову, признавая его право на это. Пока признавая. Когда-нибудь я точно так же склоню голову, чтобы увидеть, как он ползает на коленях передо мной.

- Разве смею я не выполнить волю своего императора? И мой ответ НЕТ. На все твои вопросы. Нет, я не размениваюсь никакими категориями. Нет, она не стоила ни одного из перечисленных рисков. Нет, всё, что бы я ни сделал, я не делал ради неё, - замолчал, наблюдая, как император подошёл к камину, повернувшись ко мне спиной, - Я никогда и ничего не делал ради девки. Только ради нижила, в которого вложил слишком много ресурсов и

сил и которым дорожу, да, больше, чем тем выродком, которого носит наша общая шлюха, Алерикс. Не более того. Или моему императору перестала казаться соблазнительной идея покорения других миров?

Поворот головы в мою сторону и прищуренный взгляд холодных синих глаз.

- Когда-нибудь, Нейл, я забуду о том, что ты мой племянник, и я давал слово твоему отцу заботиться о тебе, и убью тебя.

- Я знаю, дядя. Как только я перестану быть тебе нужным.

22 глава

- Конечно, Лариса, и в Германию, и на Мальдивы. Куда захочешь, - не его голос, не он разговаривает, и не он машину ведет. Он вообще не здесь. Полное отсутствие и присутствие одновременно, - от наркоты лечить тебя будем.

- Да ладно. Издеваешься? Я не наркоманка! Я нормальная!

- Нет, - он не издевается, он сочится ядом сарказма и ненависти. Он полон ею до краев, и она выплескивается ледяными каплями на всё, что его окружает, прожигая дыры, - ты не наркоманка, Лариса. Разве что на коксе сидишь месяцами.

- Я брошу. Ради тебя. Вот увидишь!

Не бросит ни ради него, ни ради кого-то другого, плотно сидит и уже не только на коксе. Вместе с Серым присела на «потяжелее». Ходячий труп - вопрос времени, когда разлагаться начнет. Не жалко, не совестно - никак. Ему никак. У него к ним всегда особое отношение было, и Лариса не исключение. От одного взгляда в ее расширенные зрачки тошнило. Слово не человек перед ним, а какая-то сущность без мозгов и без будущего. Зомби. Она ж и детей хочет, с ним, между прочим. Не дай Бог такую мать кому-то. Таких стерилизовать надо после первой дозы и насильно. Внутри растекалась злорадная радость и предвкушение реакции Лешего, когда они начнут играть на равных, и тот получит свой очередной «шах».

- Бросишь, - ровно повторил он, - непременно бросишь. Позже. Вот развлечемся и бросишь.

По крайней мере, ремиссию на несколько дней вместе с ломкой он ей обеспечит в самое ближайшее время и жесткий вывод из-под кайфа тоже.

- А она как? Отстанет от тебя? Что ей было надо в НАШЕМ доме?

Сильнее сжал руль. «В НАШЕМ? С каких пор он стал её?».

А вот об этом не сейчас и не рядом с этой сучкой, чье присутствие марало даже мысли об Оксане. Хотя вот таким шлюхам рядом с ним самое место. Они с Ларисой похожи намного больше, чем с Оксаной, и в одном мире живут. Только ему никогда они не нравились. Чувства с ними синтетические, как и все они сами по себе. Никогда не знаешь, что у них настоящее. Да он и искать не пробовал. Только трахал и шел дальше. Отработанный материал больше уже не волновал никогда.

- Мы не говорим о прошлом. Мы вообще не говорим об Оксане. Я запрещаю! У нас теперь

только настоящее и будущее, Лариса. Радужное будущее. Ты и я. Всё, как ты хотела.

- Будущее? Ты на меня даже не смотришь. Везешь куда-то и не обернулся ни разу.

- Я на дорогу смотрю. Ты же хочешь жить, Лар?

- Хочу, конечно. Особенно, когда ты со мной. А куда мы едем, Руслан? Разве не к отцу?

- Кататься едем, Лариса. К отцу твоему я сам потом заеду, а мы покатаемся.

- Куда? Ты что-то придумал?

- Конечно, я изобретательный. Ты забыла?

- Ты за город выехал? Зачем? Что происходит, Рус?

Он проигнорировал её вопрос и надавил на газ сильнее. Ожидал его намного раньше, но она была слишком занята собой и болтовней ни о чем. Фоном мрачного и тяжелого ощущения приближения катастрофы, как в дурацких ужастиках, где обстановку разряжает какая-нибудь несмолкающая шлюха, которая обычно идет под раздачу самой первой. Так и Лариса замолчала, когда он резко схватил ее за горло и сильно сжал пальцы. Руслан даже не просил ее замолчать – она оказалась довольно сообразительной, а когда в глаза ему посмотрела, только тихо всхлипнула.

- Мы едем туда, куда надо мне. И если ты не будешь злить меня, то вернешься оттуда живой и невредимой. Будь хорошей девочкой, Лариса. И никто не пострадает.

Она кивнула несколько раз, и он ослабил хватку. Достал ствол и положил на колени.

- Сотовый вытащи из сумки и сунь мне в карман.

Лариса молча вытрусил из сумочки все содержимое дрожащими руками и, достав смартфон, положила его в карман куртки Руслана. Он обратил внимание на коробку снотворного и антидепрессантов. Наверное, и правда, последнее время держится. Леший вроде пролечил не так давно. Что ж – зря деньги на ветер пустил.

- Все было спектаклем, да? – спросила она, тяжело дыша и растирая шею.

- Нет, кратковременным исполнением желаний. Это тебе, чтоб сильно не расстраивалась. Я отымел тебя, как ты и хотела, мы вместе путешествуем за город. Я даже прихватил для тебя немного дури. Позаботился о тебе. Так что спектакль вполне удачный с бонусом в конце. У тебя ж денег на дозу не было? Смотри, какой я щедрый, Лар. Цени!

Бросил ей на колени три пакетика с кокаином, увидел, как она судорожно сжала их в ладонях, и глаза неестественно заблестели в предвкушении. Война разума с зависимостью, и Руслан прекрасно знает, что победит. Состояние знакомое. Только дурь у них разная, а ломает одинаково. Она сдохнет от передоза, а он – от самой ломки. Вот и вся разница. Его уже скручивает в жестоких приступах с такой силой, что скулы сводит, когда представляет себе, как Оксане сейчас, так и ломает. Леня сказал, что она к подруге поехала, остался сторожить там с пацанами. Значит, в квартиру не вернулась. «Тоже решение приняла. Правильно, моя хорошая, правильное решение. Ты только не ломайся, я этого не стою. Держись. Скоро все закончится, и вернешься в Валенсию. Там тебе дети не дадут сломаться».

Он подъехал к гостиничному комплексу, когда уже почти стемнело, с потушенными фарами. Машину поставил вплотную к воротам, сторожу позвонил минут за пять до того, как подъехал. Сказал, что со стороны озера заметили, как кто-то через ограду полез. Тот пока с обходом пройдет, Бешеный уже уехать успеет. Лариса нанюхалась до чертей, и теперь ее все веселило. Она висела у него на руке, лезла целоваться, и казалось, окончательно забыла обо всех его угрозах. Как только он ее спустил по лестнице в подвал того самого дома, где отец прятал документы, она начала сопротивляться, даже драться лезла, рыдала, размазывая слезы. Угрожала и материлась, но когда Руслан сказал, что высыплет весь кокс, успокоилась. Испугалась ломки – это самый жуткий страх любого наркомана, любой кайф сломает. Позволила себя к батарее приковать наручниками. Он ей пакетики на колени бросил и кредитку, а потом ногой бутылку с водой подтолкнул.

- Орать бесполезно – это бункер. Только глотку надорвешь. Сиди тихо и через пару дней выйдешь. Я бы сказал тебе – ничего личного, но нет – это личное. Папе своему спасибо скажешь.

Она ничего не сказала больше, только сильно в руках пакетики сжимала и беззвучно плакала. Правда, когда запер подвал снаружи, вслед себе услышал:

- Будь ты проклят, Царев! Это из-за тебя я такая! Из-за тебя, ублюдок! Чтоб ты сдох!

«Сдохну, Лариса, сдохну. Быстрее, чем ты думаешь. Я уже сдох».

Лешаков его ждал с накрытым столом и при полном параде. Руслан пожал его мягкую и вечно потную ладонь, прошел в дом. От ужина отказался. Предложил сразу в кабинет и к делу.

- Ты куда торопишься, сынок? Давай перекусим, перетрем дела наши за столом и бокалом хорошего виски.

- Я никуда не тороплюсь. Это время идет, очень драгоценное для Ларисы. Поэтому лучше в кабинет да побыстрее, а то ужин поминками станет.

Лешаков схватил сотовый и быстро набрал номер дочери – звонок раздался в кармане куртки Бешеного. Тесть все понял, побледнел до синевы и за сердце схватился.

- В кабинет и псов своих утихомирь. Пусть от меня подальше держатся.

Когда за ними обоими захлопнулась массивная дверь кабинета Лешакова, Руслан по-хозяйски сел в кресло и ноги на стол положил вместе со стволем.

- Дверь запри, Олег Дмитриевич, и выпить мне налей. В горле пересохло и в ушах звенит от визга твоей дочки. Я ей хотел рот скотчем заклеить, но передумал – задохнется еще. А она нам обоим нужна, да, Леший? Ты садись. В ногах правды нет, как говорил мой отец.

У Лешакова отнялся дар речи, он только галстук дернул и плеснул себе в бокал коньяк. Осушил залпом. Руслан понял, что тот знает за что, от того и трясется, потому что смертельно боится. Не ожидал, сученыш, что Рус так далеко пойдет.

На себя равнял, трусливая псина. Бешеный уже давно понял, что легче всего ломать тех, кто изо всех сил корчит из себя непробиваемую железную личность. Овца в волчьей шкуре. Рычит,

скалится, а как шерсть слегка подденешь, так там блеять начинает, истерично гнилая душонка.

- Почему не спрашиваешь - за что? Или и так знаешь?

- Да пошел ты, ублюдок больной!

- Ты даже не знаешь, насколько я могу быть больным ублюдком. Вот Лариса уже знает.

- Мрааазь!

- Тшшшш. Спокойно. Не надо кричать. Зачем, чтоб весь дом слышал, какой ты невежливый с зятем? Некрасиво так. У тебя ж все на показуху. Твою идеальность для реалити-шоу не снимают?

Леший потянулся за сотовым, но Бешеный ногой аппарат вышиб и подхватил, когда тот падал. Спокойно на стол положил, пока тесть, зажав ушибленные пальцы, согнулся пополам.

- Сядь! - рявкнул Руслан. Леший вздрогнул, но с места не сдвинулся. - И не скули. Не сломал. Хотя мог. Легко. Правда, чем ты подписывать себе приговор будешь? Воот. И я так подумал. Не дело это пальцы тебе сейчас ломать.

- Я тебя..., сукааа... - вышло хрипло и неубедительно.

- Ты меня уже. Всё. Твои ходы закончились. Теперь я тебя. Моя очередь. Готов к отдаче? Зад подставляй, без мыла и вазелина, Леший. Больно будет, сука, очень больно, - бутылку у Лешего отнял и сам из горла несколько глотков сделал, а потом неожиданно под дых кулаком, да так, что Леший подпрыгнул на месте и на колени, задыхаясь, упал. Руслан к нему опустился на корточки, приподнял Лешего, удерживая за галстук.

- Ты дыши. Глубже дыши. Значит, так. Слушай меня внимательно и дышать не забывай. Дышится? - снова ударил, и у Лешего слюна закапала на пол с широко открытого рта, - ты медленно. Даааа. Вот так, маленькими глоточками. Расклад такой - мы оба хотим одного и того же, ПАПА. Только в отличие от тебя, я не занимаю такой пост и не буду искать исполнителей - я сам себе и судья, и палач. Поэтому я церемониться не стану.

Руслан демонстративно посмотрел на часы, продолжая держать Лешего за галстук как за ошейник:

- Ровно двадцать минут назад твоя дочь сделала свой первый вдох угарным газом. По моим, далеко не профессиональным подсчетам, учитывая количество содержания газа в воздухе, в замкнутом пространстве - она проживет еще минут сорок. Я могу и ошибаться. Ее смерть будет очень медленной и мучительной. Тошнота, дикая головная боль, конвульсии.

Перевел взгляд на Лешакова, тот вскинул голову, захрипев, но Бешеный усмехнулся и помахал указательным пальцем у него перед носом.

- Нет, папа. Меня трогать нельзя. Точно не сегодня. Если я сдохну, то кто прикажет заглушить двигатель старого москвича где-то там в гараже далеко-предалеко, в месте, которое знаю только я? Кроме того, я не хотел бы наносить тебе тяжкие телесные прямо сейчас. Как я уже сказал - мы друг другу теперь очень нужны. Так что ты лучше сядь. Отдышись. Пока бить больше не буду. Тебе налить? А то меня что-то не берет. Нет? Ну, как знаешь.

Руслан насильно усадил Лешего в кресло, сел сам напротив и сделал несколько глотков коньяка из горлышка и поставил бутылку на пол возле себя.

- Чего ты хочешь, тварь? – едва отдышавшись, спросил Лешаков.

- Моих детей. Целыми и невредимыми. Как можно быстрее. Поэтому ты скажешь мне где, кто и когда. У тебя осталось максимум минут двадцать. Время пошло.

Лешаков закашлялся, когда Руслан закурил, потянулся к окну, лихорадочно дергая за ручку.

- О! Примерно так же сейчас кашляет Лариса, только окошко не может открыть. Все! Хватит разговаривать. Кто детей взял?

Накрутил глушитель на дуло пистолета и направил на Лешего демонстративно целясь то в грудь, то в голову.

- Начнем с самого главного и немедленно. Каждый неверный ответ – я отстрелю по пальцу. У меня терпелка закончилась. Настроение почему-то испортилось.

- Ахмед, - Лешаков, и правда, открыл окно, хлебнул воды из стакана. – Его идея была, когда ты отказался подписывать.

- Понятно, что не ты. Слишком труслив для таких подвигов. Мне нужно место, где их держат.

Лешаков тяжело дыша смотрел на Руслана:

- Я не знаю. Он не говорил мне.

Руслан пожал плечами.

- Значит, начинай думать сам и времени у тебя – пятнадцать минут. Потом ее даже реанимация не откачает.

- Не говорил он мне! Понимаешь? Не говорил, а я не спрашивал! Мне неинтересно было! Меня волновали кредиты, которые тот погасить должен в обмен на подпись твою. Мне было насрать, куда он детей твоих засунет. Это вообще его идея.

Руслан подскочил к Лешему и дуло в рот сунул, сильно сдавив шею, так что тот посинел:

- А мне насрать, сдохнет твоя дочь или нет, Леший. Реально насрать. Потому что потом я пристрелю тебя и начну искать сам. Я найду, и если у меня еще будут шансы, то у вас их не останется. Так что не зли меня! Начинай шевелить мозгами. Не заставляй меня решить, что у тебя их нет, и ты особо не пострадаешь от пары дырок в пустой башке!

Леший pokrылся каплями пота, дыша носом и глядя на руку Руслана.

- Тяжело говорить с дулом во рту? Прости, дорогой!

Вытащил пистолет и вытер о пиджак тестя.

- У него два склада в городе и один за городом. Скорее всего в том, что за городом, он их держит. Самое удобное место. Завод неподалеку и место тихое. Село в нескольких километрах и больше ни души. Там еще аэропорт недалеко частный. Когда он звонил мне оттуда, я слышал

шум взлетающего самолета.

- Когда он тебе оттуда звонил?

- Когда детей привез. Он так и сказал, что маленькие крысеныши у него. И я слышал именно звук взлетающих самолетов. Руслан! – Леший вцепился в руки Бешеного, - ты не трогай ее. Не виновата она ни в чем! Лариска дура, конечно, но она вообще не при чем. Давай, все мирно решим! Я виноват, а она не при делах.

- А мои дети, сука, при делах были?

Не выдержал, съездил кулаком по потной физиономии и брезгливо скривился, когда Леший заплакал, подтирая кровь под носом.

- Ахмед меня за яйца держит! Крепко! Так что не вывернуться мне! На крючке я! Кредит погасить обещал.

- А мне какое дело? До твоих яиц! Ты мою семью тронул своими лапами погаными! Ты тронул мое святое! И решил, что это, блядь, безнаказанно пройдет?! Ты Богу молись, мразь, чтоб я потом не вернулся к тебе и эти твои яйца не завязал бантиком на твоей лысой башке. Или не зарезал тебя, как свинью на бойне! Мне уже по хрен, Леший! Меня ничего не держит. Если детей потеряю, я тебя на шнурки порежу.

- Время! – взмолился Леший.

- Рано еще! Ахмеду звони, падла. Звони и говори, что я согласился все подписать, и что завтра привезу все бумаги! Давай!

Ткнул в лицо тестю сотовый.

- Звони!

Трясущимися руками тот набрал номер Нармузинова и, судорожно сглотнув, подтирая кровь под носом, заулыбался фальшивой улыбкой.

- Ахмед, дорогой, здравствуй.

Руслан кивнул на сотовый и показал пальцем на ухо. Лешаков нажал на громкую связь.

- Здравствуй, родной. Какие известия мне принес?

- Хорошие, Ахмед, хорошие. Он согласился.

Руслан кивнул и погладил ствол, поднес ко рту и дунул у самого дула. Лешаков не сводил с него взгляд расширенных от страха глаз.

- Неужели? Так быстро? Я думал немного развлекусь с его мелкими. Девчонка забавно орет, когда видит моих парней в масках - ссыт под себя.

Руслан изо всех сил врезал по стене, не удержался, посыпалась штукатурка.

- Что там за шум у тебя, дорогой? Оступился и упал?

- Да нет, секретарша, сука, поднос уронила.

- О стену? Вроде ничего не разбилось, да, Леший?

- Да какая разница, Ахмед. Главное выгорело, завтра этот ублюдок обещал все доки привезти. Наконец-то, тварь, понял, с кем дело имеет.

- А что завтра, а не сегодня? Или мне поторопить его? Может, ему мизинцы их повысылать, чтоб побыстрее двигался?

- Не кипятись, Ахмед. Не надо горячиться – мало ли, разнервничается Бешеный и глупостей наделает. Сказал, что завтра привезет, он где-то по своим шляется. Пьяный звонил.

- Ясно. Ты смотри, Леший, завтра доков не будет – я тебе кишки на шампур намотаю и Ларку твою по кругу пушу. А ты это кино смотреть будешь со вспоротым брюхом. Мне надоели эти игры! Я и зверенышам бошки поотрезаю. Мне по хрен! У меня товар уйти должен через два дня! Не уйдет – я вас всех под рельсы положу. Ясно?

- Ясно. Будет все завтра.

Руслан отобрал у Лешего телефон и отключил звонок.

- А теперь слушай меня внимательно – один твой неверный шаг, и я сам тебя вместе с Лариской твоей в расход пушу. Она к тебе вернется, когда я детей получу. И не зли меня, Леший, а то я и Эдика твоего прижму. Понял?

Лешаков кивнул и со лба пот смахнул.

- Ты не жалец, Бешеный, ты знаешь об этом, да?

- В отличие от тебя, мразь, я об этом знаю. Только я пока поживу. У меня дел много. Управлюсь, и мы с тобой вернемся к этому разговору еще раз. А пока подотри под собой лужу и молись, чтобы Ахмед моих детей не тронул. Хорошо молись. От души.

- Отдаааай ему компанию. Что ж ты уперся как баран?! И все бы закончилось!

- Я не отдам ему компанию. Руслан Царев никогда не нарушает данного слова. Если я сказал нет – значит, это нет!

- Ну и дурак!

- Возможно. Не спорю. Но я не продажная сука, которая трясется за свою шкуру и готова даже дочь подложить под кого угодно, лишь бы бабла срубить. Все, Леший. Ты все понял? Никаких лишних телодвижений – узнаю, сам дочь твою порешу и тебе снафф муви на смартфон пришлю. Говорят, это модно! Вместе с Ахмедом посмотрите – он оценит.

23 глава

Я долго смотрела на нераспечатанный конверт и, открыв ящик стола, положила поверх тридцати других...Тридцать первое, присланное им обратно. Несколько недель туда и обратно. Недель ожидания, надежды и молчаливого упрямства. Он их даже не открывает, тут же шлет назад, а я с такой же настойчивостью пишу ему следующее. Пишу медленно, смакуя каждое слово, каждую фразу и предложение.

Я общаюсь с ним. И пусть это не диалог, а монолог, но как говорят - мы должны слышать то, что нам так и не сказали, и только тогда мы обретем истину. Читая между строк, впитывая с паузами, прислушиваясь к тишине. Ведь далеко не всё можно описать словами. Молчание зачастую красноречивее любых слов. Его молчание. Я слишком хорошо знала адресата, чтобы не сомневаться - это молчание оглушительней крика. Иногда я даже боялась, что ответит. Напишет жестокое: «оставь меня в покое», или «я не люблю тебя, не жди, не верь, не надейся». Если кто-то мог увидеть в этом молчании пренебрежение и презрение - я видела отчаяние и дикую силу воли, которую пыталась сломать своей настойчивостью и сломаю. Когда-нибудь эта стена падет под натиском моих ударов. Я буду биться об эту стену до крови, синяков и ссадин. Вода точит камень, и это правда. Только время покажет, что я не сдалась. Только оно истончает эту преграду и сокращает пропасть. Не наоборот, как мог бы кто-то подумать. Из сил выбиваются не в начале пути, а в самом конце, когда уже нет надежды на второе дыхание, и именно тогда мы ближе всего к нашей цели. Мне слишком тяжело сейчас, только потому что я близко. Я готова к тому, что станет еще тяжелее и больнее. Готова ко всему.

Иногда я закрывала глаза, проводила пальцами по поверхности конверта и представляла себе, как он получает письмо, смотрит на конверт. Я видела его лицо - слегка бледное, худощавое с лихорадочным блеском карих глаз. Как слегка щурится и сжимает челюсти. На колючих скулах играют желваки, и я буквально физически ощущаю их линию под пальцами. Как будто рисую ее мысленно до ямочки на волевом подбородке, вверх к сжатым губам, обводя их контур, повторяя линию носа к глазам, заставляя их закрыть, чтобы трогать ресницы и разглаживать морщины между бровей, а потом зарыться в непослушные волосы, привлекая к себе.

Я представляла, как дико ему хочется вскрыть конверт, сожрать каждую букву и перечитать их тысячи раз. Затереть пальцами, помять в карманах и спрятать под жесткими наволочками тюремных подушек. Но он отказывает себе. Отбрасывает, как горящий уголь обожженными пальцами, чтобы не обжечь душу. Свою и мою. Чтобы отобрать у меня то, что мешает жить дальше без него - надежду. Мой наивный упрямый безумец, у человека можно отнять все, кроме трех вещей - свободы, надежды и веры. Потому что они живут в сердце, и пока человек жив, он будет верить и надеяться. Это неподвластно желанию, неподконтрольно и неуправляемо, как ревность и любовь. Нельзя сказать себе «не жди, не надейся, не верь»... Так же, как нельзя сказать: «не люби и не ревнуй, или люби этого, а не того». Такой выбор делается на космическом уровне, и этот космос никогда не покорится нашим желаниям.

А свобода... Свобода - это решение. Это внутренний мир каждого. Её не отнять ни цепями, ни кандалами. Рабами не становятся по неволе. Самый свободный на вид человек может быть рабом своих желаний, потребностей, работы, а самый презренный раб, умирающий от голода и побоев, может быть свободным. Потому что не сломался и не покорился. Он ТАК решил, как бы его ни калечили те, кто называют себя хозяевами.

Руслан мог сколько угодно открывать клетку и даже гнать меня из нее насильно, но я впиалась в железные прутья намертво, и моя свобода именно в моем решении никогда ее не покидать. Я - его, а он - мой, и это не изменится только потому, что он её открыл. Это изменится только тогда, когда я сама решу ее покинуть, а значит - никогда!

И я заплетаю волосы в косу, включаю ночник, беру шариковую ручку, тетрадный лист. Я пишу ему снова. Пальцы уже давно не дрожат, а сердце бьется очень тихо, так, что я сама не чувствую его стука. Оно прислушивается к безмолвию и знает, что и это письмо будет очередным ударом о бетонную стену. Но ведь рано или поздно по ней пойдут трещины. Если долго. Если в одно и то же место.

«Знаешь, я часто думаю о том, что каждый день приближает мою встречу с тобой. Каждая минута и секунда сокращает между нами расстояние в годах. Люди говорят, что ждать тяжело. Наивные. Намного тяжелее уже ничего не ждать. Ведь ожидание – это надежда. Ты отнимаешь ее у себя, но ты не можешь забрать ее у меня или у Вани с Русей. Ты не можешь забрать ее у Никиты. Да, ты о нем ничего не знаешь, потому что не прочел ни одно из моих писем, а он уже знает о тебе. Конечно, не понимает пока, что на том снимке, который я повесила над кроватью, изображен его отец, но скоро начнет тебя узнавать. Ему сегодня исполнился год и три месяца. Я спрашивала у тебя, как бы ты хотел назвать сына, но ты даже не знаешь об этом. Я выбрала ему имя сама, надеюсь, тебе понравится. Ты знаешь, его появление было для меня полной неожиданностью, но я с первой секунды знала, что там, внутри, снова сплелись в таинственный клубок вечности «мы». Когда шла к врачу, уже точно была уверена в диагнозе. Каждый раз, когда ты уходишь от меня, оставляешь часть себя со мной. Или я слишком не хочу отпускать тебя и отбираю кусок себе. Я была счастлива узнать об этом. Написала тебе... и это было первое письмо, на которое ты не ответил. Потом их было много. И я понимала, что это не ошибка – ты действительно их не читаешь. Больно ли осознавать это? Больно. Так больно, что иногда закрываю глаза и справляюсь с этим приступом, почти не дыша. Потом возвращается упрямое желание писать снова. Я хочу, чтобы ты знал – я не отпущу. Ты можешь, а я нет.

Смотрю на нашего сына, и боль проходит. Тебе будет больнее, когда ты о нем узнаешь. Когда поймешь, как много пропустил из его жизни. Но я храню все свои письма. И я отдам их тебе, когда вернешься. Не «если», а «когда», и только так.

Вчера наш сын сказал первое слово. Руся и Ваня заботятся о нем, а Савелий Антипович называет его хулиганом, потому что он свистит. Да. У него вылезли зубки, и между ними есть забавный просвет, и этому бандиту удастся свистеть. Он до боли похож на тебя, любимый.

Именно до боли. Когда я смотрю на него – я вижу в нем тебя. Нас. Наше счастье.

Я скоро начну работать. В прошлых письмах рассказывала тебе, что встретила Карину, она теперь владелица фирмы, где я раньше работала. Отец отдал бизнес ей. Она предложила мне стать её партнером. Сейчас они разрабатывают дизайн офисов и ресторанов. Я думаю, это была бы очень удачная идея. Кое-какую работу я уже выполняю на дому. Мама вернулась из Валенсии и помогает мне здесь. Они довольно мило общаются с Савелием, и я вижу, что он нравится ей. Хотя поначалу она его иначе, чем «ворюга и бандюга», не называла. Время меняет всех. Люди подстраиваются под обстоятельства. Учатся ладить друг с другом. Ворон – суровый человек, которого боятся буквально все, но с нами он совершенно другой. Никогда бы не поверила, что он способен мило нянчиться с детьми, и тем не менее это так. Он читает им книги и рассказывает страшные истории. Ваня вообще проводит с ним очень много времени. Мама ворчит, что ничему хорошему он их не научит, а сама подсовывает Савелию книжки, чтоб читал им вслух.

У нас уже десять вечера и за окнами давно темно. Никита спит рядом в кровати, а Руся на моей постели. Она так и не научилась спать одна. Ночью всегда перебирается ко мне. Когда ты вернешься, она опять будет спать между нами и закидывать на тебя ноги... Ты помнишь, как она мешала нам по ночам, и ты уносил ее под утро в кровать? Видишь каплю на бумаге? Да. Я плачу... потому что только сейчас понимаю, в каких простых вещах заключается счастье.

Днем мне намного легче. Днем я не думаю. Я то занята с детьми, то работаю, то Фаина в гости приезжает. Мы с ней сдружились в последнее время. А по ночам... мне так жутко не хватает тебя. Я закрываю глаза – и ты со мной. Я живу нашим прошлым. Это и больно, и сладко одновременно. Я не отпустила и никогда не отпущу тебя. Я искренне надеюсь, что ты там чувствуешь, как я думаю о тебе, плачу о тебе и пью о тебе кофе. Ты знаешь, я так и не начала

курить снова. У Никиты аллергия на табачный дым. Не курит даже Савелий. Твой сын «строит» весь дом.

Он очень похож на тебя. Мини копия. Один в один. Когда ты его увидишь, ты точно узнаешь его среди других детей, потому что он - твое зеркальное отражение, только маленькое.

Недавно ездила в дом твоего отца - наконец-то сняты все аресты с имущества. Когда ты вернешься, мы переедем туда. Я знаю, ты хотел бы жить именно там.

Я навела порядок, наняла штат работников, чтобы дом содержался в чистоте, и я нашла твои детские фотографии. Принесла несколько штук домой, и Руся подумала, что это фото Никиты, представляешь? Вот, насколько вы с ним похожи.

Иногда она дует губы и говорит, что так нечестно. Она должна быть похожа на папу, а не ее брат. Тогда я говорю ей, что папа не станет любить ее из-за этого меньше. Даже наоборот. Он будет любить ее еще больше, ведь она похожа на меня.

Кажется, мои аргументы очень весомы, и она довольно улыбается. Возможно, я ей лгу? Возможно, ты уже не любишь меня, как раньше. Почти два года не виделись. Почти два года ты отталкиваешь меня и надеешься, что я начну какую-то иную жизнь. Ты придумываешь для меня какое-то эфемерное счастье и сам же страдаешь от этих фантазий. Ты так и не повзрослел, так и не понял, что никого и никем нельзя заменить. Нет такого понятия "найти кого-то лучше". Нет такого понятия "устроить жизнь". Может, кто-то и рассматривает свою судьбу как сделку или бизнес, а живущего рядом мужчину - как делового партнера, с которым делят проценты от удачного или неудачного совместного времяпрепровождения. Только это уже не жизнь, а какой-то дешевый шаблон или декорации к спектаклю, где, может быть, актеры и играют хорошо, но они играют, а не живут, понимаешь?

Это не про меня. Я жить хочу, дышать, любить. С тобой жить, тобой дышать и тебя любить. Если не с тобой, то одна. Я только молюсь Богу каждый день, чтобы ты побыстрее вернулся обратно к нам. Чтобы увидел, как мы здесь ждем тебя, как нам без тебя плохо и как сильно мы тебя любим.

Я вчера на кладбище у твоих родителей была, убрала там, цветы принесла. Они тоже ждут, когда ты вернешься, и мы приедем туда вместе. Памятник поставили уже больше чем полгода назад. Я слала тебе и эскизы, и фото, но ты не читаешь мои письма.

Скажи мне, как долго ты смотришь на них, прежде чем отправить обратно? Ты вдыхаешь запах? Я всегда оставляю на них аромат: иногда капли моих духов, иногда мыло и шампунь Руси с Никитой. Ты ведь его чувствуешь. Когда бросаешь обратно в ящик, через сколько минут потом ты можешь дышать нормально? А сколько минут ты борешься с тем, чтобы не потребовать вернуть его тебе обратно?

Зачем ты так мучаешь нас, Руслан? Зачем эти испытательные сроки? У настоящей любви их не бывает. Она нескончаемая и вечная. Всё, что заканчивается, не может зваться любовью, понимаешь? А я люблю тебя, и это не изменится ни завтра, ни послезавтра, ни через десять и двадцать лет. Я буду старой и трясущейся старухой и все равно буду любить тебя. Я умру и все равно буду любить тебя. Может быть, ты во все это не веришь... я тоже не верила, но я знаю, что так оно и есть. Мне просто нужно знать, что и ты тоже любишь. Точнее, я знаю. Я не могу думать иначе. Я тогда просто сломаюсь и меня не станет.

Ты поэтому не хочешь меня видеть? Чтобы я не прочла в твоих глазах, что по-прежнему меня

любишь?

Меня не пугают ни десять, ни пятнадцать, ни двадцать лет. Они могут пугать только тебя. Ведь если пройдет так много времени, я уже не буду той Оксаной, которую ты помнишь. Но я буду ждать тебя. Всегда»

Я никогда не ставила дату и не прощалась с ним в письме. Бывало, я даже не здоровалась. Иногда писала ему по два письма подряд, иногда не писала неделями и терпела. Когда становилось невыносимо, хватала ручку и строчила по несколько листов. Потом делала перерыв, чтобы не расставаться с этим немym диалогом и не отправлять его снова в никуда и в безответность, ожидая либо ответа, либо возврата. Каждый раз это был удар, как бы я ни держалась, но это больно и это еще один шрам на сердце. На нем уже нет живого места, но оно продолжает ждать и надеяться. Ждать, когда другие уже ждать давно перестали бы.

Бывали моменты, когда я выла от отчаяния, выла, кусая подушку, чтобы не разбудить детей. Выла, потому что теряла веру и становилось больно. Тогда я цеплялась за нее зубами и держала мертвой хваткой, не позволяя себе перестать верить. Нельзя. Не только ради себя, но и ради Руслана. Он почувствует там, когда я отпущу его. Обязательно почувствует. И я не дам ему понять, что он был прав. Не в этот раз. Сейчас я сильнее. Кто-то из нас должен быть сильным.

Подходила к детским кроваткам и улыбалась сквозь слезы – вот где можно черпать силы. Нескончаемый источник энергии. Нескончаемый повод жить и ждать дальше. Вечный смысл и стимул. Невозможно смотреть на них и не взлетать вверх.

Я запечатала письмо в новый конверт, на котором обвела ладошку Руси. Хотела, чтобы он ее увидел. Руся внутри написала коряво «Папа». Да, я хитро устраивала ему ловушки. Заставляла открыть и прочесть. Когда-нибудь у меня обязательно получится. Или я никогда не знала этого человека.

Склонилась над кроваткой Никиты и провела кончиками пальцев по темной головке, поправила одеяло. Сосет палец во сне. Такой сладкий. Ресницы черные на щеки огромные тени бросают, и волосы выются по подушке непослушными прядями.

Вспомнила, как рожала его совсем одна. Только Фаина в коридоре сидела да Савелий иногда на сотовый названивал. Очередное дежавю. Как и с Русей. Одна. Может быть, кто-то и злился бы, а я плакала, потому что жалела, что он его не увидит вот таким крошечным. Я запретила рассказывать Руслану о сыне. Запретила обмолвиться хотя бы словом. Имела на это право. Это была моя месть. Месть за то, что не читает мои письма. Он мог бы узнать сам, если бы захотел.

Значит, пусть не знает. Его решение и только он несет за него ответственность. Ведь я в каждом письме пишу ему о Никите.

Я провела кончиками пальцев по пухлой щечке и еще несколько минут смотрела на сына.

Потом вернулась к столу, взяла конверт и вернулась к кроватке, приложив ладошку Никиты, обвела ее тоже, совсем рядом с ладошкой Руси. Пусть увидит их на конверте. Пусть смотрит на него дольше, чем обычно, и, если откроет, пусть ненавидит себя за то, что смог от нас отказываться. Это наказание страшнее тех, что он придумал себе.

Я набросила на плечи кофту и вышла из спальни, прикрыв дверь. Снова бессонная ночь. Не помню, когда спала спокойно. Добираю днем вместе с Никитой. По ночам слишком тоска сжирает, чтобы спать спокойно.

Издали услышала голос Ворона из-за двери в кабинете. Он бодрствовал по ночам, как и я. Сегодня Афган привел очень странного человека. Я из окна мельком увидела, как машина подъехала. Они долго сидели в кабинете Савелия, а когда уходили, я с ними столкнулась в гостиной. Он показался мне дерганым, странным: глаза бегают все время и худой, словно болен чем-то неизлечимо. На руках татуировки, даже на пальцах. Одет не так, как все окружение Ворона, скорее, бедно одет, как попало. Я таких людей в этом доме раньше не видела. Он на меня долго смотрел, а я на него. Потом поблагодарил Ворона и ушел с Афганом.

Я так и не поняла, кто это. Савелий редко принимал посетителей. Бывает, иногда какие-то незначительные вещи заставляют задуматься, искать ответы на странные вопросы. Вот так и я смотрела на этого мужчину, и мне казалось, что его появление в доме как-то связано со мной. Хотя никогда раньше его не видела. Может, потому что так посмотрел на меня или потому что Афган поторопился его увести. Я тогда снова в окно смотрела, как они в машину садятся.

Очнувшись от мыслей и прислушавшись к голосу Ворона за дверью, не решилась постучать, думала вернуться обратно в спальню, не мешать. Судя по тону, он с кем-то спорил. Долго говорил, потом, видимо, слушал молча и снова говорил. Я вдруг услышала звук удара, и все стихло. Прошла к двери кабинета и легонько постучалась. Мне ответили не сразу, а потом спокойным голосом сказали:

- Входи. Не заперто. Могла и не стучать. Я тут ничего не прячу и скрывать мне нечего.

Савелий сидел в своем кресле у окна, его любимое место. На полу сотовый с разлетевшимися частями корпуса и выкатившейся батареей. Я приблизилась, наклонилась и осторожно подняла пластиковые части. Автоматически собрала под характерный треск сомкнувшихся деталей. Потом подала сотовый Ворону. Он взял, не глядя на меня.

- Знаешь, Оксана, говорят, не поздно начать жить правильно. Не поздно начать с чистого листа. Лгут сволочи. Поздно. Иногда настолько поздно, что хочется о стены башкой биться. Поздно и не нужно. Никому не нужно. Жалкие потуги реанимировать труп. Ему наплевать на них... он уже давно мертвый и холодный. Его можно у огня положить, но он не оживет - только начнет разлагаться.

Я понимала, что он об отношениях со старшим сыном. Они были довольно сложными. Насчет младшего я знала слишком мало, да и он почти не бывал здесь.

- Я только на старости лет понял, что «как лучше» не бывает. Это мы так хотим. Мы думаем, что знаем, и ошибаемся в девяносто девяти процентах. Мы можем знать только «как лучше» для нас и все. И точка. Нет никаких «лучше» для других.

- Вы о чем-то сожалеете?

Он тяжело вздохнул.

- Сожалею. Нужно любить и не думать о том, «как лучше». Отказывая и себе, и тому, кого любишь, ради какой-то правильности, идеальности. Потом тебя же за эту правильность и ненавидят. Надо неправильно. Надо так, чтоб это «неправильно» приносило счастье. Идеальность уродлива, Оксана. Безобразная и отталкивающая. Она мертвая. Красота в ошибках, глупостях, промахах. Меня ненавидят за то, что я хотел идеально, безусловно. Люто ненавидят, и самое паршивое - заслуженно.

- Все не так. Я не думаю, что вас ненавидят. Не вижу этой ненависти.

Он усмехнулся, прокручивая в пальцах сотовый.

- Здесь даже думать не надо. Ненавидит. Я эту ненависть кожей чувствую. Просто жалеет старого. В этом отношении он лучше, чем я. Я бы не жалел – дал бы под зад коленом. В этой жизни жалость слишком отвратительна. Если уважаешь – не жалея, а пристрели. Намного гуманней.

- Мне кажется, вы себя совсем не знаете. И никому не давали себя узнать.

- Нельзя было. Жизнь другая была. Только маски страшные с оскалом, чтоб боялись. Иначе сожрут и не заметят. Потом маска к тебе прирастает, и ты уже сам не знаешь, какой ты настоящий.

- Я вижу, какой вы с моими детьми, со мной, с Фаиной. Именно настоящий.

- А с ним не могу. Привычка что ли или страх идиотский. Надо было быть таким с собственным сыном, а не растить его как в казарме, в вечной боевой готовности. Без ласки и слова доброго. Знаешь, я с ним ни разу ни в театр, ни в цирк. Ни разу. То времени нет, то привыкать к нему не хотел, то думал не делать с него девочку.

Я не знала, что можно сказать. Угрызения совести – это личный враг каждого, и никто не может убить этого врага, кроме тебя самого. Савелий остался с ним один на один. Наверное, вообще впервые говорил об этом с кем-то откровенно, и я слушала, потому что понимала, насколько это для него важно.

- Вы знаете, а я не побоюсь и повторю, что никогда не поздно. Дети остаются для нас детьми, даже когда сами становятся взрослыми. Им нужна забота и тепло. Место, где их ждут и любят, просто потому что они – это они. Не за заслуги и достижения, а со всеми ошибками и недостатками. Им это необходимо знать, а не додумывать. Необходимо слышать, чувствовать и видеть.

- Это будет выглядеть слишком жалко. Стал немощным – и потребовалась любовь и забота. стакан воды подать да пожалеть старого. Унизительно. Пока сам горы воротил, никаких шагов не делал, а теперь смерти испугался и грешки замаливаю?

- Зачем думать о том, как это выглядит? Вы никогда не сможете посмотреть на себя глазами тех, кто вас любит. Просто позвольте им быть рядом. Сделайте шаг навстречу. Это очень трудно... но иногда это и есть та тоненькая грань, которая отделяет от понимания.

Савелий посмотрел на меня.

- А ты? Не устала делать первые шаги за это время?

- Нет. Не устала. Это лучше, чем стоять на месте или пятиться назад.

- Умная девочка. Взрослая и умная. Иди вперед. Тебя там ждут.

- Где? – тихо спросила, и сердце замерло.

- Там, куда ты идешь. Ты, главное, продолжай идти.

24 глава

- Ты быстрее думай. Время идет. О сыне, думай, Сергей, о сыне. Прежде всего. Бабы они и в Африке шлюхи, а сын - это святое. Сын — это навсегда.

Он и думал. Хотя понимал, что с ним, алкоголиком, ему вряд ли светит светлое будущее.

- Из запоя выведу. Скажешь, что согласен, отвезу в одно место - через неделю как огурец будешь. Ну что, Новиков? Решился?

Сергей поднял на него взгляд, чувствуя, как начинается ломка без очередной дозы алкоголя и покрывается спина холодным потом, а руки начинают мелко подрагивать.

- Решился.

- Вот и лады. Я тебе весь расклад расскажу, а ты подумаешь, как тебе будет проще это проверить. Если все выгорит, может, сам важным человеком станешь. Сына из Валенсии к себе заберешь.

Сергей кивнул, вспоминая, как подписал бумаги на разрешение увезти Ваню. С ним тогда черте что творилось. Его ломало и корежило. Он понимал, что не может сейчас воспитывать сына. Пример для подражания из него херовый.

Левченков отвез Сергея в какую-то деревеньку к мужику по имени Федор. Он его Стрелком называл. Оставил его там на неделю. Федор всю душу из Новикова вымотал. Отварами поил какими-то, да так, что тот блевал дальше, чем видел, потом хлестал его в бане русским веником и на мороз выгонял, и снова отпаивал травками.

Через неделю Сергей, и правда, был, как огурец, словно пару месяцев запоя мимо прошли.

Весь этот год Новиков просто работал. Хорошо работал, на износ. Ни глотка водяры, только крепкий чай или черный кофе и бессонница жуткая сутками. Вообще не спал. Вырубит на час-два, а потом как робот - глаза открыты, и в голове только одна мысль - опустить её на такое же дно и показать, что молокососа себе в любовники выбрала. Что не Царев это старший, а босота бандитская. Ни защитить не сможет, ни обеспечить. Только ему и этого было уже не надо. Сергей хотел, чтоб она одна осталась, поняла какво это - просыпаться от того, что в доме так тихо, что слышно, как душа леденеет и инеем покрывается.

Думал, прощать умеет, а нет. Оказывается, черта с два. Не хотел он ей простить предательства. Ведь могла честно сказать, давно могла. Спектакли разыгрывала, пока удобно было, а на хрена? Чтоб одной не остаться. Потому что тогда был надежным и удобным, а когда перестал - слила за ненадобностью. Просто тупо променяла на новую модель. Как старую машину.

Покоя не давала мысль о том, что не удовлетворял её. Снимал баб и трахал ночи напролет, оргазмы считал, а потом сам себе не верил - кончает или притворяется. Его заклинило на этом, застопорило. А потом понял, что кончают, еще как кончают, это ей с ним плохо было. И от бессилия снова хотелось нажраться. Ненавидел себя в эти минуты.

Вроде прожил с ней долго и стоны все наизусть выучил и каждую родинку на теле, и любил любую, а оказывается - вообще не знал.

Лешаков почти год ничего не предлагал - присматривался видать, продолжал считать Новикова алкоголиком, а тот поддерживал эту мысль постоянно. Иногда довольно удобно, когда другие считают тебя слабым противником и расслабляются, потому что ты не

представляешь угрозы. Вряд ли Лешакову приходила в голову мысль, что Сергей на работу со стволом ходит и может с легкостью с одного удара Лешакова на тот свет отправить. Даже Оксана об этом не знала.

Только Леший ошибся, не на то поставил. У каждого свои цели в этой игре, и да, целью Сергея была Оксана, но только не в том понимании, в котором считали и Левченков, и Лешаков, желающий выбить почву из-под ног Бешеного, которого Новиков изучал почти год, и все больше убеждался, что не туда и не с тем её отпустил. Убеждался, что его променяли попросту на молодого самца, который трахался лучше и жестче и деньгами сорил. Ни в чем себе не отказывал. Оксана, как очередной квест была, с претензией на новое будущее и великую любовь. Так и хотелось в глаза ей посмотреть и проорать: «Ну как, мать твою. Ты счастлива? На кого ты меня променяла? На этого, у которого ширинка на замке не держится. Дура!»

Пока она в Валенсии своей ногти грызла и свечки ему за упокой ставила, он трахал все что движется и не движется. Потом на девке этой женился и Оксану за нос водил целый год.

Сергей истерически смеялся, когда думал об этом. Развелась с ним, семью похерила, чтобы с женатым жить долго и счастливо. Интересно, она ему простит? Есть такие женщины - сколько не швыряй и макай лицом в грязь, все равно стелиться у ног будут, и от этой мысли его передергивало. Значит, Сергея можно было вышвырнуть, как прочитанную книгу, а того на пьедестал возносить?

Он понять хотел её и не мог. Сколько старался - не мог. А потом, спустя время, решил, что и понимать не надо. Сына вернуть, а ее ни с чем оставить... а еще Бешеному пулю промеж глаз пустить, чтоб чужое не трогал. Чтоб знал - за все надо в этой жизни платить.

- Красивая она у меня. Лекса, бля. Я б её Лейлой назвал, если б знал о ее рождении. Если б тварь эта не спрятала от меня дочь.

- Мог бы из нее хорошую девочку вырастить, замуж отдать за кого-то из наших. Но как скажешь, дорогой, как скажешь. Это тебе решать.

- Мне. Пусть здесь живет. Рядом. Меня пока так устраивает. Она недавно сказала, что петь хочет и музыкой заниматься - я ей весь музыкальный магазин скупил. Брынчит там чего-то на гитаре, завывает, а голосок тонкий, смешной. Учителей ей возьму - пусть поет.

Ахмед скормил пантере еще несколько кусков мяса. Вытер пальцы салфеткой и прошел вдоль клетки в сторону роскошного дома.

- Мой гость еще не приехал, Рустам?

- Приехал, ждет вас давно.

Ахмед усмехнулся, достал из кармана пакет, насыпал на тыльную сторону ладони и, закрыв одну ноздрю, потянул порошок, остатки втер в десна.

- Уууууух. Охренеть - унесло. Первоклассная дурь, Бакиру скажи, я и себе возьму. Будешь?

Рустам отрицательно качнул головой.

- Правильно, мне больше достанется.

- Я зависимость не люблю, Ахмед.

Нармузинов расхохотался так громко, что пантера зарычала и оскалилась, но тот даже не обратил на нее внимания:

- Зависимости боишься? Мы все зависимы, Рустам. У каждого она своя. Вон у тебя в городе соска рыжая, которой ты хату купил с тачкой и каждые выходные бегаешь к ней трахаться, и думаешь, что никто ничего не знает.

Рустам напрягся и стиснул челюсти.

- Расслабься. Я давно знаю. Не трону, не бойся. Ты мне брат, Рустам. Все, что мое – твое, а все что твое – моим станет, только если сам отдашь. Так что все зависимы, родной. Каждый по-своему. И дурь – это самая безобидная из зависимостей, если ее в унитаз высыпать или уничтожить – можно другую найти, а вот с твоей посложнее будет.

Похлопал Рустама по плечу.

- Ну, куда ты его провел?

- В кабинете кофе пьет. Думаешь, сделает то, что скажешь?

- Сделает – у него своя зависимость имеется.

Они рассмеялись, и Ахмед прошел в дом, сбрасывая пальто в руки все тому же парню, безмолвно следующему за ним по пятам.

Прошел в кабинет и, широко улыбаясь, пропел вкрадчивым голосом:

- Господин Новиков, я безумно рад, что вы приехали. Как вам наш кофе? А сладости? Может, чаю?

Руслан открыл глаза и посмотрел на часы. Нельзя спать. Времени в обрез. Пока Леший не начал много думать и принимать не те решения. Двое суток без сна давали о себе знать – в глаза как песок насыпали и руки дрожат. Ему б хотя бы час-два на сон, и нет этого гребаного времени, даже минут на двадцать. Мозги разрывает от мыслей, от комбинаций, от получаемых результатов, которые его не устраивают. Всё держится на везении, а так нельзя, мать его! Просчитать все надо, а оно не просчитывается и не складывается. Один фрагмент пазла выбьется, и вся картинка сломается и погребет под собой и Руслана, Оксану и Ваню с Русей.

В горле запершило при мысли о детях, и сердце сжалось так сильно, что он воздух открытым ртом схватил и медленно выдохнул, заставляя себя успокоиться. А перед глазами взгляд Руси, и пальчики маленькие его скулы исследуют – он об ладошки трется щетиной, а она хохочет, заливаясь, и Оксана вместе с ней. Он бы сейчас многое отдал, чтоб назад все отмотать и поступить по-другому.

«Какой из меня отец?»...и руки сами в кулаки сжались. Паршивый отец. Хреновый. Не уберег и не просчитал. Потом, позже, он сможет ненавидеть себя за каждое слово, брошенное ей, сжирать себя кусками, пока не обглодает до костей, а сейчас нельзя. Они ждут его. Маленькие, такие беззащитные и испуганные. Верят, что он заберет их домой. К маме. И он

сам должен верить, иначе крышу сорвет, и он полетит напрямик в безумие. Если уже не обезумел окончательно, только сам еще этого не осознает.

Склад, где Ахмед держит детей, находился за чертой города, и Руслан уже исследовал местность. Часа два лазил вокруг пешком, осматривая каждый куст и каждую дорогу. Один он не справится, там усиленная охрана человек двадцать, как минимум. Там бригада нужна, а он не доверяет никому. Ни одной живой душе из своих – сольют Ахмеду, и пиши пропало. Остается только тот вариант, о котором изначально думал, если только не откажет ему Ворон, как и все остальные, а откажет... Нет, нельзя об этом сейчас думать. Все проблемы по мере поступления. Не распыляясь. Концентрируясь на чем-то одном.

Бешеный повернул ключ в зажигании и надавил на педаль газа. Едет, а дорога перед глазами расплывается, и его на секунды выбрасывает из реальности в сон. Несколько раз на встречу выскочил. Тормознул на обочине и тряхнул головой, прогоняя сон.

- Твою ж мать! Нельзя спать, нельзяяя!

Вышел из машины, обошел ее несколько раз, достал из багажника бутылку минералки и вылил на голову. И не легчает. От усталости глаза слезятся и все тело ломит.

Несколько секунд смотрел на звездное небо, впервые за эти дни не затянутое тучами, потом решительно подошел к машине, распахнул дверцу, полез в бардачок и достал пакет с кокаином. От отвращения передернуло. По хрен. За один раз торчком не станет, зато попустит. Ему трезвые мозги нужны. Высыпал порошок на запястье... Никогда не говори никогда. Кто б сказал, не поверил бы или в челюсть заехал. А сейчас сам втягивает смерть одной ноздрей и, закрыв глаза, ждет приход. Может, так и садятся на этот яд? Когда выбора нет. Впрочем, выбор есть всегда, и у Руслана он тоже был минуту назад. Он выбрал. И выбрал бы еще раз то же самое.

Через некоторое время уже гнал по трассе в сторону города, одновременно набирая номер с сотового отца. Единственный человек, который может помочь и на кого осталась последняя надежда - Ворон. Савелий Антипович.

Давний приятель Царя. Последний, кого Руслан не навестил за это время. Все остальные отказали. Твари трусливые и алчные.

- Да. Я слушаю.

- Добрый вечер, Савелий Антипович.

- Как официально. Ну добрый, если так говоришь. Кто такой? Откуда номер личный Царя?

- Руслан Царев. С телефона отца звоню.

- Да, я понял, что это не Царь с того света набирает. Хотя и мне туда давно пора. Чем обязан, сынок, если набрать решил старика в такое время?

- Помощь ваша нужна. Не к кому больше. Вы простите, что поздно.

На том конце провода закашлялись. Руслан переждал, пока Ворон не выпил воды и не заговорил снова.

- Приезжай - обсудим. Чем смогу - помогу, а не смогу - не обессудь. Завтра приходи с утра.

Херово мне сегодня. Погода вроде нормализовалась, а меня ломает.

- Мне срочно надо, Савелий Антипович. У меня нет времени до завтра. У меня даже до утра времени нет.

- Она как. Ну раз нет времени, тогда жду тебя у себя. Приезжай. Адрес есть?

- Нет.

- Запоминай.

Руслан отключился и потянулся к затылку, растирая занемевшую шею. Что он знает о Вороне? А ничего толком не знает. Отец дела с ним имел, всегда с уважением отзывался. Часто встречались они вне дома. Сына Ворона Руслан помнил смутно, видел как-то мельком, еще когда ребенком был. Тот вроде потом в загранке жил, несколько месяцев назад вернулся. Пацаны говорили недавно, что женщину его убили и с дочерью что-то случилось. Руслану, правда, не до этого было, пропустил он это известие. Серый, мразь, рассказывал. С макаронниками они там что-то не поделили. Отец как-то собирался в долю с Вороном войти, а потом что-то не срослось или не успел. Что ж он, Руслан, так мало знает всего. Ему б отца сейчас хотя бы на пару часов и выслушать.

Хорошо, что хоть в голове прояснилось. Какой ценой? Он об этом и думать не желал. Не имеет значения – надо было б, он бы и яду хлебнул. Навигатор высвечивал на голубом экране маршрут, и Руслан повернул с центральной улицы в сторону шикарных особняков.

Его уже ждали внизу, машину забрали и провели за ворота роскошного трехэтажного дома.

Руслан поднялся по широкой лестнице вместе с молчаливым лысым типом с двумя стволами под мышками. Нехило старика охраняют, как президента. Та еще важная птица, видать. Бешеного провели в библиотеку и предложили чашку кофе или рюмку коньяка – он отказался. Воды попросил. После дури сильно сушило во рту и в горле, но зато есть и спать перехотелось напрочь.

Когда высокий седоволосый мужчина ввез в библиотеку инвалидное кресло, Бешеный нахмурился. Не таким он себе Ворона представлял. Образ рисовался совсем иной, да и память картинками выдавала подтянутого человека с копной черных волос, а сейчас Руслан смотрел на изможденного болезнью пожилого мужчину с седыми волосами и желтоватым лицом. Только глаза запомнились – очень яркие, синие. Такие в память обычно врезаются. Не часто встретишь.

- Не признал, да? Жизнь такая штука, не щадит никого, а время и того беспощадней. Ты не стой – присаживайся. Как говорил твой отец – нет в ногах правды. Умный был мужик. Я его уважал.

Руслан подошел к мужчине и протянул руку, тот пожал довольно крепко и усмехнулся.

- Похож на отца. Взгляд такой же прямой и безумный. Ты не смотри, что я тут катаюсь. Это я к вечеру расклеиваюсь. Днем на своих двоих. Не хочу, чтоб меня таким видели, а ты немного не в рабочий час пожаловал, так что особо не болтай о том, что Ворона по дому на троне возят. Афган, сообрази нам по рюмочке.

- Сава!

- Да ладно тебе, не нуди. Неси. Кто знает, сколько мне еще. На сухую подышать не хочется. Я еще с костлявой пофлиртовать хочу. Давай. Неси.

Руслан снова невольно усмехнулся. Ворон ему отца напомнил сильно, даже словечки похожие и характер. Тот, кого Савелий назвал Афганом, пристально на Руслана посмотрел:

- Ствол мне отдай.

- Угомонись, Афган. Это свой.

- Свои чаще всего промеж глаз и стреляют.

Руслан достал пистолет из-за пояса и протянул Афгану.

Тот еще несколько секунд раздумывал, а потом вышел из библиотеки. Ворон сам себя к столу подкатил и Руслану кивнул на кресло.

- Рассказывай, Бешеный, зачем тебе Ворон понадобился. Да еще когда детское время и стариковское – по горшкам да в люльку.

Руслан рассказывал без отступлений с самого начала, не сбиваясь, даже когда Афган коньяк принес. Ворон ни разу не перебил и не задал ни одного вопроса, только с другом переглядывался иногда и снова на Руслана взгляд переводил. Глаза у него пронзительные, темно-синие и очень холодные. Пронизывает насквозь, как ультрафиолетом, под кожу влазит. Страшный взгляд – парализует собеседника. Слово Руслан говорит, а тот еще и в мозгах у него ковыряется, читая между слов.

- Ты кури, малец, а то трясет всего. Давай, не стесняйся.

Руслан закурил и сам понял, что его опять потряхивает, как только заговорил о детях, даже голос сорвался и переносицу двумя пальцами сжал. Повисла пауза, и Ворон по-прежнему молчал, а Руслану вдруг стало адски страшно, если он откажет.

Осознание того, что Ворон последняя надежда, взорвало пульс. На затылке и висках выступили капли пота. Когда сам словами все озвучил, понял – насколько все зыбко и рискованно. Никто так не захочет подставляться ради Бешеного. Может, ради Царя и подсуетились бы, но не ради его сына, которого толком и не знает никто. Останется только один выход. Самый крайний. И Руслан пока не хотел о нем даже думать.

Ворон откатил кресло к окну, сделав предостерегающий жест Афгану. Он распахнул шторы и долго смотрел в сумрак или на собственное отражение в стекле. Потом вдруг заговорил:

- Когда-то очень давно в нашей бригаде появился пацан. Так не особо я доверял ему, он откуда-то взялся среди нас. Помню, пробили его по своим: чем дышит, под кем ходит – вроде чистый. Я тогда и имя его толком не знал. Только не нравился он мне. Нутром чуял, что-то не так с ним. А он везде с нами таскается. Молодой, зеленый. Гиблое время было, группировок куча, каждый одеяло на себя тянет. Я из себя мало что представлял тогда, а, как и все, хотел представлять. Власть хотел, под себя остальных подмять, чтоб поверили в меня. Для этого надо что-то крупное провернуть. Мы на дело пошли по наводке. В то время все не так, как сейчас, было. В общем, подстава то оказалась, сдал нас кто-то ментам из своих. Перестреляли нас, как куропаток тупых. Меня тогда хорошо зацепило, думал, сдохну там. Видел, как мои врассыпную бегут. Очнулся я в какой-то подсобке в овощном магазине, весь перевязанный, а напротив тот пацан сидит, руку себе сам штопает. Я тогда спросил, как звать сказал – Царь. Ржал я долго, и

он вместе со мной. Он оказался единственным, кто тогда не только о своей шкуре подумал и вытянул меня с западни. С тех пор я всегда говорил, что жизнь ему задолжал, а он говорил, что когда-нибудь сочтемся. Не сочлись. Я вот живой, а его какая-то падаль пристрелила.

Ворон резко развернул кресло.

- Вот теперь сочтемся. Я клятвы на ветер не бросаю. Вытащим твоих мелких. Я сыновьям позвоню и обмозгуем. Времени сколько у нас?

- Не знаю. Леший тварь та еще.

- Тварь не тварь, а отпрысков своих любит, как и шкуру свою. Значит, ночь у нас эта точно имеется.

- Значит, имеется.

Внезапно загудел сотовый Руслана, и тот резко выхватил его из кармана – долго смотрел на дисплей. Потом решительно ответил.

- Руслаан, - голос Оксаны мгновенно выбил почву из-под ног, и Бешеный стиснул челюсти до боли. «Не сейчас, родная, не сейчас». Но она не говорила ничего, только всхлипывала, словно голос потеряла.

Вначале думал, что из-за него, из-за них, а потом понял, что не в себе она. Руслан несколько секунд слушал ее голос и сильнее сжимал кулаки, пока не начал разбирать, что она говорит:

- Мертвая... Надя... дети... Руслаан. Здесь столько крови.

Он сжал сотовый в кулак и медленно повернулся к Ворону, потом бросился из библиотеки.

- Давай за ним, Афган. Я пока Андрея наберу. Давай. Помоги. А то наворотит там. И отзвони мне.

Людской муравейник в утренней дремоте ползет по эскалатору вниз. Шелестят газеты, пахнет черным кофе и сигаретами. Наверное, иногда стоит оказаться среди людей, чтобы понять, насколько зависла сама в ежедневной неопределённости. Если бы не дети, я бы погрузилась в свое отчаяние с головой, а они, как спасательный круг, держат на поверхности, не давая захлебнуться.

Внутри клокочет ожидание и волнение. От него то холодно, то жарко внутри, и моментами меня тянет сунуть руку в сумочку и жадно прочесть. Пусть все взорвется к чертям, пусть я потом буду осыпаться пеплом на землю и превращаться в прах, но прочесть. Впитать каждое его слово. Увидеть просто «здравствуй» и сойти с ума от счастья. И не могу. Мне страшно. Так страшно, что дух захватывает.

Вдалеке послышался шум приближающегося поезда, народ оживился, и кто-то толкнул меня сзади, а я смотрю на часы, и снова туман перед глазами.

Я бы соврала, если бы сказала, что в этот момент не вспомнила нашу первую встречу. Тоже в метро.

Его наглую ухмылку и растрепанные волосы, цепочку с клыком и запах кожаной куртки вперемешку с дорогим парфюмом. Капелька крови на белой материи. Взгляд с сумасшедшим блеском и шум адреналина в венах от близости к молодому и горячему телу.

То самое начало, когда можно было еще бежать без оглядки и не позволить себе вспорхнуть слишком высоко, зная точно, как больно потом будет падать. Начало, которое уже тогда было похоже на торнадо, сметающее на своем пути стыд, совесть, принципы, дурацкую мораль, навязанную обществом.

Только я бы ни за что не отказалась ни от одной секунды, проведенной с Русланом. Даже от самых болезненных и невыносимых. Это все мое. Принадлежит только мне, и я бы все сделала точно так же. Я бы снова выбрала его. У любви нет пола, нет возраста, нет расстояния. Она существует вне измерений, логики и рамок. Ей плевать на все границы. Она ломает запреты, как тонкое стекло, оставляя порезы и шрамы. Она сметает стихийным бедствием все, к чему привыкаешь, и создает новую вселенную среди полнейшего хаоса твоего прежнего мира.

Тряхнула головой, возвращаясь из воспоминаний обратно на ярко-освещенную станцию к подъезжающему поезду. Толпа нервно и лихорадочно хлынула по вагонам, и я вместе с ней.

Наверное, это не зависело от меня, но я посмотрела в окно. В каком-то идиотском и совершенно сумасшедшем ожидании, что увижу его там... как когда-то, и на мгновение мне показалось, что я брежу.

Я не могла и не должна была заметить его. Слишком много людей. Но это ожидание или обман зрения... или чертовы галлюцинации. Но я видела. Вцепилась в поручень, вглядываясь в силуэт парня, расталкивающего людей, перепрыгивающего через ступени. Просто похож. Всего лишь похож. А сама, тяжело дыша, вцепившись в поручень слезу за ним глазами.

Я перестала дышать. Именно ни одного вдоха. Дыхание перехватило, как только узнала. Не могла не узнать. Это внутри. Там уже все дрожало и гудело, как натянутые провода с потрескивающими разрядами электричества. Любое «не верю» уже разъело панической, бешеной радостью и диким ощущением полета с высоты.

Он заскочил в другие двери в противоположном конце вагона, и я, толкнув кого-то, пошла навстречу. Где-то внутри клокотало: «Тебе кажется! Ты с ума сходишь!» но я уже ничего и никого не видела, продиралась сквозь толпу, не реагируя на злые окрики, наступая кому-то на ноги с автоматическим: «Простите! Извините!».

Пока не увидела его и не остановилась. Ни одного вдоха опять, и глаза уже не печет, а жжет, а я моргнуть не могу. Глотаю, а в горле пожар. Я бы не могла сказать ни слова, даже если бы хотела закричать. И я хотела, даже схватилась за горло. Первый вдох и начинаю задыхаться.

Не вижу его всего... только глаза. Только взгляд. Отчаянно-дикий, сумасшедший, как у психопата. Мне кажется, у меня сейчас точно такой же. Приближается ко мне. Я чувствую, как подбородок дрожит, и я поручень сжимаю так сильно, что уже не чувствую пальцев. Они

онемели.

Подошел совсем близко, я на лицо посмотрела и ослепла. То ли слезы мешают, то ли темно везде, и сама не понимаю, как руку тяну, трогаю скулы колючие. Он не мешает, только сам в глаза смотрит.

Я не знаю, сколько мы так ехали. Молча. Глядя друг другу в глаза. Мимо нас люди проходят, толкая меня и его, а я то снова слепну, то жадно пожираю взглядом каждую черточку: впалые щеки и круги под глазами, и волосы коротко остриженные, лихорадочный блеск глаз.

Мир вокруг растворился, его развело на невидимые атомы. Все вокруг черно-белое... и только он цветной. Яркий. Настоящий. Живой.

- Куда мне теперь пластырь наклеить? – сама свой голос не узнала, продолжая трогать его лицо до изнеможения, до какой-то лихорадочной потребности касаться и касаться, а он вдруг улыбнулся и руку мою перехватил, положил к себе на грудь. От его улыбки мне захотелось разрыдаться.

- Наклей сюда... сможешь? – у самого голос сорвался.

Кивнула и медленно голову ему на грудь склонила, а под щекой сердце бьется слишком громко, заглушая шум собственной, особой музыкой.

Чувствую, как волосы перебирает и запах вдыхает, целует пряди. Прижалась к нему сильнее и глаза закрыла.

- Не умею без тебя, – снова голос свой не узнаю... да это и не важно.

- Не умеешь!

- Не могу!

- Знаю. Не можешь.

- Почему? – спросила то ли у него, то ли у себя.

- Не знаю. Два года у себя спрашивал – почему? Но так и не понял.

Прижалась сильнее, захотелось срастись с ним в одно целое, просочиться через кожу невидимыми нитками, пришить себя к нему. Чтоб больше не мог вдали от меня.

- Не понимай. Когда поймешь - это уже будет не про меня.

- Не хочу понимать, - сжал до хруста, впился в волосы, сильно прижимая к себе, - любить тебя хочу, все хочу, заново хочу. Сначала. Вот с этого момента и по-другому. Дашь мне шанс?

- Нет.

- Ни единого? - больно волосы перебирает, то сжимая, то поглаживая хаотично, словно сам на грани какого-то срыва.

- Ни единого. Ничего не заканчивалось, чтобы начинать сначала. Просто продолжай, где остановились. Все мое. Все, что было, мое. Не откажусь ни от чего. Ни от одного кусочка нас. Ни от одной секунды с тобой.

Вдруг поднял мое лицо, обхватив обеими руками:

- Я писал. Не отправил ни одно, но писал. Каждый день мысленно писал тебе письма. Я точку не мог поставить. Понимаешь? Я боялся написать и поставить точку.

- Я их не ставила никогда, - тереться о его ладонь щекой, закатывая глаза от наслаждения и тут же открывая, чтобы смотреть на него.

- Ни одной?

- Ни одной.

Гладит мои щеки большими пальцами, а я тону в его отчаянном безумном взгляде. Лихорадочном, как под наркотиком.

- Значит... сын у нас?

Слегка кивнула и проглотила слезы... а они сами по щекам потекли.

- Прости меня.

Сама спрятала лицо у него на груди.

- Не говори «прости». Не нужно. Лишнее. Просто пойдём дальше. Вместе.

- Доверяешь?

- Я научусь снова.

Металлический голос объявил конечную станцию, и мы вышли из вагона.

- Поехали домой, - тихо попросила, а он мои руки целует.

- Я дома. Увидел тебя, прижал к себе и понял, что дома.

- Пусто без тебя.

- Я вернулся. Я всегда возвращаюсь.

- Ты не обещал. В этот раз.

- Не обещал... но я невыносимо домой хотел. К тебе хотел, Оксана.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

notes

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

mir-knigi.org